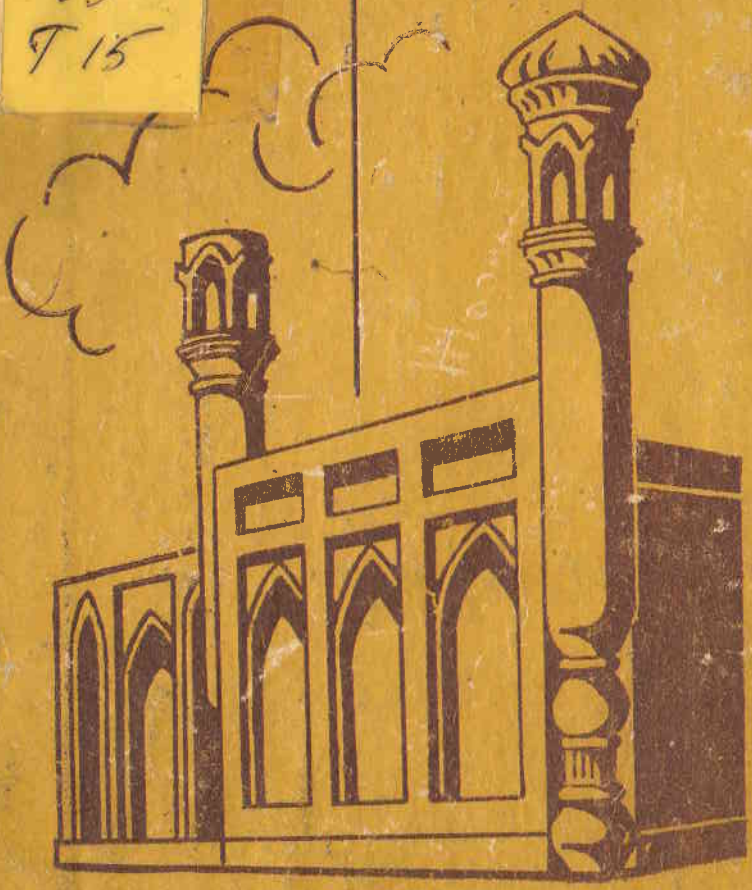
63
Т 15

В. Галицкий
В. Плоских

СТАРИННЫЙ ОШ

ФРУНЗЕ 1987

2419 +
63
Г-15

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. ГАЛИЦКИЙ,
В. ПЛОСКИХ

СТАРИННЫЙ ОШ

ОЧЕРК ИСТОРИИ

ОШСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ N 366 18

ОТДЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
ФРУНЗЕ 1987

По публикациям археологических раскопок и письменным источникам читатель познакомится с древнейшими поселениями на территории Ош и средневековым городом, становится свидетелем бурных событий неспокойного феодального времени, участия горожан в отражении нашествий завоевателей и восстаниях киргизского населения против ханско-феодального гнета в период господства Кокандского ханства. На документальных материалах раскрываются сдвиги в социально-экономическом и культурном развитии города после добровольного вхождения Киргизии в состав России, а также показаны выступления трудящихся города Ош в период двух первых революций в стране.

Книга рассчитана на историков, краеведов, широкий круг читателей, интересующихся историческими и революционными традициями трудящихся Советского Киргизстана.

Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории
и принято РИСО
Академии наук
Киргизской ССР

Ответственный редактор
д-р историч. наук
К. У. Усенбаев

Рецензенты:
д-р историч. наук
О. Караев,
канд. историч. наук
А. Мокеев

© Издательство «Илим», 1987

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ош — областной центр республики, древнейший город в Киргизстане. В одном из интервью журналистам известный ленинградский археолог доктор исторических наук Ю. А. Заднепровский, уже четверть века занимающийся раскопками древних слоев города, назвал его ровесником Трои. Действительно, древнейшие пласты города восходят к седой старине. В первом тысячелетии через Ош проходила одна из ветвей знаменитого Шелкового пути, связывавшего Восток с Западом, в раннем средневековье он считался третьим по величине городом в Фергане. Ош находился в центре южнокиргизских кочевий и служил торгово-перевалочным пунктом на пути из Средней Азии в Китай и Индию.

Он был одним из центров революционного движения трудящихся за установление Советской власти в Киргизии, ее опорным пунктом в борьбе против басмачества на Памиро-Алае в годы гражданской войны.

История города богата значительными событиями, которые являются составной частью общей истории Киргизстана, неотделимы от истории становления и развития киргизского народа. Обращаясь к истории города, этапам его развития, сравнивая прошлое с настоящим, мы видим, что многовековые чаяния киргизского народа, его борьба за свободу и лучшую жизнь стали реальностью лишь в годы Советской власти. Из очага феодального и иноземного гнета, эксплуатации трудящихся город превратился в центр социально-экономического и культурного прогресса, в один из форпостов социалистического строительства на Советском Востоке.

Специальных работ по дореволюционной истории Ош нет, а в брошюрах краеведческого характера о мно-

говековом прошлом города написано весьма кратко [1]. Мы предприняли эту скромную и первую попытку воссоздать в очерковой форме страницы истории Оша древнего, средневекового и нового времени (до 1917 г.) в надежде, что это поможет познанию исторического прошлого южных районов Киргизии, а также привлечению внимания к вопросам сохранения и пропаганды историко-культурных, в том числе и археологических памятников Оша. В черте города, у былого его общественного центра создается историческо-культурный заповедник под открытым небом, на территории которого с каждым годом все более интенсивно развертываются археологические работы.

Сегодня, например, уже реализуется замысел превращения в заповедник со многими уникальными археологическими и архитектурными памятниками горы Сулеймана, бывшей до революции почти на откупе у проповедников ислама, превративших ее в центр невежества, религиозного фанатизма и жестокого обмана обездоленных людей. Ныне здесь создается центр активной атеистической пропаганды и распространения исторических знаний.

Помимо недавно открытого поселения эпохи бронзы перед посетителями музея-заповедника предстанут наскальные рисунки древности и средневековья, мазар Асаф ибн Бурхия — архитектурный памятник XI в., мечеть Рават Абдулла-хана XVII в. Можно будет ознакомиться с наследием и памятниками предков киргизского народа от эпохи бронзы до позднего средневековья. И все это рядом с проявлениями бурной жизни современного областного центра Советского Киргизстана — седой город в новом юношеском обличии. В Ошском музее-заповеднике будут представлены парковая этнографическая зона, дендрологический парк. Уже действует пещерный музейный комплекс, вблизи высится монумент в честь 50-летия Киргизской ССР.

Здесь получают реальное воплощение в жизнь идеи В. И. Ленина об охране старины как памятников искусства, быта и жизни народа в прошлом, об организации музеев и проведении на их базе экскурсий.

На современном этапе выдвигаются новые задачи дальнейшего развития духовной культуры советского народа. А обогащение, духовное возвышение человека невозможно без знания нашей истории и культуры, того, чем жили и гордились многие поколения многонационального советского народа.

Сохранение исторических памятников в этих условиях — не самоцель. Это одно из действенных средств идейно-нравственного воспитания трудящихся в духе взаимного уважения и дружбы всех наций и народностей страны, любви к Советской Родине, интернационализма и солидарности с трудящимися других стран. Этой важной задаче, которую призваны решать советские, партийные органы и общественные организации будет отвечать и создающийся новый музей-заповедник. Наше славное прошлое должно служить настоящему, помогая практике реального социализма, строительству будущего.

1 ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Легенды

Ош ... Споря об этимологии этого названия, ученые до сих пор не могут прийти к согласию — столь далеко в глубь веков уходят его корни. Столь же древняя и его многовековая история, переплетающаяся с легендами о знаменитой горе Тахт-и Сулейман (в переводе с арабского «Трон Соломона»).

По одним преданиям, здесь в незапамятные времена обосновался и вершил правосудие мусульманский «святой» Азрат Сулайман — Пайгамбар, считавшийся посланником Аллаха на земле и его представителем среди правоверных. По другим сказаниям (людей «покойных, знатных и чистосердечных»), здесь проживал нищий киргиз, имя которого было Сулайман. Он так долго жил, что со временем это место стали называть «Тахт Сулайман», т. е. «трон, где сидит Сулайман». Так или иначе — мифический мудрец или легендарный киргиз Сулайман не зря избрали себе местом обитания прекраснейшую гору. В далеком прошлом она так и называлась — Бара-Кух — «Красивая гора», которая гордо возвышается над городом. С нее видны и отроги крупнейшей высокогорной системы — «Крыши мира». Это о ней древний автор поэтично сказал: «Там, где Ферганская долина упирается в Памир, дрожит синий контур четырехглавой горы, как льдинка в бокале».

В начале XX в. выходившая в Оренбурге на тюркском языке газета «Вакт» («Время») опубликовала простонародную легенду об основании Оша.

В восточной части Ферганской долины расположен город Ош, о происхождении названия которого существует незамысловатая легенда. Прежде на месте, где расположен город, была пашня. Однажды во время пахоты заболевший бык слег и не смог уже встать. А хозяин, стремясь поднять его, все покрикивал: «Хош», «хош». (Многие пастухи из тюркоязычных племен погоняли крупный рогатый скот окриками «хош», «хош»). Отсюда якобы впоследствии местность и получила название «Ош»[1].

В этой бесхитростной легенде явно угадывается желание хоть как-то объяснить название города, о происхождении которого никаких достоверных данных не сохранилось.

Известно и другое мусульманское сказание на ту же тему, непосредственно связанное с библейским Сулайманом — царем Соломоном. Он вел свое войско, а впереди гнал пару волов с плугом. Когда волы дошли до знаменитой горы, Соломон сказал: «Хош!» («Довольно!»). Так будто бы и произошло название появившегося здесь города[2]. Это предание столь же наивно, как и предыдущее. И, понятно, что оно вовсе не объясняет ни факта возникновения города, ни этимологии его названия, но свидетельствует о древности земледельческих занятий жителей этих мест.

Бытовали и другие варианты подобных по характеру сказаний, свидетельствующие об уровне знаний, удовлетворявшемся уже подобными объяснениями.

В «Трактате о городе Оше», отложившемся в рукописных фондах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, приводится легенда о пророке Сулаймане, который «бывал» в Оше и дал городу воду: «А еще рассказывают, что жители Оша обратились к святому пророку Сулайману: «Город Ош очень маловоден, и мы не видим выхода из этого положения». Святой Сулайман приказал дэвам: «Гору, что стоит у реки, унесите и освободите путь воде». Дэвы исполнили приказ святого Сулаймана, и с тех пор в городе Оше достаточно воды...»[3]

Ученые пытаются высветить достоверные страницы истории города в прошлом. Для этого в самом Оше археологами заложены раскопы. Вот уже свыше 10 лет там ведутся систематические археологические работы[4].

Что же можно сказать уже сегодня, основываясь на скудных письменных источниках и незавершенных археологических раскопках, о начале Оша?

Открытие археологов

Город Ош, без сомнения, древнейший в Киргизстане и один из старинных городских центров Средней Азии. Письменная история его насчитывает свыше тысячелетия, а археологические находки ведут вообще в трехтысячелетнюю давность. Впрочем, вопрос о времени основания города в научной литературе все еще остается открытым. Специальных раскопок древней подосновы современного Оша (включая его бывшую старогородскую часть) прежде не было, хотя эпизодические, но плодотворные работы здесь и вели Ю. А. Заднепровский и Е. В. Дружинина. Нет пока публикаций со сводкой археологических и нумизматических находок, различных памятников истории и культуры в Оше и его округе. Подготовка же к составлению свода памятников в республике стала вестись с конца 70-х — начала 80-х годов. Дискуссионны еще пока и попытки датировать время возникновения города путем сопоставления терминов «ош» и «усунь» (название некогда обитавших здесь древних племен) или же с помощью распространенных прежде мусульманских преданий. Достоверно известно лишь то, что в седой древности, еще задолго до начала функционирования Оша как города, земля эта была одним из очагов расселения человека каменного века.

Вслед за краеведами и археологами можно утверждать, что территория современного города и его окрестности уже обитаемы, по меньшей мере, с эпохи неолита [5]. Это подкрепляется не только различного рода археологическими свидетельствами, но и рисунками пещерной и наскальной живописи, обнаруженной непосредственно в Оше — в пещере «Навес орлов» на Сулейман-горе, на Сурет-Таше, а также в окрестностях города. Начало же сравнительно долговременного проживания и хозяйственного освоения нынешней городской территории связано с появлением первых оседлых поселений в Ферганской долине, где древнеземледельческие традиции восходят к рубежу II—I тыс. до н. э. Носителями их были представители так называемой чустской археологической культуры, названной по имени первоначально изученного археологами синхронного древнего поселения близ г. Чуст в Узбекской ССР. Оно и послужило как бы эталоном при исследованиях других земледельческих поселений — оазисов XIII—VIII вв. до н. э. в Фергане [6].

Жители Чустского и соседнего Дальверзинского поселений бронзового века, как и поселенцы Оша, выращивали зерновые — пшеницу, ячмень и просо, разводили домашний скот. Они обитали в земляных, примитивных глинобитных и сложенных из сырцового кирпича жилищах. На Ошском поселении основным видом жилищ были полуземлянки, располагавшиеся на террасах южного склона Сулейман-горы. Землянки же были еще довольно распространены у киргизов и других народов Средней Азии и Казахстана и в недавнем дореволюционном прошлом. Можно полагать, что «истоки этой традиции домостроительства, следовательно, восходят к бронзовому веку» [7].

Небезынтересна сама история выявления и первоначального изучения названного выше Ошского поселения и найденных там свидетельств о жизни людей бронзового века на территории южных районов современной Киргизии.

Обнаруженная Е. В. Дружининой (сотрудником Ошского областного музея) на южном склоне Сулейман-горы (1967 г.) и на территории Ошского пединститута (1973 г.) подъемная керамика, в том числе и расписная, каменные изделия, характерные для оседлых земледельцев чустской культуры, позволили предположить существование в далеком прошлом террасового поселения на «Ошской горе». На его остатки указывали и выходы культурного слоя с характерной керамикой, зафиксированные весной 1976 г. также Е. В. Дружининой при строительстве дороги к одному из созданных в горе зданий музея. Работы Ферганской археологической экспедиции (ЛОИА АН СССР) под руководством Ю. А. Заднепровского вполне подтвердили правильность упомянутой гипотезы. Весьма результативны были совместные раскопки участников экспедиции и сотрудников Ошского музея на склоне Сулейман-горы — на месте стационарного поселения чустского времени в Оше.

Вообще к сегодняшнему дню на территории современного Оша выявлено три поселения эпохи бронзы. Одно — на левом берегу р. Ак-Бура, с восточной стороны у подножья Сулейман-горы. Другое — на Чаян-тепе, в западной части города. И, наконец, самое древнее — непосредственно на Сулейман-горе.

Благодаря многолетним раскопкам (кстати, продолжающимся и ныне Е. В. Дружининой и Ю. А. Задне-

провским) можно наиболее полно представить себе этот древнейший очаг жизни на территории города.

Последнее из упомянутых трех поселение располагалось террасами по крутому южному склону горы. Было раскопано 10 землянок на трех террасах, но их ранее насчитывалось несомненно больше, так как выявлено 15 жилых террас. Исследования показали, что жители были искусными строителями. Пользуясь примитивными орудиями из дерева и камня (а возможно, и бронзы), они терпеливо вырубали в крутом склоне горы свои жилища. Землянки представляли собой узкие прямоугольные жилища шириной 3,5—5 м, длина сохранившейся части от 11 до 15 м. В одной из них обнаружено 8 хозяйственных ям, которые практически занимали всю площадь пола. Видимо, заполненную яму забрасывали мусором и сверху замазывали, а рядом устраивали новую. Одна из землянок отличалась сравнительно большими размерами — 11 м × 5 м. Площадь самой большой землянки составляла более 100 кв. м — она являлась, видимо, общинным домом для собраний. Внутри землянки обнаружены углубления для опорных столбов, на которых держалась крыша. По мнению Ю. А. Заднепровского, это были заземленные жилища со световыми и дымовыми отверстиями в крыше и опорными столбами в центре. Многочисленные хозяйственные ямы (а их обнаружено около 150) свидетельствуют о длительной оседлости населения, о его занятиях земледелием[8]. Здесь найдено около 16 тыс. фрагментов керамики, в том числе около тысячи с росписью (краснооблицованные полусферические миски, конические горшки, кувшины с шаровидным туловом, характерными носиками и ручками-налепами, расписная керамика с геометрическими и зооморфными узорами и единственным пока известным изображением козла), и свыше десятка сохранившихся богато орнаментированных сосудов. Попадалась также и привозная черно-серо-лощеная посуда. Собрана также коллекция из 400 каменных орудий: два серпа, ступки и песты, колотушки, зернотерки, отбойники. Выявлены еще куски шлака, бронзовые шила, а также сердоликовая бусина и альчики с просверленными дырками. Особо следует отметить каменное навершие булавы — символ власти древнего вождя, ранее известной по поселениям в Дальверзине, Чусте и в Узгенском районе.

В результате первоначальных раскопочных работ уже добыта ценная информация о жилище, развитии гончарного мастерства и металлургии, обработке камня, кости и металла, о культуре и хозяйстве земледельцев Ошского поселения, их меновой торговле и связях с окрестным кочевым и оседлым населением древней Ферганы.

Итак, первое из известных оседло-земледельческих поселений на территории г. Ош, возникшее в эпоху поздней бронзы, явилось, образно говоря, «прародителем» современного города. Последние археологические работы, проведенные Ю. А. Заднепровским, подтвердили высказанную им ранее точку зрения о древности Ошского поселения, выросшего на территории современного города три тысячи лет тому назад. Эта дата подтверждена также радиоуглеродными определениями возраста поселения[9]. Ошское поселение террасовидной планировки представляет собой ранее неизвестный новый тип чустских поселений. Необычайная планировка, обилие расписной посуды позволили археологам сделать заключение о своеобразном культурно-идеологическом значении Ошского поселения[10]. Все сказанное свидетельствует о важном значении раскопанного на Сулейман-горе поселения эпохи бронзы как для истории города Ош, так и в целом для истории Киргизии. Поэтому мы и остановились на нем столь подробно.

Освоение Ошского оазиса древними жителями края — оседлыми земледельцами и скотоводами-кочевниками — преемственно продолжалось в последующие времена. Это подтверждают многие памятники истории и культуры последующих времен, выявленные в Оше и его округе, в частности, на могильнике Озгор (в районе одноименного современного селения в верховьях р. Ак-Бура), датируемом эпохой раннего железа (VI—IV вв. до н. э.). Раскопанные здесь в 1979 г. катакомбные захоронения дали различные предметы обихода и украшения кочевников — бронзовые пряжки, браслеты, перстни, бусы из сердолика, большое количество остатков керамической посуды, железных наконечников. А на восточной окраине г. Ош — на Мирзалим-тепе — тогда же раскапывался дом-усадьба дехканина так называемой шурабашатской археологической культуры (III—I вв. до н. э.). За два года этот памятник раскопан полностью, удалось в деталях представить его планировку и дать реконструкцию. В таких укрепленных домах-усадьбах и оби-

тала, по заключению Ю. А. Заднепровского, основная масса земледельческого населения древней Ферганы.

Античная Давань

Известно, что эпоха бронзы в Фергане повсеместно сменилась временем господства ранних кочевников — саков-хаомаварка. Ярким свидетельством обитания последних в окрестностях Ош является могильник Тулейкен, который частично был изучен еще А. Н. Бернштамом. Это одно из связующих звеньев между чустской культурой и Даваньским царством — одним из древних рабовладельческих государств в Ферганской долине. В пригородных местностях современного Ош (в частности, на землях колхоза им. Калинина Кара-Суйского района) открыты и другие памятники античности. Где-то недалеко от города проходили в III в. до н. э. отряды разведчиков Александра Македонского. Отсюда, получив отпор, они вынуждены были повернуть резко на юго-восток, оставив о себе память лишь в легендах. Ошская Сулейман-гора навеяла одну из таких легенд об Александре Македонском и побывавшему здесь в 30-х годах знаменитому чехословацкому журналисту Юлиусу Фучику. В его путевых очерках о Сулейман-горе есть такие строки: «На ее вершине сверкает на солнце большой камень, гладкий, как зеркало. Вглядись в это зеркало и ты увидишь прошлое, еще совсем недавнее, но более страшное, чем сказка о драконе, который приполз с вершины противоположного Таш-Ата и поглотил все войско Александра Македонского...» [11].

Но легенда — это легенда. А подлинные археологические материалы уже неопровержимо подтверждают, что здесь в это время жило население независимого государства Давань, прославившегося своими «небесными конями», чьи изображения на Араванских скалах донесли до наших дней их «небесную» легкость.

В III—I вв. до н. э. на землях современной Ошской области и сопредельных районов обитали как скотоводы-кочевники — саки, усуни и др., так и древние земледельцы, условно именуемые даваньцами. Последние, как известно из восточных письменных источников, занимались и животноводством, и земледелием. Далеко за пределами долины славились даваньские аргамаки. Население возделывало ячмень и рис, сеяло люцерну (на корм домашнему скоту), выращивало виноград и фруктовые деревья. Даваньцы торговали со странами Запада и Востока, будучи связаны с ними Великим шелковым путем.

Археологические находки, обнаруженные на территории города, а также при раскопках окрестных холмов — тепе и на Акбуринском городище, указывают на значительное развитие здесь земледельческой культуры в период Даваньского царства. И можно полагать, что зарождение Ош как города относится к этому времени. Однако только в раннем средневековье, после арабского вторжения, Ош сложился в качестве крупного городского центра.

В I—IV вв. н. э. города и селения Ферганы входили в состав рабовладельческого государства Кушан. Вплоть до наших дней в окрестностях Ош сохраняются сильно снивелированные курганы кушанского времени, в которых обнаружены захоронения погребенных с разного рода сопроводительным инвентарем, включая сосуды, изготовленные на гончарном круге, ювелирные украшения и оружие. Небезынтересны в этом отношении и недавние находки того же времени вблизи от города на многослойных памятниках (городище Кош-тепе у с. Маданият и др.).

Впоследствии, в V—VIII вв., некоторые из населенных пунктов, известные еще как даваньские (в восточных хрониках упоминалось около 70 больших и малых городов того времени в Ферганской долине), функционировали как замки и крепости периода раннефеодального общества в Фергане. Вероятно развился за это время и Ош, особое значение которого определялось важной культово-идеологической функцией, вызванной традиционным поклонением знаменитой горе.

Подводя итоги археологическим раскопкам и определяя этапы становления города Ош, Ю. А. Заднепровский пишет, что **первое** стабильное оседло-земледельческое поселение, возникшее здесь три тысячелетия назад, и явилось прародителем современного города, его древнейшим ядром. **Второй** этап связан с эпохой раннего железа и представлен материалами так называемого эйлатанского периода (VI—IV вв. до н. э.). **Третий** этап относится к Даваньскому царству в Фергане на рубеже нашей эры [12].

Археологические работы продолжаются. Намеченные контуры древнейшей истории города с каждым годом насыщаются все новым конкретным материалом. Создание Ошского областного музея-заповедника служит новым стимулом для расширения раскопок, углубления исследований и наших познаний об истоках становления самого города Оша.

2 СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ОШ

Во тьме веков

Чем больше ученые обращаются к трудам основоположника научной археологии Киргизстана А. Н. Бернштама, тем более поражаются его «предвидению», его ретроспективной прозорливости. Имея лишь разведочные материалы, сравнительно скудные конкретные данные, он сумел в основном верно реконструировать археологическое прошлое Тянь-Шаня, Ферганы и Памиро-Алая. Его периодизация, выделенные этапы их культуры сохраняют свое научное значение до сегодняшнего дня, хотя завершилась уже не одна экспедиция, а полученные результаты в десятки раз превосходят бернштамовские. Прав он оказался и в определении общей схемы генезиса города Оша. Почти четыре десятилетия тому назад А. Н. Бернштам писал: «Образованию города Оша предшествуют тепе... даваньского и кушанского времени, обследованные экспедицией в 1946 г. С укреплением роли и значения города Ош эти поселения, расположенные к западу от него по Наукатской дороге, отмирают. На смену им появляются крепости и замки, реконструирующие былые замки кушанского типа. К таковым относится крепость на Ак-Буре к северо-западу от г. Ош и крепость Кургашин-тепе к северу от него...

Таким образом, к VIII—IX вв. наблюдается — за счет отмирания множества отдельных поселений — образование крупных феодальных центров с развитой системой обороны оазиса крепостями...»[1]

Сегодня Ю. А. Заднепровский после новых многолетних раскопок подверждает, что намеченные А. Н. Бернштамом принципиальные пути сложения феодального Оша правильны, настало время обосновать их

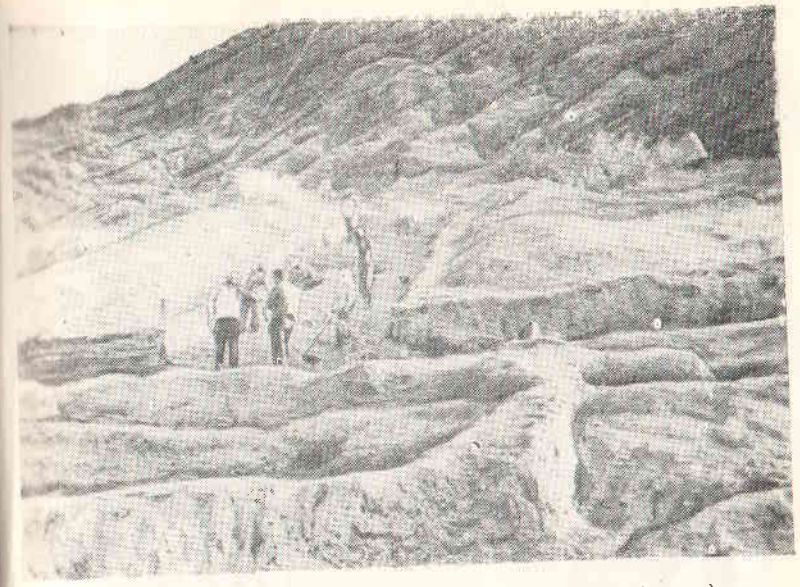
конкретными данными и проследить по материалам вновь раскопанных курганов, поселений и городищ.

Но если древнейшие, античные памятники активно выявляются, то в отношении средневековья это еще предстоит сделать, ибо «раннесредневековые памятники, непосредственно предшествовавшие появлению средневекового города, еще не известны»[2]. Археологически средневековый Ош практически еще не исследован, так как последующие постройки поглощали существовавшие ранее «культурные» слои. Город рос и развивался на одном и том же месте. Поэтому археологическое изучение становления города Оша — дело предстоящего будущего. Можно лишь предположить, что оформление Оша в крупный средневековый город, третий по величине в Фергане, произошло, как и других известных среднеазиатских городов того времени, путем объединения ряда небольших поселений, существовавших ранее на его территории.

А пока нашими достоверными указателями в историю средневекового Оша будут письменные источники, данные нумизматики и эпиграфика.

Средневековье для территории Киргизии, входившей в состав тюркских, а затем караханидских каганатов, связано с важными внешнеполитическими событиями, наложившими отпечаток на всю последующую историю края. И одно из них — арабское завоевание Средней Азии. Будучи само по себе сложным и противоречивым явлением, оно имело и столь же неоднозначные последствия для развития здесь городской жизни. «С одной стороны, арабское завоевание и сопутствующие ему события принесли (особенно для Мавераннахра) разрушения производительных сил, и с другой, — последовавший период политической стабилизации и вхождения в систему централизованного организма халифата способствовали как бы второму циклу урбанизации Средней Азии, наблюдаемому в IX—X вв.»[3]

Отмеченные советскими историками-медиевистами и археологами характерные черты этого исторического периода и его события так или иначе наложили свой отпечаток и на судьбы раннефеодальных городов Ферганы, в том числе Оша и Узгена. Однако из-за общей скудности письменных источников и некоторой односторонности сочинений арабо-и персоязычных авторов, фрагментарности приводимых ими сведений о городах и селени-

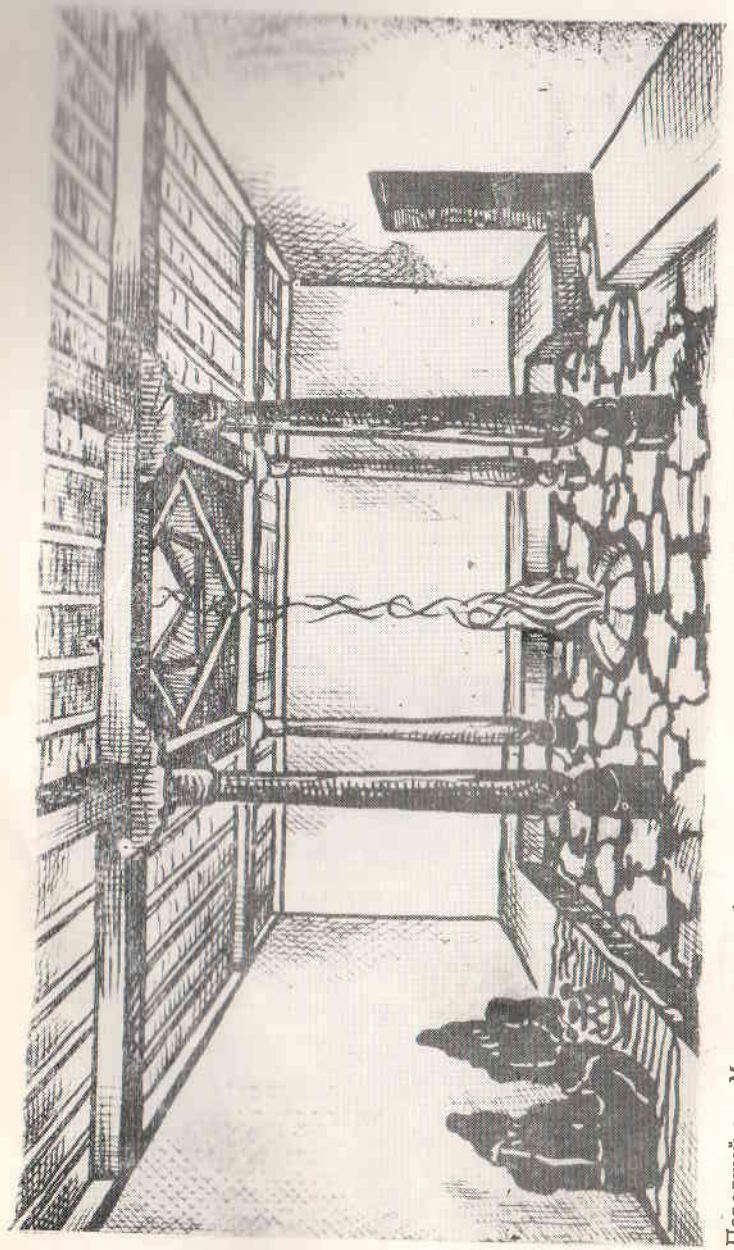

Раскопки поселения на Сулейман-горе (эпоха поздней бронзы)

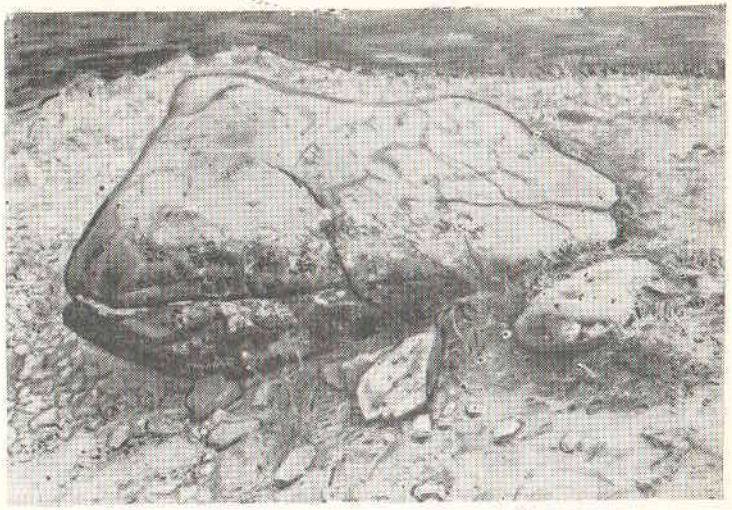

Расписная керамика Ошского поселения

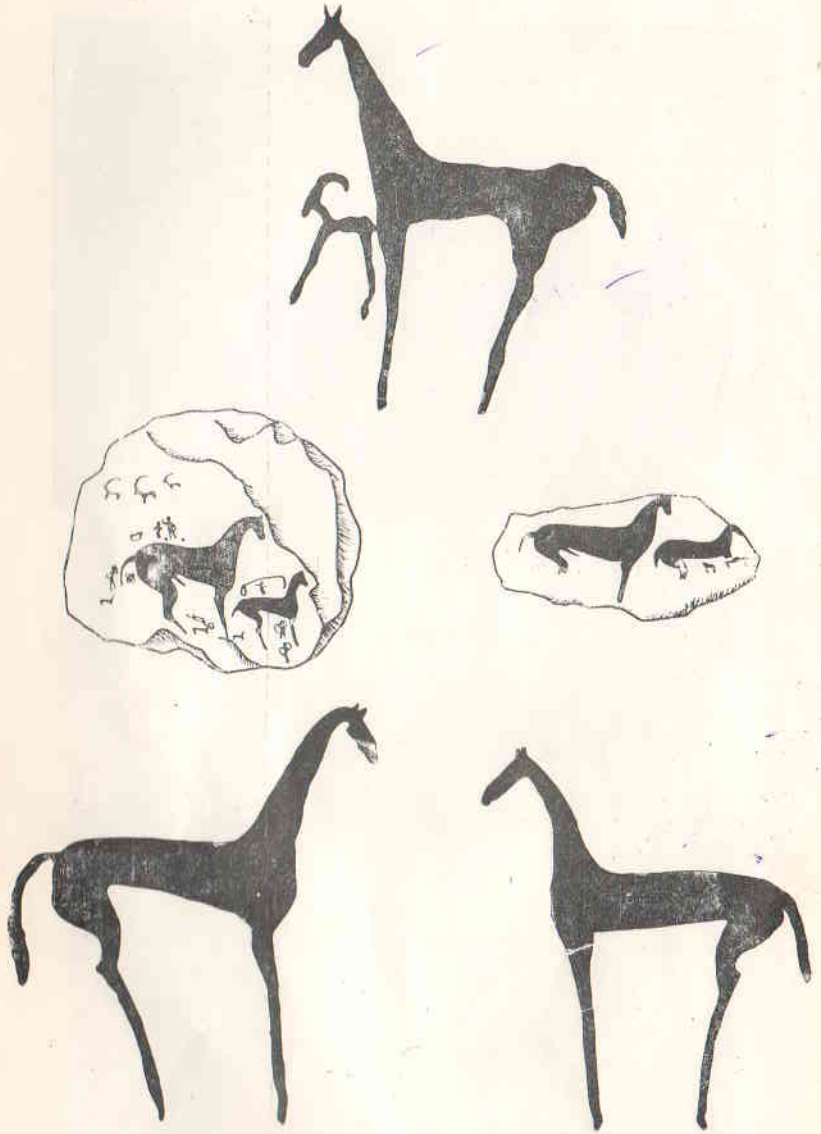
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИНВ N 366718

Парадный зал Мирзалим-тепе (реконструкция Б. В. Помаскина)

Наскальные рисунки, Алай

«Небесные кони» на Араванских скалах

ях на юге Киргизстана пока можно лишь предположительно говорить об отзвуках некоторых событий и переменах в городской жизни Оша, связанных с арабским завоеванием и его отдаленными последствиями.

По страницам сочинений средневековых географов

Об Оше как «городе» Ферганы упоминает первый арабский географ, произведения которого дошли до нас, — Абу-л-Касим Хордадбех (820—912/13 гг.) В его «Книге путей государств», составленной в 232 г. х. (846/47) сообщается: от города Оша до Узгена (Узгенд — у средневековых авторов) семь фарсангов или один большой переход (1 фарсанг равен 6—7 км).

Вслед за ним другой арабский географ Абу-Бакр Исхак ал-Хамадани (по прозванию Ибн ал-Факих) — автор «Книги стран» («Китаб ал-булдан», написанной примерно в 902 г.) повторяет сведения Ибн Хордадбеха с уточнением, что в городе Оше «имеются укрепленные башни».

Но более подробные, пожалуй, самые основательные сведения об Оше из сочинений арабских географов приводятся у знаменитого путешественника Ибн Хаукаля (X в.). Он, в частности, отмечает, что Ош — город большой, Узгенд в сравнении с ним на треть меньше. В Оше — населенная медина, или шахристан (внутренний город), и цитадель, в последней расположены дворец эмира и тюрьма (что симптоматично!). У медины есть рабад (предместье), окруженный стенами, которые смыкаются с горой (Сулеймана). На горе — сторожевой пост, с него ведется наблюдение за окрестным кочевым тюркским населением, которое в отличие от горожан было еще немусульманским. Город имел трое укрепленных ворот, называемых воротами Горы, воротами Воды (или Реки) и воротами Мугкеде (т. е. «Ворота храма огнепоклонников»). Рядом с Ошом находился другой небольшой городок Медва (Мады) [4].

Соседний Узген, имевший цитадель, укрепленную медину и рабад, был пограничным городом — «торговым пунктом у ворот тюрков».

Город Ош стоял на одной из ветвей древнего торгового тракта, соединявшего Восток с Западом, — на Великом шелковом пути. Торговля городов Ферганы с Восточным Туркестаном шла по этому ответвлению — через город Ош, его город-спутник (или крепость?) Ма-

ды, и далее на Алай. Но можно было проехать и из Оша через Узген — Центральный Тянь-Шань к озеру Иссык-Куль и уже оттуда в Восточный Туркестан. Это определяло и значение Оша как торгового центра и транзитного пункта в средневековье.

Последний представитель классической арабской географии X в. Макдиси (ал-Мукаддаси, ок. 946/47—1000 гг.) в своем знаменитом труде «Лучшее разделение для познания климатов», составленном для правителей — Саманидов, дополняет эту картину раннесредневекового Оша. Здесь, по его сведениям, много каналов. И вообще город большой и благоденствующий В нем много рынков, среди них — большая соборная мечеть. В городе большой рабад, к которому стекаются многие люди со всех сторон [5].

В географических сочинениях отмечались также обширность и благоустроенность Оша, указывалось, что город преуспевающий и «благоденствующий», густо населен. Этот богатый город изобилует доброй водой из реки Оша (Ак-Буры), подающейся по во множестве искусно устроенным самотечным каналам («блага его многочисленны и воды его обильны»). В городе имелся большой караван-сарай, к которому направлялись желающие со всех сторон, — так лаконично дополнял своих предшественников Макдиси. Впоследствии жители Оша называли свой город «лучшим из городов» [6].

В пространственно-планировочной структуре Оша, как и других среднеазиатских городов раннего средневековья, косвенно отразилась социальная стратиграфия городского населения, о которой в источниках прямо не говорится. Подобно другим крупным ферганским городам Ош состоял из трех отдельных, хотя функционально и связанных между собой частей средневекового города: цитадели, шахристана и рабада.

Административно-политический центр города, расположенного на горном склоне, составляла крепость, или цитадель, — резиденция правителя (эмира) Оша и его округи. По сравнению с другими частями городов X—XII вв. цитадель обычно занимала небольшую площадь. В Оше под защитой ее стен, над которыми возвышалась сторожевая наблюдательная башня, находились эмирский дворец, выделявшийся среди построек, занимаемых его личной охраной и слугами, и непременно

тюрьма — зиндан. Видимо, в крепости был и монетный двор, где хранилась казна владетеля.

За стенами цитадели лежали окружавшие эту наиболее укрепленную часть Оша кварталы внутреннего города. В источниках отмечалась их благоустроенность. В персидском (расширенном) переводе сочинения «Китаб масалик ал-мамалик» (букв. «Книга путей государств») арабского автора X в. ал-Истахри говорилось: «Ош равен (по величине) Кубе. Шахристан и кухендиз (центр города) там благоустроенные, дворец эмиров и тюрьма (находятся) в кухендизе. В шахристане — рабад. Рабад обнесен стеной, а стена доходит до горы, на которой выставляются караульные; они ведут наблюдение за туркестанскими войсками. В Оше трое ворот: «Дарваза-йи Кух, Дарваза-йи Аб и Дарваза-йи Мугкеде» [7].

Письменные источники подтверждаются материалами археологических раскопок средневекового города. О его культуре говорят, в частности, и находки водопроводных керамических труб, которые обнаруживаются в наши дни в различных местах города. Подробная планировка раннесредневекового Оша неизвестна. Но в восточных городах этого и позднейшего времени главные улицы обычно шли от ворот к воротам в стенах, окружавших внутренний город. Внутри же городских кварталов за глинобитными стенами-дувалами находились дома и надворные постройки городской феодальной знати, зажиточных земледельцев и крупного купечества. Здесь же, на территории шахристана, среди шумных и многолюдных базаров, устраиваемых большей частью вблизи городских ворот, выделялась из прочих сооружений соборная мечеть с высившимся рядом минаретом. В разных местах города находились квартальные мечети и духовные учебные заведения — медресе.

К стене, опоясывающей внутренний город, примыкало обширное предместье, или рабад, — внешняя часть города, выполнявшая те же функции, что и посад в древнерусских городах. Застройка в нем производилась всегда более скученно, чем в цитадели и шахристане, хотя все эти три части древнего Оша были многолюдны (в источниках — «населены»). Здесь стояли дома, мастерские и лавочки ремесленников и мелких торговцев. Лепились друг к другу такие же несложные глинобитные жилища простых земледельцев и другого мелкого люда, стоявшего на низших ступенях социально-имущественной

лестницы феодального города среднеазиатского Востока.

История Оша и других городов Ферганской долины в IX—X вв. связана с ростом здесь производительных сил, развитием ремесла и торговли в тот период. Наиболее ранние упоминания об Оше с информацией о расстояниях между ним и близлежащими населенными пунктами по торгово-караванным путям содержатся в сочинениях арабоязычных авторов (путешественников, историков, географов) — упомянутых Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факифа, Кудама ибн Джафара и др. Причем у последнего сказано об Оше: «... а это большое селение». Расстояние от г. Куба до Оша определялось в один большой переход, или 7 фарсангов, до Мады — всего в 2 фарсанга, до Узгена — в один дневной переход.

Сравнительно более подробные сведения о г. Оше, а также о роли и месте подобных городских центров в общеполитическом устройстве раннесредневековой Ферганы находим у других авторов арабской, так называемой классической школы, в частности, в краткой арабской редакции «Книги путей государств» ал-Истахри: «В Фергане есть несколько областей, в каждой из них — большое число городов, у каждого из этих городов — рустак (сельская округа, рабад. — *авт.*), в котором многочисленные селения» [8].

На периферии Караханидского каганата

В конце IX и в X в. Ош уже занимал видное место среди городов и крупных селений Восточного Прифергань я. Современники считали его третьим по величине городом в ферганском владении Саманидов — после столичного центра г. Ахсикет и большого (по размерам) города Куба (ныне Кува).

Рабад, как и в других ферганских городах IX—XII вв., был средоточием торгово-промысловой деятельности Оша. Ведущее место в городском ремесле занимало гончарное производство, хотя, судя по археологическим находкам и сведениям письменных источников, были развиты также различные виды строительных ремесел, кузнечное дело и др. Продукция ошских, как и других среднеазиатских гончаров того времени, отличалась (судя по многочисленным археологическим находкам) большим разнообразием форм и разного назначения изделиями, сработанными на гончарном круге: от больших емкостей — хумов для зерна, воды или вина до небольших

сфероконических сосудов для хранения ртути и ароматических масел. Столь же многообразно было и украшение керамических предметов, покрывающихся глазурью и цветным орнаментом с различными мотивами.

Одна из гончарных мастерских с массой полых керамических сфероконусов, покрытых штампованным орнаментом, была обнаружена при рытье котлована под фундамет гастронома «Ширин», что на современной улице Свердлова. Археологический надзор осуществлялся Е. В. Дружининой — научным сотрудником Ошского областного краеведческого музея. В других местах на территории города также попадались прекрасная поливная посуда, различные изделия из металла, дерева, кожи, тканей IX—XII вв., реже — XIII столетия, многие из которых бережно хранятся в музее г. Оша.

Ремесленниками-строителями, трудом зависимых от феодалов городских низов и, видимо, тюркских рабов, здесь, как и в других ферганских городах, возводились укрепления, дворцы для знати, мусульманские культовые сооружения и медресе новой архитектуры, караван-сараи, постоялые дворы, водоемы, бани, проводились арыки, строились мосты, прокладывались дороги. Об ошских ремесленниках, как и вообще о демографии городского населения, его этнорелигиозной принадлежности, социальном и профессиональном составе можно лишь делать более или менее обоснованные предположения, исходя из лаконичных строк письменных источников. Но сами вещественные остатки их творений говорят о трудолюбивых и умелых руках непосредственных производителей, о мастерстве ошских ремесленников, о высоком уровне строительного дела и других сфер материальной культуры. Косвенно об общественно полезной деятельности и отчасти о положении городских ремесленников можно судить по восторженному стихотворению поэта XI в. Назира Хисроу «Хвала ремесленникам»:

Ремесленник! Нет в мире лучшей доли —
Не царь, но и не раб. Всегда на вольной воле.
Стучит он или шьет на трудовой скамье,
Но вечером поет в своей родной семье.
Пускай не каждый год по горло сытым ходит,
Но умножает он все то, что производит.
Избавлен от судьбы вселяющего дрожь,
Он также не дрожит пред пышностью вельмож.

Под молотом его златые искры мчатся...
Тачает или шьет, варит или грохочет,
Он низменных страстей не знал и знать не хочет...
Трудолюбив, шутлив. Общительного нрава
Осанна ремеслу! Ремесленнику слава!
Нет! Равного ему не сыщите нигде!
Ведь и самим царям нужда в его труде! [9]

Ремесленники изготовляли разнообразные изделия для горожан, выносили их на базар для приезжих купцов. Помимо торговых рядов, множества лавок и лавочек мелких торговцев непременной принадлежностью среднеазиатских базаров являлись также небольшие ремесленные заведения по изготовлению предметов домашнего обихода и национальных блюд, а также складские помещения, караван-сараи. Здесь как раз и происходил обмен продукцией между торгово-ремесленным людом города и окрестными кочевниками-тюрками.

Шумен восточный базар! Чего только здесь нет: душистые местные дыни и полосатые халаты, простейшие предметы быта, изысканнейшие лакомства и драгоценные камни, китайские шелка и бадахшанская бирюза. Блеяние овец перекрывают зазывающие голоса лавочников. Степенные менялы-ростовщики тихо шепчутся с иноземными купцами. Надрывно кричат и кривляются дервиши. Со всего мусульманского Востока стекаются на поклонение к Сулейман-горе паломники, страждущие излечения, молящие о наследниках. Но и их путь обязательно лежит через базар — благо он раскинулся рядом, почти у подножья горы.

Большой торг вели крупные купцы самых разных национальностей, постоянно проживавшие в Оше. Здесь узбеки и арабы, таджики и индусы, уйгуры и киргизы и др [10]. Они поставляли предметы роскоши, в том числе иноземного производства, в ошский замок, для военно-феодальной и духовной знати, владельцев загородных дворцов, поместий и обширных садов. Можно предполагать участие ошских торговцев в межрайонной и международной торговле. Не случайно в арабских дорожниках — своеобразных маршрутных путеводителях для тароватого восточного купечества — отмечены важнейшие торговые пути и расстояния между Ошом и городами Медва (Мады), Куба, Ходжент и Узген. Все они стояли на некогда очень оживленном тракте Великого шелкового пути — трансконтинентальной торговой трассы,

связывавшей государства Запада, в частности Римскую империю, со странами Востока — Китаем и Индией.

Знаменитый поэт караханидской эпохи уроженец Киргизстана Юсуф хас-хаджиб ал-Баласагуни, или короче — Юсуф Баласагунский (1015/16—1069/70), так восхвалял купцов своего времени:

Еще есть торговцы; и ночью и днем
В заботе они о доходе своем.
В исканьях дохода весь свет им — дорога.
В скитаньях они уповают на бога.
И с ними ты добрую связь береги:
Давай им, что просят, наладь на торги.
Нужны они миру, о том не забудем,
От края до края лежат их пути,
Что б мог ты желанную вещь обрести.
И тысячи тысяч сокровищ вселенной
Найдешь ты, о мудрый, в их ноше бесценной [11].

Искусные изделия ферганских ремесленников через Ош и Узген, а далее через горные перевалы перевозились в Восточный Туркестан (Кашгарию), а затем во Внутренний Китай. По древним караванным дорогам, через рынки Мавераннахра в Западную Европу отправляли шелк, серебро, скот и продукцию животноводства, а кроме того кошмы, сибирский мед, пушнину и даже рабов. В международных торговых отношениях немаловажное значение имели торговля мехами и употребление серебряных монет — дирхемов. Медные же монеты — фельсы, в том числе выпущенные ошским и другими монетными дворами среднеазиатских городов, обращались на местных рынках.

Контролируя подступы к ферганским и алайским горам и проходящую через город торгово-караванную дорогу, Ош благодаря своему географическому положению на восточной окраине Ферганы служил важным опорным пунктом в борьбе мусульманских правителей — Саманидов — против тюркских племен Тянь-Шаня. По-видимому, Ош обладал довольно мощными укреплениями, ибо в X в. его цитадель и шахристан, в отличие от других ферганских городов, не были разорены. Двойной, а местами тройной пояс стен с башнями и надвратными укреплениями служил защитой горожанам от нередких нападений беспокойных соседей — оседлых и кочевых феодалов. Попасть в сам город можно было лишь через трое укрепленных ворот. Причем они носили весь-

ма характерные, отражающие местоположение и особенности города, названия: Горные, Речные (со спуском к реке) и Мугкеде, или «Ворота храма огнепоклонников». Название последних ворот — один из отзвуков древней религии зороастризма, исповедовавшейся лишь частью ошских горожан, поскольку к X в. ислам стал господствующей религией оседло-земледельческого населения Ферганы.

Роль внешних укреплений для Оша выполняли окрестные оседло-земледельческие поселения (как и вокруг городов Узгена и Кубы). Кроме того, к юго-востоку от Оша находился и городок Медва (Мады) с первоклассной по тем временам крепостью. В отличие от Оша вокруг Куба и Узгена городов не было.

В X в. Ош, как и Узген, служил одним из форпостов исламизированной Ферганы на границе саманидских владений с территорией тюрков-кочевников, за которыми стояли тогда правители Караханидского каганата. Возникший в Семиречье и Восточном Туркестане Караханидский каганат вскоре расширил свои владения до Ферганы, где город Узген явился как бы его второй столицей. Естественно, что взоры завоевателей тут же обратились на богатый Ош, мысли их были направлены на то, чтобы отнять город у Саманидов. В борьбе за Ош, как важный экономический и политический центр, враждующие стороны пытались завладеть примыкающей к городу с запада Сулейман-горой — удобным наблюдательным пунктом, высылая туда аванпосты. Воинственно настроенные горожане обозревали с горы окрестности, следя за передвижением лазутчиков и передовых конных отрядов тюрков-кочевников, используемых Караханидами в качестве ударной силы. Тюркские же военачальники, в свою очередь, вытеснив ошцев с горы и сбив их передовые караулы, с вершины Сулейман-горы могли видеть богатый и укрепленный Ош, наблюдать за скоплением в ошском рабаде прибывших туда газиев — «защитников веры» ислама.

Но кочевники были не только неустанными воинами-завоевателями. Это были и рядовые искусные труженики, гимн которым воздал в своей знаменитой поэме караханид Юсуф Баласагунский:

Еще скотоводам отличья даны,
Пасут они в долах стада-табуны.
Они все — бесхитростный, праведный люд,

И людям от них — ни несчастий, ни смут.
Одежда, еда, кони — все из их стад.
Они же и вьючных животных растят.
Кумыс, молоко, сыр и творог,
Подстилки и седла их — все тебе впрок.
И все это — пользы великой мужи,
И ты их доверье добром заслужи!
Корми их, пои, с ними близко водись,
И с правдой дано тебе в жизни сойтись.
Что спросят — давай им, что нужно — возьми,
Я видел: у них нету лжи меж людьми.
Неведом закон им, они не мудры,
Но вольною ширью поступков щедры [12].

Вторая половина X в. для Ферганы — время межфеодальных раздоров и дворцовых переворотов среди представителей правящей в Самарканде и Бухаре Саманидской династии. В 992 г. владетель Баласагуна (что близ современного г. Токмак) и Тараза (современный Джамбул) караханид Харун Богра-хан вторгся в пределы Саманидского государства, включавшего владения от Бухары и Самарканда до Узгена, и разгромил его войска, но из-за болезни вынужден был отойти в свои владения, где и умер в конце 992 — начале 993 г. Среди Саманидов продолжались кровопролитные столкновения за престол, после которых в феврале 999 г. на престол был возведен Абдулмалик ибн Нух. Но уже в октябре этого же года новый караханидский правитель Наср ибн Али прошел через всю Фергану и хитростью, почти без сопротивления занял Бухару. Абдулмалик ибн Нух, правитель Бухары Бегтузун со всеми своими родственниками были захвачены в плен и отправлены в заточенье в Узген [13]. Караханидский историк Бейхаки описал это следующим образом: «Из Узгена примчался илиг Бу-л-Хусайн Наср, сын Али. В первый день месяца зу-л-када сего года (389 года хиджры, т. е. 14 октября 999 г.) он явился в Бухару и представился так, будто пришел изъявить покорность и оказать помощь. Через день Бегтузуна внезапно схватили со многими предводителями и заковали. Повелитель Хорасана спрятался; его тоже схватили со всеми братьями и родственниками и в балдахинах увезли в Узген» [14].

Так произошло падение некогда могущественной династии. С 999 г. здесь устанавливается господство Караханидов, государство которых разделялось на ряд уделов во главе с илек-ханами. Ош первоначально вошел

в удельное владение основателя Караханидской династии Насра ибн Али (правил с 990 по 1013 г.), а затем — в состав удела его брата Ахмада ибн Али.

Эти факты из политической истории Оша начала XI в. стали ясны после прочтения имен караханидских правителей на деньгах, отчеканенных на монетном дворе в Оше. В 1978 г. фрунзенским нумизматом М. Н. Федоровым был обнаружен и впервые введен в научный оборот серебряный дирхем узгенского чекана западнокараханидского правителя Хизр-хана — единственная монета данного правителя из примерно 16 тыс. дошедших до наших дней караханидских монет. Летом 1983 г. на территории Тянь-Шаньского городища Ширдадбек археологом М. И. Москалевым был найден второй такой же дирхем Хизр-хана, но битый уже не в Узгене, а в Самарканде [15]. Первый датировался 473 г. х. (1080/81 г.) и свидетельствовал о начале правления Ахмада ибн Хизра, второй—479 г. х. (1086/87 г.) — отодвигал на несколько лет время правления этого малоизвестного в исторической литературе западнокараханидского правителя. Таким образом, было устновлено, что Хизр-хан в конце XI в. владел не только Мавераннахром, с городами Бухарой и Самаркандом, но и Ферганой, с ее восточным крайним пунктом Узгеном, что в эти годы в его владения входил и город Ош. Так нумизматы внесли новое слово в науку, благодаря двум монетам Хизр-хана, найденным лишь на территории Киргизии. Эти данные свидетельствуют, что в конце XI столетия города Ферганы поддерживали торговые связи с Тянь-Шанем (крепость Ширдак-бек — в самом центре Тянь-Шаня).

Узген в источниках упоминается и позже, в связи с различными политическими событиями вплоть до начала XIII в., но сведения об Оше изчезают. Ему была отведена второстепенная роль. Политическое и культурное первенство перешло к Узгену, ставшему и знаменитой усыпальницей караханидских правителей.

От раннесредневекового Оша, в отличие от Узгена, не сохранилось величественных памятников монументальной архитектуры периода Караханидского каганата. Однако, как видно из арабских надписей на намогильных плитах — кайраках и из средневековых рукописей, из Оша происходят видные для своего времени мусульманские законоведы. Одним из них был Али ибн Осман, носивший почетное прозвище «Светоч веры» —

автор сборника юридических и бытовых норм, а также судебных решений (569 г. хиджры, т. е. 1173 г. н. э.). Ему же принадлежат «Книга лучших известий и стихотворных жемчужин», сборник 1000 хадисов (изречений пророка Мухаммеда). Но наибольшую популярность приобрели его «Касыды» — короткие стихотворные изложения основ исламской догматики, известные по многим рукописным копиям. Сведения об Али ибн Османе — уроженце раннесредневекового Оша нам любезно предоставил ленинградский востоковед А. Б. Халидов — участник первой полевой археографической экспедиции, занявшейся с 1976 г. поиском на территории Киргизии старинных рукописей и книг. О них мы расскажем ниже.

И, наконец, об энциклопедическом словаре одного из последних «классических» географов арабского мира — Йакута (около 1179—1229 гг.). В статье об Оше Йакут отмечает, что это большой город, он окружен стеной, примыкающей к горе, и имеет четверо ворот. Раньше географы упоминали лишь о трех воротах города. На Сулейман-горе по-прежнему был дозорный пункт стражи против тюрок-кочевников. Йакут пишет о плодородных землях в городе и округе, называет знаменитых ученых и теологов из Оша, побывавших в Мекке, Багдаде, Бухаре. Это — Омар ибн Муса ал-Оши, это — Имран и Масуд — сыновья Мансура ал-Оши, известного законоведа, умершего в 1125 г., это — Мухаммад ибн Ахмад ибн Али ибн Хамид Абу Абдаллах ал-Оши, который, совершив паломничество к «святым местам» — хадж, читал лекции в Багдаде в 1215/16 г. х. и умер в Бухаре (в следующем году).

Словарь Йакута и сегодня — серьезнейший научный источник, к сожалению, еще мало используемый по истории Киргизстана. В свое время академик И. Ю. Крачковский писал именно о словаре Йакута: «В науке наших дней его книга живет и служит каждодневным авторитетным пособием» [16].

Другие арабские сочинения XIII в. при описании г. Оша все более выделяют его как один из мусульманских центров Ферганы на границе с кочевниками, упоминают имеющиеся здесь гробницы «святых» и деяния местных шейхов. Характерно в этом отношении сочинение среднеазиатского ученого и поэта Мухаммада Джалал ад-Дина Карши (род. 628 г. х., т. е. 1230/31 г.)

«Мулхакат ас-Сурах» («Прибавления к словарю «Сурах»). Это единственный источник по истории Средней Азии, написанный местным жителем в эпоху монгольского владычества. Мухаммад Карши родился в Алмалыке, много путешествовал, встречался с местными знаменитостями в Ходженте, Ташкенте, Оше, Фергане и свой основной труд написал в Кашгаре. Единственное из ошских достопримечательностей, что Мухаммад Джалал ад-Дин Карши удостоил упоминания в своем сочинении, это мазары святых и праведников и «рядом с другими могила Асафа ибн Бурхия — везира Сулаймана ибн Дауда». Мавзолей Бурхия у подножья Сулейман-горы сохранился до наших дней.

Под копытами орд кочевников

Все сокрушающие орды чингисханового воинства сыграли свою отрицательную роль и в жизни Ферганской долины и Восточного («киргизского») Приферганья. Значительно сократилось после их нашествия в начале XIII в. число городов и селений. Если арабоязычные авторы IX—XII вв. насчитывали здесь 40 ферганских городов (в их числе Ош) и крупных селений с соборными мечетями, то в XV в. в источниках упоминается уже менее десятка городов[17]. Пришли в упадок производительные силы. Но, что касается Оша, то, судя по всему, город не был полностью разрушен, так как изредка сведения о нем все же встречаются в источниках. Тем не менее история Оша времени монгольского владычества в Фергане почти не известна. До нас дошли лишь отдельные, вырванные, обгоревшие в пламени веков, страницы истории города. Со второй половины XIII в. Ош с округой входил (как и вся Фергана) в восточную часть владений улуса Чагатая, а затем около двух столетий принадлежал его династии. Монетные дворы в Оше и Узгене эпизодически действовали как при Чагатаидах (известен фельс 687 г. х. — 1288 г. ошской чеканки), так и в период правления Тимура и Тимуридов[18].

Археологических находок XIII столетия из Оша крайне немного. На первое место выступают сведения о захоронениях мусульманских «святых». Как видно из эпитафий на кайраках, уроженцы Оша в средние века носили нисбу — прозвище «ал Уши» («ал Оши») — «из Оша». Это один из отзвуков некогда важного значения города Оша.

Иранский поэт середины XIV в. Шамс ад-дин Фахри Исфахани в своем толковом словаре «Майиор-и Джамали» («Джамилов эталон») город Ош причисляет уже к селениям («Уш — селение...»), что является прямым свидетельством упадка городской жизни в Оше после монголо-татарского нашествия[19].

В составе Моголистана

В начале XV в. в восточных хрониках Ош отмечается в связи с походом внука Тимура — Улугбека против ферганского правителя Ахмеда. Вытесненный Улугбеком из Ферганы в Моголистан эмир Ахмед вновь возвратился с полученным от монголов войском и после ухода Улугбека с основными силами разбил при Оше оставленные им отряды[20]. Позднее упоминания о городе встречаются в «Тарих-и Рашиди» — летописной «Рашидовой истории» мирзы Мухаммада Хайдара при описании феодальных усобиц в крае, когда каждый из могольских и тимуридских сановников — правителей Оша и его округи — стремился превратить пожалованную ему должность и владение в наследственные. Однако такие попытки мало кому из них удавались. Неудачи постигли и деда Мухаммада Хайдара — одного из приближенных могулистанского Вейс-хана, и самого автора «Рашидовой истории» — феодала из знатного тюрко-монгольского рода дуглат. Под его властью длительное время в числе других земель находился и юг Киргизии.

Столь же немногочисленны и сведения о хозяйственном развитии Оша в этот период. Медные монеты, найденные на Сулейман-горе в Оше и опубликованные М. Е. Массоном, свидетельствуют о тесных торгово-экономических связях в XV в. между городами Восточного Туркестана и Средней Азии, переживавшей вновь кратковременный период хозяйственного оживления. Причем выясняется также довольно заметная роль Оша в среднеазиатско-кашгарской торговле. На рынках Оша в третьей четверти XV в. обращались медные монеты тимуридского и кашгарского чекана. Характерно, что в ошском кладе, обнаруженном в 1953 г., преобладали монеты, битые в Бухаре, Кашгаре и Восточном Туркестане, встречались и монетные кружки, отчеканенные в Орду, Ширазе, Герате, Хутталане и Самарканде. На монетах с надчеканом упоминаются также города Самарканд, Карши, Термез и Шахрухия[21]. Таков, по всей ве-

роятности, и был круг торговых связей Оша к концу XV в., когда товарно-денежная торговля в Средней Азии достигла своего расцвета.

Из найденного на Сулейман-горе хорошего поделочного камня с белыми и красными прожилками искусные ошские ремесленники изготавливали ручки для ножей, пряжки для поясов и другие обиходные предметы. Из краснокорой древесины дерева табулгу, росшего в окрестных горах, для горожан мастерились клетки для певчих птиц (перепелок), для воинов и кочевников — колчаны для стрел, ручки для нагаек (камчи), для паломников — дорожные посохи.

Во второй половине XV в. Ош вместе с другими городскими центрами Ферганы входил во владения одного из феодальных правителей Тимуридов Омар-Шейха (правил в 1462—1494 гг.) — отца Захиреддина Мухаммада Бабура — в будущем основателя династии Великих Моголов в Индии. В конце XV — начале XVI в. Ош являлся яблоком раздора, а подчас выступал платой за лояльность или услуги ослабевшим Тимуридам со стороны представителей военно-феодальной знати или могольских ханов. Во время феодальных междоусобиц окрестности Оша с усадьбами горожан и селениями, а также городские предместья неоднократно подвергались нападениям враждующих сторон. Захиреддин Бабур в «Бабур-наме», в частности, упоминал о набегах Ибрагим Бегчика — одного из противников Омар-Шейха — на окрестности Оша. Омар-Шейх, опасаясь нападения соперника на Андижан, вызвал в Фергану своего союзника Йунус-хана с моголами, предварительно пообещав ему Ош.

Как сообщал Мухаммад Хайдар в «Тарих-и Рашиди», в конце XV в. Ош кратковременно становится и ставкой одного из могольских ханов. В период межфеодальных усобиц правитель Моголистана Йунус-хан был призван на помощь владетелем Ферганы Омар-Шейхом, за что последний «встретил хана с подобающим почетом и уважением и передал хану вилайет Ош» [22]. Хан остался зимовать в городе, а своих приближенных отослал в Моголистан. Ошский вилайет Йунус-хан отдал Мухаммад Хайдар-мирзе — тезке автора сочинения. Таким образом, поселившись в городе, Йунус-хан не пожелал затем его покидать, а уходя в Моголистан, оставил там своего наместника. Когда же моголы покинули

Ош, Омар-Шейх изгнал из города Мухаммада Хайдара (1484 г.) и вновь направил в город своего наместника (даругу).

В этом сюжете обращает на себя внимание тот небезынтересный факт, что, оказывается, с историей средневекового Оша в какой-то степени связаны имена родителей автора знаменитого сочинения по истории Средней Азии «Тарихи-и Рашиди» Мухаммада Хайдара и автора «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура. Омар-Шейх — тимурид, сын Абу Саид-мирзы, отец Бабура; род. в 860 г. х. (1455/56), погиб 4 рамазана 899 г. х. (8 июня 1494 г.). Мухаммад Хайдар-мирза — дуглат, отец автора «Тарих-и Рашиди».

Как можно судить по названным сочинениям, оба автора бывали в Оше, а Бабур оставил самое прекрасное его описание.

В конце XV — начале XVI в. город-крепость Ош играл определенную роль в ожесточенной борьбе за власть военно-феодальных группировок Мавераннахра и Моголистана. Их предводители — Тимуриды и Шейбаниды — втягивали в кровавые междоусобия горожан Оша и крестьян из его окрестностей, неся разорение и налоговый гнет для рядовых тружеников.

«Бабур-наме»

Об этих событиях мы знаем гораздо больше, чем о других, благодаря первоклассному источнику — «Бабур-наме». Автор этих записок (мемуаров) Захиреддин Мухаммад Бабур (1483—1530 гг.) был одним из представителей династии Тимуридов, вкусившим сладость власти в Андижане, а затем горечь изгнания и, наконец, ставший удачливым завоевателем, основателем обширной империи Великих Моголов, включающей в себя Индию и Афганистан. Но не этим прославился в культурном мире тимуридский наследник, не за военные подвиги и завоевания отмечали по решению ЮНЕСКО в 1983 г. полутысячелетний юбилей Бабура во всем мире. Чествовали не жестокого завоевателя, а талантливого ученого, прекрасного поэта и историка, автора ценного исторического первоисточника — «Бабур-наме».

Бабур хорошо знал город Ош и оставил о нем немало лестных строк. Сам Бабур родился в соседнем Андижане. Его отец Омар-Шейх — правнук «железного хромца» Тимура (Тамерлана) — был правителем ферганских владений Мавераннахра. Когда отец умер, две-

надцатилетний Бабур занял его престол и наследовал ферганские владения. Но неудачная борьба с наступавшими Шейбанидами, феодальные междоусобицы вынудили Бабура покинуть родину и искать спасения в Кабуле. Здесь ему улыбнулась фортуна. Набрав в Афганистане армию, Бабур не стал искушать судьбу в Средней Азии и двинулся на завоевание Индии. Раздираемая межфеодальными усобицами, страна стала сравнительно легкой добычей завоевателя. Так в 1526 г. была создана империя Великих Моголов — централизованное государство, оставившее свой след в развитии Индии. Правил Бабур пять лет, жил в новой столице Агре, но очень тосковал по родине, часто вспоминал Андижан и другие города Ферганы, в том числе и Ош. И на склоне лет решил написать мемуары — «Бабур-наме», ставшие замечательным литературно-художественным памятником и ценным источником по истории народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV — начала XVI в. Как видно из мемуаров, Бабур не раз бывал в Оше, прекрасно знал город, а потому и описал его со знанием дела, подробно и достоверно.

Обратимся непосредственно к первоисточнику:

«Он (Ош. — *авт.*) стоит к юго-востоку от Андижана, в четырех йигачах (около 24 км. — *авт.*) пути, воздух там прекрасный, проточной воды много, очень хороша бывает весна.

... К юго-востоку от крепости стоит красивая гора, называемая Бара-Кух. На вершине этой горы Султан Махмуд-хан (чагатаид, могольский хан, убит в 1508 г. — *авт.*) построил худжру (беседку. — *авт.*) Ниже ее, на выступе горы, я тоже построил в девятьсот втором году (1496/97. — *авт.*) худжру с айваном (террасой. — *авт.*). Хотя его худжра стоит выше моей, но моя была расположена много лучше: весь город и предместья расстилаются под нею...

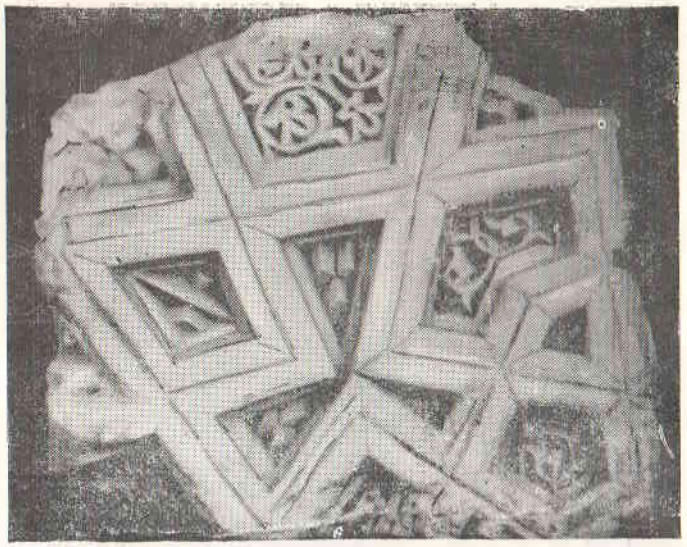
У подошвы горы Бара-Кух между горой и городом стоит мечеть, называемая мечетью Джауза. По склону горы течет большой ручей...

В области Ферганы нет города, равного Ошу по приятности и чистоте воздуха» [23].

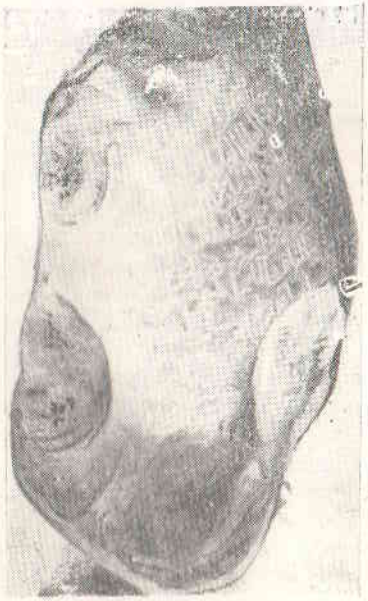
Не без поэтичности Бабур описал природно-географические условия Оша и его ближайших окрестностей: вдоль высоких берегов реки, протекавшей через озелененные ошские предместья и собственно город, раски-

Глиняная посуда раннесредневекового Оша

Фрагмент резной керамической плиты, Ош (X—XII вв.)

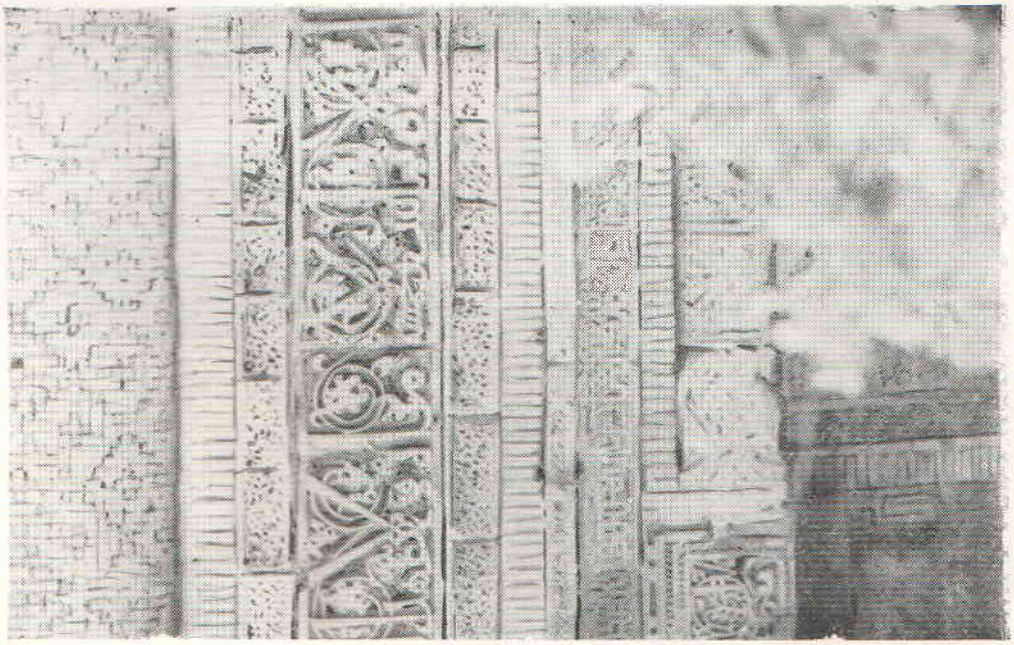
Кайрак
из Сафид-
Булана

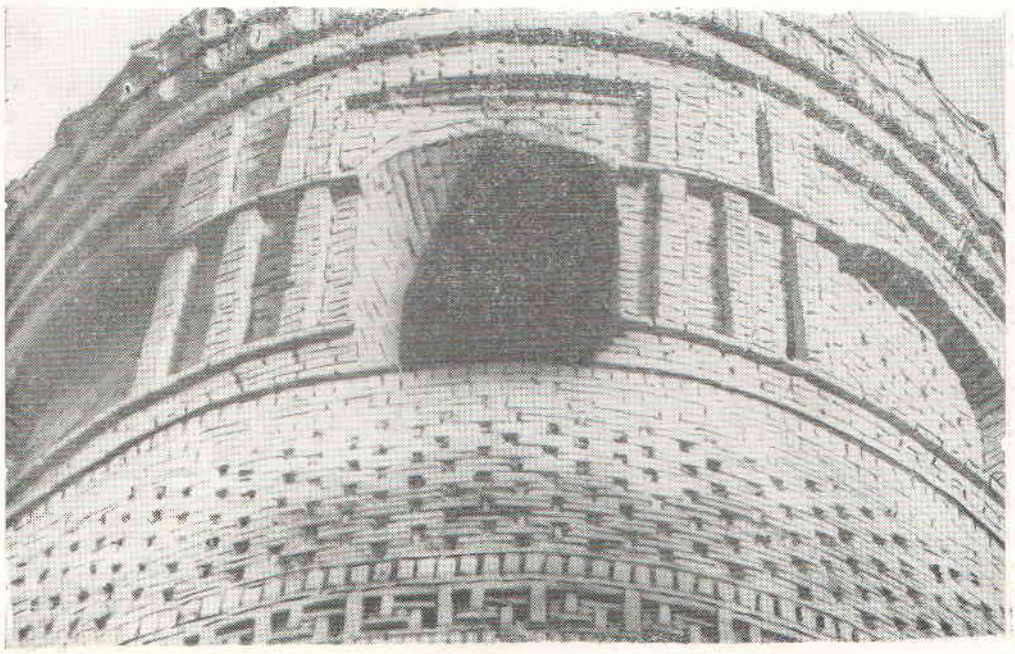
Ошский
кайрак
(прорисовка)

Ошский
кайрак
(фото)

Фрагмент
резного декора
из Узгенского гумбеза

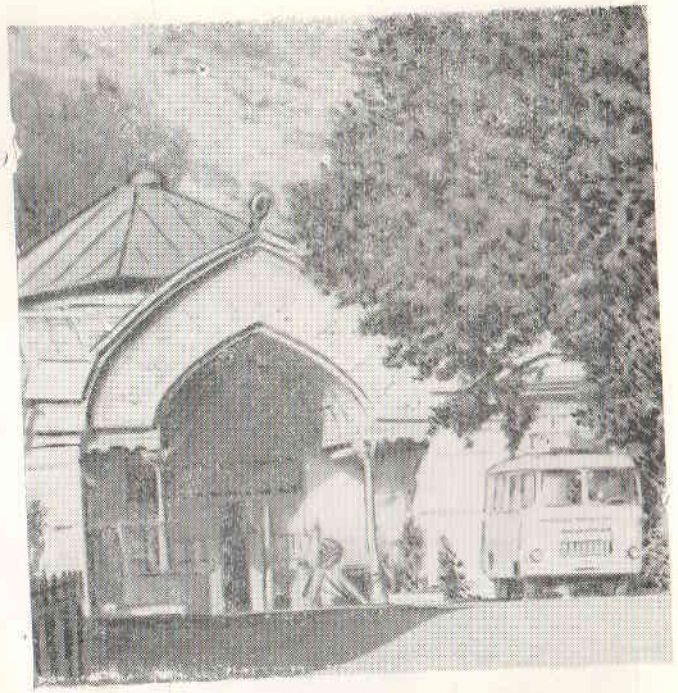
Узгенские
орнаментально-
архитектурные
мотивы

Ошский мазар Асаф ибн Бурхия (до реставрации).

3. Бабур. Миниатюра рукописи «Бабур-наме» (XVI в.)

Ошский историко-краеведческий музей

нулись фруктовые сады и роскошные цветники владетельных и богатых горожан, перемежавшиеся с полями, огородами и бахчами. Весною там благоухали фиалки, затем расцветали тюльпаны и розы. Чистый весенний воздух (о приятности которого ходили споры между жителями Оша и Кассана), обилие проточной воды (речной и арычной), изобилие зелени, цветов и фруктов назывались как непременные достопримечательности средневекового Оша. О достоинствах города уже к началу XVI в. слагались целые предания.

В «Бабур-наме» упоминается еще сохранившаяся крепость — цитадель Оша, где располагалась резиденция правителя города и округи, а также вскользь говорится о других топографических объектах города и его окрестностей, славившихся обширными садами. Итак, мы видим, что к этому времени сохранялась традиционная трехчленная структура средневекового города (цитадель, шахристан и рабад с присущими им функциями). Конкретных же данных для суждения о территориальных размерах города сравнительно с домонгольским временем в письменных источниках не содержится, а археологических раскопок позднесредневекового Оша не велось, поскольку современный город построен на той же местности. Остатки средневекового пригорода Оша обнаружены при аэрофотосъемке Ю. А. Заднепровским.

В записках Бабура и сочинениях академика В. В. Бартольда, комментировавшего его информацию об Оше и использовавшего также другие восточные источники, приводятся лишь некоторые характерные детали о примечательных топографических объектах средневекового Оша, в том числе и о реке Ак-Буре (названной Бабуром р. Андижан, видимо, по общему направлению ее течения) и о становившейся все более известной «Ошской горе». И это нетрудно понять. Ведь вопросы водообеспечения наряду с земельными являлись для горожан (как и в предшествующие и последующие времена) жизненно важными. Речная вода самотеком поступала в 9 каналов (арыков), вырытых с учетом покатой местности с юга на север и снабжавших город водой. Она полностью расходовалась на хозяйственные нужды, для орошения садов, огородов и полей. Главный арык из Ак-Буры назывался хоканским (как и упомянутые южные ворота города — по-видимому, по названию местности

Хокан, находившейся к югу от города). За широким магистральным арыком, через который трудно было переправиться вброд даже на лошадях, тянулась полоса холмистых адыров вплоть до внешних стен города, окруженных рвом с водою. По другую сторону рва пролегала мощенная камнем дорога, а за нею располагались загородные кварталы (махалля) обширных ошских предместий (рабада), поскольку собственно внутренним городом считался шахристан.

Ошская Сулейман-гора, названная в «Бабур-наме» Бара-Кух («свободная, одиноко стоящая гора», а в иных толкованиях — «красивая»), как и в предшествующие столетия, еще не включалась в территорию города. Но городская застройка уже, по-видимому, несколько приблизилась к ней. На вершине этой горы с конца XV в. стояла каменная худжра, раньше считалось, что это худжра Султана Махмуда — чагатаида, убитого в 914 г. х., сына моголистанского правителя Йунус-хана. А ниже ее, на выступе, возвел якобы свою худжру с айваном и Бабур. Впоследствии первая худжра разрушилась, а за второй утвердилось название «Белый домик» или «Домик Бабура». Отсюда с высоты птичьего полета открывался вид на располагавшийся у подножья горы город с заселенными предместьями и близлежащие окрестности.

Но вот краеведы Оша вместе с ленинградскими учеными и фрунзенскими реставраторами в предюбилейный год Бабура — 1982 г. — решили установить, так ли это. Выяснить это было непросто, потому что не сохранилась ни одна худжра. Однако удалось собрать все описания и фотографии домика, который обычно называли в литературе то мечетью, то мазаром мусульманского пророка Сулеймана.

Российский посол в Кокандское ханство переводчик Отдельного Сибирского корпуса Филипп Назаров в 1814 г. побывал и в Оше. «По правой руке на утесе упомянутой горы, — писал он о Тахт-и Сулеймане, — мы видели построенные два древние здания, под коими находится большая пещера... Здания сии никем не обитаемы» [24]. В 1913 г. востоковед Л. Зимин, ученик В. В. Бартольда, опубликовал фото Сулейман-горы, на котором видны две постройки: одна на вершине горы, другая — на более низкой террасе.

Проанализировав описания и фотографии, собравшиеся эксперты пришли к заключению, что «Белый домик», обычно приписываемый Бабуру, на самом деле постройка Султана Махмуда — дяди Бабура, правившего в Ташкенте. Он стоял под прикрытием скалы и сохранился дольше. А худжра Бабура, располагавшаяся, по словам самого строителя, на выступе скалы, «несколько ниже, но зато с лучшим видом на город и предместье», разрушилась раньше, так как не была защищена от воздействия ветров и дождей [25].

Это надо иметь в виду, когда в отдельных публикациях и на фотографиях встречаешь так называемый «Домик Бабура» — сохранившуюся до 60-х годов нашего века постройку, на самом деле представлявшую собой худжру Султана Махмуда.

На склоне горы, между садами и Ошом, при Бабуре действовала мечеть Джауза, с большим внешним двором, упомянутая в «Бабур-наме», видимо, из-за ее широкой известности. А несколько ниже, у трех водоемов, наполнявшихся из стекавшего с горы ручья, в тени деревьев отдыхали путники и паломники. Обычно популярные места поклонения на Востоке не обходятся также без михман-хана, заведения базарного характера, жилых и хозяйственных построек шейхов, эксплуатировавших культовые объекты. Все это, а также разросшееся кладбище у горы, где якобы находилась и почитаемая мусульманами могила визиря пророка Сулеймана (Соломона), свидетельствует о несомненно большем освоении горы уже в XV в., чем об этом пишет сам Бабур. Последний, очевидно, знал и о других ошских преданиях, в частности религиозного характера — хадисах, например, о таких, как сфабрикованные местными шейхами легенды о пребывании якобы в Оше пророка, о будто бы оставленных им следах, и о его каменном троне (Тахт-и Сулейман), однако не упоминал их. Кстати, так же — Тахт-и Сулейман — именовался иногда в источниках в последующие века и сам город Ош.

К сожалению, о жизни ошан, как и жителей других ферганских городов, а тем более о положении простого люда Захиреддин Бабур, а равно и его современник Мухаммад Хайдар прямо ничего не сообщают, но читатель понимает, что описываемые ими многочисленные усобицы феодальных правителей за власть в Фергане несли разорение трудящимся горожанам и дехканам. Они в

массовом порядке отвлекались от хозяйственных работ, нищали, а при попытке сопротивления грабежам «своих» и иноземных феодалов беспощадно истреблялись. И все же Бабур вынужден был обмолвиться о сопротивлении трудового населения Ош, Маргелана и других городов Ферганы феодальной эксплуатации, поборам и грабежам воинов, угону горожан и дехкан в ополчение враждующих между собой эмиров и их могольских союзников. Например, едва в 1499 г. эмир Султан Ахмед Танбал и Джехангир-мирза вступили с войсками в город, «как и в Оше, — писал Бабур, — чернь тоже подняла бунт. Людей Танбала здорово поколотили и выгнали из Ош» [26]. Восставшие, надеясь, что Бабур будет «хорошим» правителем, сохранили крепость для него и послали к нему гонца с этим известием. Последующая попытка Танбала занять Ош также окончилась неудачей, так как жители восстали, изгнав его сторонников из города [27]. Вскоре, однако, Ош был внезапно захвачен ночью братом эмира Танбала Халилом. Когда же в 1502 г. Бабур с могольским войском подступил к Ошу, жители его, не оказав сопротивления, сдали город. Их примеру последовали узгенцы, а потом и маргеланцы, изгнавшие своих правителей. Позже Бабур предпринял неудачную попытку утвердиться и в Самарканде. Однако вскоре жители Ош убедились, что новая власть, не стеснявшаяся в поборах и притеснениях, ничем не лучше прежней, тем более, что могольские воины считали себя вправе за помощь Бабуру «законно» грабить ошан. «Моголы, оставленные в Оше, Маргинане (Маргелан. — *авт.*) и других покорившихся мне крепостях, — писал Бабур, — вопреки надеждам народа, начали творить жестокости и насилия. Когда ханы ушли из-под Андижана, жители Ош и Маргинана напали на моголов, находившихся в крепости, схватили их, ограбили, побили и выгнали» [28]. Таковы первые дошедшие до нас известия о народных выступлениях в Оше в эпоху средневековья, весьма скупо сообщаемые автором «Бабур-наме».

Ош и другие города и селения богатого и благодатного края, несколько окрепшие при Тимуридах, вновь продолжали служить ареной феодальных войн и усобиц, разорявших трудовые массы города и деревни в XV — XVI вв.

Немногие нарративные (повествовательные) восточные источники содержат крайне скудные и отрывочные

сведения об Оше и юге Киргизстана в событийной политической истории этого времени, равно как о хозяйстве и социально-экономических отношениях ошских горожан и окрестных сельчан в XVI — XVII вв.

На хозяйственных занятиях и социально-экономическом развитии городского и сельского оседло-земледельческого населения крайне неблагоприятно отражались бесконечные внутренние раздоры ферганских феодалов, междоусобицы кочевой верхушки узбеков-шейбанидов с казахскими султанами и распри предводителей киргизских родоплеменных подразделений с местными феодальными владетелями. Отзвуки этого находим в строках «правоверного» балхского мусульманина Махмуда ибн Вали об Оше в первой половине XVII в.: «Временами в его окрестности переселяются киргизские племена и мятежные казаки блуждают [там] подобно волку и грабят мусульман» [29].

Но особенно разорительными были многочисленные грабительские набеги могольских ханов из Восточного Туркестана на Андижан, Ош и Узген. Против в целом безуспешных вторжений в ферганско-семиреченские районы могольских ханов, чтобы удержать здесь былое временное господство, активно выступали с XVI в. тяньшаньские киргизы. Они уже стали преобладающей народностью на Тянь-Шане и начинали играть активную, а нередко и главенствующую роль в политических событиях в Средней Азии и Восточном Туркестане.

Отдельные попытки ошских городских верхов, недовольных поборами и насилиями «своих», местных правителей, отдаться на ханскую милость и обрести покровительство более сильных иноземных владык кончались для Ош весьма трагично. Так было, например, и во время первого удачно сложившегося для моголистанского правителя Абдаллах-хана (1638—1668 гг.) похода на Ош. Когда Абдаллах-хан с многочисленным войском дошел до «Ошского перевала» (вероятно, перевал Карванкул к югу от Ош на дороге Ош — Гульча), «жители Ош вышли встречать хана, который, войдя в Ош, пустил [город] на поток и разорение и возвратился к перевалу Катман-Тюбе» [30].

В конце XVI и XVII в. Ош — «укрепленное поселение» [31] и один из центров Восточного («киргизского») Приферганья — вместе со своей сельской округой входил в «Ошский тумен» [32] Андижанского вилайета Моголис-

танского государства. Правда, по словам осведомленного и просвещенного современника Махмуда ибн Вали — библиотекаря правителя Балха аштарханида Наср Мухаммад-хана (правил в первой половине XVII в.), по поручению которого написал (в 1631—1641 гг.) сочинение «Море тайн», в первой половине XVII в. город Ош «был далек от благоденствия» из-за непрекращавшихся феодальных «смут», и не отличался, как в раннем средневековье в период Караханидов, «благоустройством». Зато ошские «святыни» — Сулейман-гора и другие — получали стараниями местного исламского духовенства все большую известность в мусульманских странах Востока.

Сам Ош и другие окрестные населенные пункты (административно они составляли тогда Ошский тумен) до 70-х годов XVI в. передавались моголистанскими ханами, как значится в их грамотах, «с древних времен» в качестве земельного пожалования в условное владение («суюргал») светским чиновникам и духовным феодалам из Андижана, чаще всего мусульманским судьям — «казиям Андижанской области и Оша» [33].

Для ошских правителей (а в их числе бывал и главный судья области — кази-калан) — это пожалование в «суюргал» означало не только налоговый иммунитет, но и административно-судебный, о чем неоднократно извещались ханскими грамотами соседние феодалы и само население — «особенно вельможи, держатели приказов, шейхи и прибывающие окрестные люди, которые проживают в Андижане, прежде всего жители Чохортарака и Оша...» А для тружеников — ошан и жителей соседних кишлаков «суюргал» оборачивался усилением их эксплуатации каждым новым владетелем и ростом отчуждаемой части феодальной ренты. Причем жители Оша и окрестных селений в XVI—XVII вв. находились в постоянном страхе за личную безопасность и сохранность своего имущества.

В конце XVII — первой половине XVIII в. для усиливавшихся предводителей киргизских крупных родоплеменных подразделений Ош становится собственным административным центром — их феодальной ставкой. Но это отнюдь не сулило гарантий безопасности горожанам Оша, не приносило им облегчения от налогового гнета, не спасало от насилия при взимании различных поборов. Городские укрепления Оша теперь уже не мог-

ли служить серьезной преградой для вооруженных отрядов враждующей между собой местной и иноземной военно-феодальной знати.

Против джунгарских завоевателей

Захвативший в 1638 г. верховную власть в Моголистане (с центром в Яркенде) Абдаллах-хан с целью упрочить свое положение в государстве решил завоевать и соседние с Восточным Туркестаном горные районы Киргизии. После походов на Памир (в Болор и Бадахшан) Абдаллах-хан направляет свои войска в грабительские набеги на город Ош. Дважды киргизы успешно отражали нашествие, но вскоре вынуждены были сдаться на милость победителя. Правда, завоевав Ош, Абдаллах-хан решил не расправляться физически с киргизскими феодалами, а постарался склонить их на свою сторону и использовать в борьбе со своими соперниками в Восточном Туркестане, для чего наделил их немалой властью и пожаловал крупные военные должности и важные государственные посты. С этого времени киргизы стали играть значительную роль в борьбе претендентов за кашгарский престол различных представителей теократических групп («ходжей»). И это продолжалось до тех пор, пока Джунгарское ханство не завоевало в конце XVII — начале XVIII столетия Восточный Туркестан. В ходе этой борьбы часть киргизов была оттеснена с Тянь-Шаня и из Восточного Туркестана в Ферганскую долину. Здесь они одно время играли решающую роль в политических событиях, часто выступая совместно с кочевыми узбекскими племенами как в борьбе с Бухарским эмиратом, так и в отражении агрессии джунгарских феодалов.

В 1684 г. джунгарский правитель Галдан Бошоктухан захватил и разграбил Ош, двинулся далее на Андижан, но, встретив совместный отпор объединившихся киргизов и узбеков, вынужден был отступить. Это явилось крупным успехом киргизов и узбеков в условиях нестабильного политического положения в Фергане.

Наступил кратковременный период полной независимости Оша, который, надо полагать, управлялся киргизскими родоправителями, поддерживавшими союз с узбекскими феодалами. Как свидетельствуют восточные хроники, в начале XVIII в. главную роль в Фергане «играли киргизское и узбекское племя юз» [34]. С завоеванием Ферганы бухарской династией Мангытов основную

противоборствующую им силу составляли все те же узбеки и киргизы.

В среднеазиатских источниках имеются сведения о походе кокандского правителя Рахим-бия (1721/22—1734—?) на Самарканд. В «Тарих-и Рахим-хани», например, говорится, что «Самарканд во время смут около шести лет находился в руках киргизов...» [35].

Около 1741 г. произошло вторжение джунгар (калмаков) в Фергану, был осажден Коканд (но, видимо, не взят, хотя отдельные среднеазиатские источники и свидетельствуют, что «после некоторого сопротивления» местные беки во главе с управителем Коканда «вынуждены были покориться этим неверным» [36]). Вероятнее всего, как повествуют другие источники, правитель Коканда Абд ал-Карим-бий (1734—?—1750/51 гг.) выдал джунгарам в качестве заложника своего наследника Баба-бия, чем их и успокоил. После смерти Карим-бия Баба-бий был отправлен джунгарами в Коканд в качестве наместника. Но «кокандцы не любили Баба-бия и, воспользовавшись междоусобиями среди калмаков, убили его в Биш-Арыке», а беком Коканда стал его брат Ирдана [37]. Таким образом, даже номинальная зависимость от Джунгарского ханства Коканда продолжалась очень недолго — всего несколько месяцев правления Баба-бия.

Город Ош в связи с этими событиями непосредственно не упоминается, но Ирдана смотрит на него уже как на вожделенный объект для завоевания. А пока окрестные киргизские племена не признавали даже формально джунгарского подданства.

... Жизнь шла своим чередом. Скотовод на лето поднимался со стадами на джайлоо Алая, земледелец возделывал хлеб, рис и хлопок в окрестностях города, торговец ждал, когда дехкане освободятся от сезонных работ и придут на базар за товарами, которые к этому времени старались изготовить умельцы-ремесленники. И все с тревогой думали о встрече с налогосборщиками. Когда же налоговый пресс слишком сжимал «пружину терпения» народа, она стремительно расправлялась, ударяя по эксплуататорам. С подавлением феодалами народных выступлений все вновь возвращалось на свои места, и только в песнях и легендах народ высказывал свою мечту о безоблачном будущем, о счастливой жизни.

3 ПОД ГНЕТОМ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

В борьбе с кокандскими владетелями

Начиная с 60-х годов XVIII в. правители Кокандского феодального владения (впоследствии ханства), пытаясь расширить его территорию за счет южнокиргизских земель, обращали свои алчные взоры на город Ош.

Уже в то время Ош играет определенную роль в политической истории Кокандского ханства. Нарративные источники вскользь упоминают, что его правителем был феодал Хаджи-бий, считавшийся главой большого киргизского рода адыгене в составе племени ичкилик. Это было крупное родоплеменное объединение в Южной Киргизии, расселявшееся по Алаю и в Приферганских горах, кочующее также в ошской округе. В его состав входили как многочисленные «пришельцы», так и местное киргизское население, издревле проживавшее на территории Памиро-Алая [1].

Будучи правителем Оша, Хаджи-бий, как явствует из восточных источников, мог выставить «200 тысяч людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до Востока» [2]. Эти данные (даже если цифры преувеличены) косвенно свидетельствуют о том, что город Ош имел важное политическое значение в Фергане в середине XVIII в.

Большую роль в этот период играл и другой киргизский родоправитель из ичкиликов Кубат-бий (или Ковад-мирза), который был, как сообщали бухарские хроники, «сподвижником и опорой Ирданы» — кокандского правителя. Сначала союзник, затем заподозренный в измене, он неожиданно покинул Ирдану-бия, чем обрек его на поражение в борьбе с уратюбинским правителем. Кубат-бий просто «взял всех своих киргизов и удалился» [3]. Его власть и сила были таковы, что Кубат-

бий завязал дипломатические отношения с китайской империей Цин: вел переписку не только от своего имени, но и от имени своего союзника — правителя Коканда. Получалось, что Коканд и Ош в то время как равные выступали на международной арене, в частности в контактах с соседней Цинской империей [4].

Но по мере укрепления и возвышения Кокандского владения его правители начинали смотреть на соседние города как на желанные объекты завоевания. В 1762 г. Ирдана-бий, воспользовавшись межфеодальными усобицами киргизов, напал на них, опустошив их земли «в стране Узе» (Узген) [5]. Причем поводом для этого Ирдана избрал ограбление киргизскими феодалами (из рода адыгене) кокандских купцов. Правитель Оша Хаджи-бий, встав во главе объединенных сил родов ичкилик, адыгене и монголдор, выступил против Ирданы, но был разбит. Кокандцы захватили город Ош, фарисейски утверждая, что он якобы издавна принадлежал Коканду и теперь вновь возвращен в состав ханства. Киргизские войска отступили в горы, но борьбы не прекратили. Когда через два года кокандский правитель выступил из Оша для завоевания Ходжента, Хаджи-бий неожиданно напал на Кокандское владение с востока. Ирдана вынужден был вернуться и всей силой обрушился на киргизов. Хаджи-бий попал к нему в плен, но, видимо, ненадолго, так как Ош вскоре вновь упоминается как подконтрольный киргизам. Однако всерьез противостоять окрепшему Коканду Ош, даже с его киргизской округой, был уже не в состоянии, и в последующем в источниках он называется лишь как один из городов Андижанского вилайета Кокандского владения, а позже и как самостоятельный вилайет. В хозяйственных документах Кокандского ханства 50—70-х годов XIX в. нередко упоминается «вилайет Ош» — в числе других областей ханства, подведомственных его столице — Коканду.

Однако основная масса киргизских племен, надо полагать, еще не подчинялась Коканду. Об этом пишет, в частности, «странник поневоле» Филипп Ефремов. Он был сначала казахским, затем бухарским пленником, в конце XVIII в. бежал через Ош в Алай и Индию, обогнул на английском корабле Африку и лишь через Англию вернулся в Петербург. Здесь он вскоре издает свои записки, быстро завоевавшие популярность, в которых рассказал о своей «одиссее». Так вот Ф. Ефремов повествует в книге, что еще в 70-х годах XVIII в. южные киргизы перемещались свободно между Ошом и Кашгаром «кочевьями в небольшом количестве», были фактически независимы, имели своих «князьков» и занимались меновой торговлей с Кокандом [6]. Но так продолжалось недолго. Нарбута-бий постепенно расширяет свою власть на окрестные Ошу территории, где кочевали киргизы [7]. Закрепившись в Оше и на Алае, кокандские феодалы продолжали захватнические походы в другие местности на юге Киргизии, в Кетмень-Тюбе и на север края.

Успешному завоеванию Киргизии кокандскими ханами содействовали межродовые и родоплеменные усобицы киргизских феодалов, не желавших даже перед угрозой общего врага объединиться. Так, в конце лета 1821 г. Омар-хан направляет Бекназар-бия — своего верноподданного киргизского феодала, возглавлявшего род кутлук-сейид и одновременно бывшего хакимом города Касан, для подчинения Коканду киргизов рода сарыбагыш, кочевавших за г. Ош по дороге к Кашгару. Омар-хан распорядился, чтобы «племя кутлук-сейид со своим отрядом [лашкар], позаботившись о снаряжении и припасах для ружейной стрельбы, выступило бы со всем усердием в конный поход. Приказано было, истребляя все время [сарыбагышей], никому из ... племени пощады не давать...» [8]. В помощь киргизскому феодалу в его грабительском набеге был придан отряд кокандцев. «Произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу [главным образом скот] и массу пленных», — отмечалось в кокандских источниках, Бекназар-бий с ханским отрядом возвратился в Коканд [9]. В результате, не только силой своего оружия, но и умело используя соперничество и вражду киргизских феодалов между собой, кокандские ханы расширяли свои владения за счет соседних южнокиргизских земель. А именно через них лежал торговый путь в Восточный Туркестан и Индию.

Один из торговых путей пролегал непосредственно через Ош в Кашгар. Для обеспечения его безопасности Мадали-хан приказал в 20-х годах XIX в. выстроить на Алае два укрепления — Суфи-Курган и Кызыл-Курган, что и было исполнено андижанским хакимом Иса-датхой [10]. Позже это сыграло определенную роль в предотвращении цинской агрессии в Фергану. Когда китайские

войска предприняли поход из Кашгара на Коканд, они не осмелились взять алайские укрепления, и, простояв перед ними 20 дней, ушли назад ни с чем.

В начале 40-х годов XIX в. началось бухарское нашествие в Фергану. Временно власть на кокандском престоле оказывается в руках эмирского ставленника из Бухары — Ибрахима-хаял парваначи. Он, как истый завоеватель, сразу обложил население непомерными налогами, а пришедшие с ним бухарские солдаты стали бесчинствовать и безнаказанно грабить жителей. Вскоре это привело к общекокандскому восстанию, в котором важную роль играли киргизы. Киргизские феодалы решили возвести на престол прозябавшего в кочевьях на Таласе Шералы — одного из отпрысков кокандской династии Минг. Воспользовавшись вспыхнувшим народным восстанием, правитель киргизского рода кырк-огул Юсуф-минбаши со своими сторонниками привел Шералы с Таласа в свои родовые кочевья по р. Кара-Су в окрестностях Оша. Сюда стали стекаться со всех сторон повстанческие отряды киргизов и кипчаков. Здесь у мазара Сафид-Булан с соблюдением традиционных обрядов кочевников Шералы поднимают на белом войлоке и объявляют ханом [11]. Отсюда ставшее значительным войско, состоявшее преимущественно из киргизских и кипчакских повстанцев, легко занимая крепости, селения и города (надо полагать, — без боя и г. Ош), победоносно входит в Коканд. Ибрахим-хаял бежит в Бухару. Как сообщает кокандский источник, он правил всего месяц и семнадцать дней (хотя есть и другие данные — 79 дней), а затем вспыхнуло восстание, в результате которого «от группы сартийя и кипчакийя и киргизийя в согласии со всем народом ферганским» на престол и был возведен Шералы.

Первоначально Шералы — довольно равнодушный к власти, миролюбивый человек. Молва приписывала ему следующее двустишие: «Обычно, когда ханы входят на путь, то идет дождь (льется благополучие). Что ты за хан, когда на твоем пути льется из глаз народа кровь?» [12]. Однако вскоре «хорошие слова» расходятся с его делами. Методы правления, налоговый гнет и поборы Шералы, окруженного алчными феодалами, возведшими его на престол, ничем не отличались от существовавших в правление предшественников. Киргизские феодалы жалуются ярлыками с правом власти над родами и племенами, получают в управление города и села. Постепенно все большее влияние при дворе приобретает кипчакская группировка во главе с умным, жестоким предводителем Мусульманкулом. Усиливается угнетение киргизов, которые ожидали, наоборот, послабления налогового гнета. И в 1845 г. вспыхивает новое восстание южных киргизов. Кокандский историк Мулла Нияз Мухаммед в своем сочинении «Тарих-и Шахрохи» так повествует об этом событии: «Смятение и тревога, овладевшие сердцами кипчаков, были вызваны тем обстоятельством, что сведения о киргизском восстании в окрестностях Оша, [охватившем район] до Уч-Кургана и до границы Алая, и об осаде Оша дошли до кипчаков Шахристана, которые оповестили Мусульман-Кули» [13] — предводителя кипчаков, бывшего фактическим правителем Коканда.

Возглавляли восстание киргизов Алымбек-датха, Саидбек-датха, Пулат-датха и другие киргизские феодалы. Повстанцы осадили крепость Мады и сам город Ош, который, вероятно, и был ими взят. Основную роль в восстании сыграли алайские киргизы, потом уже поддержанные окрестным населением Оша. Выступившие на подавление восстания кипчакские феодалы из Шахристана во главе с Кур-оглы и подошедшие войска кокандского главнокомандующего Мусульманкула разбили повстанцев.

В «Тарих-и Шахрохи» об этом сказано: «После получения этого устрашающего известия [о восстании, кипчаки], отложив ташкентские дела, занялись отражением киргизов. Не имея иного средства и вынужденные к тому необходимостью, они собрали кошун и стали наступать на киргизов. Кипчак по имени Кур-оглы, который был правителем [хакимом] Шахристана, выступив с кошуном этого вилайета на два дня раньше войска столицы и встретившись с киргизами, обратил их в бегство» [14].

Из Оша пленных киргизов отправили на казнь в Коканд. В базарный день их подвели к ханской урде. На площади собралось множество народа. Воспользовавшись отсутствием Мусульманкула и главных кокандских войск, бывшие в опале феодалы — некий датха Рахматулла-мирза и исфаринский хаким киргиз Сатыбалды составили заговор против Шералы. На помощь они призвали киргизов Алая. Сыграли, видимо, определенную роль и пленные ошане. Переворот закончился

тем, что Шералы казнили — «заставили испить напиток мученичества», а на престол возвели приведенного с собой Мурад-бека — одного из сыновей Алим-хана [15]. Правда, на престоле он продержался недолго — всего одиннадцать (по некоторым источникам — семь) дней. Но, по свидетельству современников, основным желанием его жизни было «поцарствовать хотя бы два дня». Социальной опоры Мурад не имел, прибывший с ним киргизский отряд насчитывал всего 100—200 человек, и вскоре Коканд оказался в руках предприимчивого кипчакского предводителя Мусульманкула, посадившего на престол малолетнего сына Шералы Худояр-хана.

С годами Худояр-хан стал все более тяготиться опекой своего могущественного временщика Мусульманкула, ставшего, к тому же, и тестем хана. Он долго дожидался своего часа, но и отомстил сверхжестоко. В 1853 г., опираясь на узбекскую знать, Худояр-хан приказал казнить регента-кипчака Мусульманкула и «стереть с лица земли всех кипчаков и киргизов». И ханские приспешники, выполняя приказ, убивали их во всех городах — от Коканда до Оша, а также на базарах и дорогах, истребляя их без разбора возраста и пола. Так, разжигая межнациональную рознь, умело отводили от себя народный гнев хан и его придворное окружение — истинные виновники всех бед народа.

Вообще город Ош как один из окраинных городов ханства, окруженный «неспокойными» киргизскими кочевьями, неоднократно становился центром антикокандского повстанческого движения. Здесь же и недовольные ханской властью претенденты на престол искали поддержки и убежища. В 1858 г. Малля-бек, старший брат правившего Худояр-хана, решил вступить в борьбу за престол, он нашел поддержку со стороны киргизских феодалов. Но заговор был раскрыт, и Малля-бек бежал в Ош, посетил Кара-Су и Узген, прося помощи и поддержки у влиятельного киргизского феодала алайского родоправителя Алымбека ибн Хасан-бия. Тот, «бывший в то время в большой силе среди всех ближайших киргиз» и имевший свою ставку в Кара-Су, поддержал выступление Малля-бека. В результате Малля-бек в том же 1858 г. победоносно вступил в Коканд [16]. Киргизские родоправители получают важные назначения: Алымбек-датха становится правителем (хакимом) Андижана, Саидбек-датха направляется в Ходжент, Мулла Касым —

в крепость Нау и т. д. Вскоре Алымбек-датха стал главным визирем, киргизские феодалы захватили на время политическую власть в ханстве.

Но только Малля-хан решил было ущемить интересы приближенной киргизско-кипчакской группировки и устранить с политической арены киргизских феодалов, как «был зарезан ночью в орде каким-то подосланным киргизом» [17]. Согласно кокандским источникам, казнь была совершена в феврале 1862 г. парваначи Алымбеком, Хыдыр-бием эшикагаси, парваначи Шадманом-ходжой, Худайназаром-датхой, Дуст-Михтаром, Мухаммадом Ибрахимом Мирзабаши и другими феодалами из киргизов, узбеков, кипчаков, тюрков и пр. В одних источниках упоминается, что решающую роль при этом сыграл киргиз Алымбек-датха (будучи уже парваначи), в других — кипчак Мулла Алымкул — соперник Алымбека. На престол был возведен внук Шералы — Шахмурад, продержавшийся у власти менее года.

Когда позже Худояр-хан в очередной раз с помощью бухарского эмира возвратил себе кокандский престол, киргизские и кипчакские феодалы бежали из Коканда в поисках спасения в Андижан и Ош [18].

Из Оша выступал против ханского двора и предводитель алайских киргизов Алымбек-датха, когда выдвинулся в высшие сановники ханства. Вообще на Ош алайские родоправители смотрели как на своего рода ставку в Фергане, имели здесь земли, дома, торговые лавки, строили мечети и медресе, определяли им в вакф собственное имущество. Одним из крупнейших в Кокандском ханстве было и возведенное Алымбеком в Оше медресе на правом берегу реки Ак-Бура, имевшее на правах вакфного владения большие земельные угодья. Все это придавало не только политический, но и экономический вес алайским феодалам в Оше. В борьбе за власть и влияние в Кокандском ханстве Алымбек-датха и киргиз-кипчакский предводитель Алымкул часто использовали поддержку киргизского населения, кочевавшего в горах Прифергапья и на Алае. Как сообщил в своем кратком очерке по истории Коканда американский журналист Ю. Скайлер, совершивший тогда путешествие по Туркестану, Алымкул в своем противоборстве с Худояр-ханом в начале 60-х годов пригласил в город Ош трех ханских приспешников — вероятных

претендентов на престол — Мирзу-Ахмета, Садыкбека и Хаджибека и убил их. Они были похоронены на холме у подножья Сулейман-горы [19]. Ошане и окрестные жители-киргизы и в последующем неоднократно принимали самое горячее участие в противоханских выступлениях — будь то восстание против налогового гнета или выдвижение и поддержка нового претендента на ханский престол. При их активном участии был провозглашен кокандским ханом Шералы, в другой раз — девятилетний сын Малля-хана — Султан-Саид, они пытались возвести в ханы родного брата Худояра — правителя Маргелана и Оша и т. д. Характерно, что ошане во всем и всегда выступали против жестокого правления Худоярхана, становясь на сторону его соперников и противников. При неудачах отступали в горы или даже переходили в пределы России.

Почти непрерывные войны кокандских ханов с соседними правителями, особенно хивинскими и бухарскими ханами, непрекращавшиеся междоусобия феодальной верхушки разнонационального оседлого и кочевого населения ханства, зачастую оканчивавшиеся дворцовыми переворотами и сменой хана, жестокие расправы над участниками народных восстаний — все это тормозило экономическое и культурное развитие городов, в том числе и Оша, ухудшало положение как трудящихся-горожан, так и окрестных кочевников-киргизов.

Несмотря на то, что Ош находился на отдаленной окраине ханства, город нередко оказывался в зоне военных действий и феодальных неурядиц, а его жители становились невольными жертвами или в лучшем случае — свидетелями военных столкновений и кровавых феодальных усобиц, ослаблявших ханство. Киргизы никогда не могли окончательно смириться с ханским господством и пользовались любым поводом для вооруженного выступления против кокандского гнета. Как писал туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман военному министру Д. А. Милютину 3 декабря 1875 г., «история Кокандского ханства представляет собой целый ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз и борьбы государственной власти ханства Кокандского с этим беспокойным элементом» [20].

Алымбек

Город Ош и с. Кара-Су рассматривались южнокиргизскими феодалами как собственная ставка. Здесь они имели недвижимое имущество, через Ош держали связь с кокандскими наместниками и центральными властями ханства.

Крупнейшими феодалами, оставившими заметный след и в истории города, были Алымбек-датха и почти на полвека его пережившая его жена Курбанджан. Поэтому остановимся вкратце на их биографиях в связи с историей города Оша.

Характеризуя политическое положение Кокандского ханства и киргизов в конце 60-х годов, английские историки Джон и Роберт Митчел (пользовавшийся, правда, информацией Валиханова, Венюкова и Бардашева), писали, что влияние киргизов в ханстве чрезвычайно велико, поскольку даже первый ханский министр Алымбек был из киргизов племени адыгене [21].

Среднеазиатские источники — нарративные («Тарих-и Джахан-намаи», «Тарих-и Шахрохи») уточняют: он был из рода баргы племени адыгене. «Из рода баргы был хан Алымбек, который разрушил (?) город Коканд (бузат), — писал автор «Истории киргизского раздолья» Осмоналы Сыдыков. — А в городе Оше он построил одно великолепное медресе по образцу бухарских. Город Ош расположен на видном высоком месте» [22].

5 декабря 1860 г. по дороге из Индии в Коканд посетил Алай английский агент Мулла Абдул Маджид. Почти тогда же, через два года с небольшим, в Калькутте были изданы его записки, в которых он назвал резиденцией алайского правителя Алымбека-датхи именно Гульчу [23]. Позже русский путешественник Е. Марков в своих путевых очерках по Кокандскому ханству так охарактеризовал положение алайских родоправителей Курбанджан и ее мужа Алымбека: «Датха эта была почти независимою владетельницею во времена кокандских ханов, и хотя муж ее получил свое звание бека от Худоярхана, но эта ханская инвеститура была скорее условием приличия, чем действительным правом хана, так как алайские киргизы высоко чтили родовитую «белую кость» своих беков и беспрекословно шли за ними, куда они их вели, даже без освящения их прав ханской властью» [24].

Летом 1962 г. мы встретились в Оше с почтенным аксакалом пенсионером Д. Зайнабитдиновым. Его отец в свое время служил писарем у знаменитой «алайской царицы» — Курбанджан-датхи, а сам он в первые годы Советской власти заведовал вакфным отделом в Оше.

Зайнабитдинов передал нам свою рукопись воспоминаний о клане крупнейших киргизских феодалов Алая и Оша — Алымбека — Курбанджан, о медресе Алымбека и его вакфном хозяйстве. По словам Д. Зайнабитдинова (который, кстати, сам видел в детстве Курбанджан), Алымбек проводил фактически независимую политику, а в некоем договоре — ахдах, обусловливавшем зависимость Алая от Кокандского ханства, было даже оговорено право Алымбека самостоятельно управлять Алаем. В Оше же Алымбек в качестве недвижимой собственности владел торговыми лавками, имел вакфную землю своего медресе, выстроенного им на правом берегу реки Ак-Бура.

Являясь могущественным киргизским феодалом-родоправителем и изощренным придворным сановником, игравшим большую роль в ханских междоусобицах и дворцовых переворотах, Алымбек был типичным представителем своего класса — жестоким деспотом, не щадящим даже жизни своих подданных, если это служило его личным интересам. Именно Алымбек, по словам путешествовавшего в 70-х годах XIX в. по Алаю А. П. Федченко, выделился «зверским убийством» местного населения непосредственно в городе Оше в период одного из антиханских восстаний [25].

Рано вступив на поприще политической деятельности, Алымбек в 1831 г. получает из рук Мадали-хана титул датхи — правителя Алая. Здесь он встречает двадцатилетнюю девушку Курбанджан, с которой и связал всю последующую жизнь. Курбанджан родилась в семье простого кочевника-скотовода Маматбека в Кичи-Алае. Маматбек был «заурядным киргизом из рода мунгыш (монгуш. — *авт.*) и не выделялся от своих сородичей ни положением, ни особенным богатством» [26]. С детства Курбанджан просватали и в 17 лет выдали замуж за Кулы-Сад-Ярова — киргиза из рода юваш, которого она и увидела в первый раз лишь в день свадьбы. Жених ей не понравился, и Курбанджан три года считалась номинальной женой Ярова, оставаясь все время в юрте своего отца. В 1831 г. Алымбек, уже будучи датхой Алая, встретил Курбанджан, освободил ее от мужа, и в следующем году они поженились. Курбанджан стала преданной помощницей Алымбеку: во время его отсутствия на Алае по делам ханства она успешно заменяла его, жестко и полновластно управляя алайскими киргизами.

Имеется упоминание, что Алымбек принимал активное участие в организации Ошского восстания в 1845 г. и только благодаря хладнокровию жены, вовремя предупредившей его об опасности, сумел избежать расправы, жестоко проведенной кокандским минбаши Мусульманкулом, буквально потопившем восстание в крови [27].

Однако Алымбек не просто бежал в горы, а организовал новый заговор, в результате которого Шералы-хан был свергнут и на престол возведен в 1845 г. Мурад-хан. Затем в период правления заступившего место Мурад-хана нового кокандского владыки Худояр-хана (правил трижды: 1845—1858, 1862—1863, 1865—1876 гг.) Алымбек больше остается за кулисами придворных интриг, в тени общественной жизни Коканда. Но зато он активен на Алае, поддерживает повстанцев Восточного Туркестана против цинского гнета.

В 1847 г. один из представителей и наследников бывших теократических правителей Кашгара Ходжа-Тюря решил воспользоваться недовольством народных масс Синьцзяна китайским господством и возглавить восстание. Его поддержали всегда принимавшие живое участие в судьбе своих соплеменников, оказавшихся за границей под игом манчжурских феодалов, алайские киргизы во главе с Алымбеком. Движение было организовано вопреки воле кокандского хана, даже в противовес его внешнеполитическим интересам. Но именно потому киргизы и выступили активной силой и пошли на помощь синцзянским повстанцам.

Восставшие действовали успешно, даже отбили у китайцев Кашгар. Но вскоре местные цинские власти получили подкрепление и восставшие вместе с Алымбеком, да и сам Ходжа-Тюря вынуждены были бежать. Они нашли укрытие опять-таки в кочевьях Алая. Из Кашгара в холод, спасаясь от голода, потянулись в Фергану беженцы-повстанцы — уйгуры, киргизы. На перевале Терек-Даван их застигла снежная буря, гибли женщины и дети. Имущество беженцев было брошено или разграблено. Немногие уцелевшие и достигшие Оша вынуждены были продавать здесь своих детей, чтобы добыть пропитание и не умереть с голоду [28].

По возвращении Алымбек организует заговор против Худояр-хана в пользу его старшего брата Малля. Для этого он спускается с Алая к Ошу и Узгену.

Переворот был успешным. На престол взошел Малля-бек (1858—1862 гг.). Худояр спасается бегством в Бухару. Все источники главную роль в этих событиях отводят южным, в первую очередь ошским и алайским, киргизам. Малля-бек, читаем в одном из информационных сообщений, направленных в это время в Россию, «с помощью каменных вообще киргиз напал на Коканд и овладел этим городом» [29].

Именно в это время политическая власть в ханстве практически перешла в руки Алымбека и киргизских феодалов, выказывавших свое рвение в соперничестве с кипчакскими.

После взятия и разрушения русскими с помощью киргизских повстанцев в 1860 г. крепостей Пишпек и Токмак в Чуйскую долину по распоряжению Малля-хана с кокандским войском (7 пансатов и андижанский отряд) выступает Алымбек-датха. Его дорога шла через Центральный Тянь-Шань, в Куртке и Кетмень-Тюбе он увеличил свое войско до 12 тысяч (в основном конники и лишь 1 тысяча пехоты). В Чуйской долине войска Алымбека встретились с подошедшими другим путем к Пишпеку кокандскими отрядами под началом ташкентского наместника кипчака Канаат-шаха. Два феодала-соперника не сумели поделить верховную власть, ни один не хотел признать над собою главенства другого. Поэтому, когда Канаат-шах выступил против русских в Узун-Агаче, Алымбек задержался и не поддержал его. Сказалось, видимо, здесь не только личное соперничество, но и нежелание Алымбека со своими киргизами воевать против русских, которых, к тому же, поддерживали семиреченские киргизы, а иссык-кульские еще ранее, в 1855 г., приняли добровольно российское подданство. Дело закончилось тем, что Алымбек не вступил в сражение и увел свои войска.

Кокандский придворный историк Мулла Нияз Мухаммад, не одобряя действий Алымбека, с горечью писал: «В это время Алымбек киргиз и Канаат-шах таджик, предъявив друг другу претензии на главенство и право распоряжаться войсками, начали вражду и ссору. По причине распри Алымбек забрал андижанское войско и киргизов, удалился с ними в сторону, а дело битвы, все, что влечет за собой честь или позор, оставил Канаат-шаху, ухватившись за подол бесчестья, [Алымбек] полу славы и мужества выпустил из рук» [30].

Просто Алымбек имел свои виды на события. Свои отношения с Россией он намеревался строить иначе, мирными средствами, а не войной. К тому же, ему не было никакого резона вступать в конфронтацию с киргизами Семиречья, не только не настроенными против русских, а наоборот, призывавших их на помощь в борьбе с кокандцами.

Понятно, что после этих событий Алымбек впадает в ханскую немилость, оставаясь, правда, еще по-прежнему хакимом Андижана и округи (надо полагать и города Ош). Когда на следующий год Малля-хан решил было возобновить поход против русских, киргизы наотрез отказались выступить. Тогда хан послал джигитов арестовать Алымбека, но тот успел бежать в горы за Гульчу и удалось лишь конфисковать его имущество.

Алымбек организует новый заговор против хана. По словам Муллы Нияза, киргизские феодалы Алымбек и Кадыр, тюрк Худай Назар «в согласии» с киргиз-кипчаком Алымкулом организовали заговор и 24 февраля (в русских источниках указывается март) 1862 г. убили Малля-хана [31]. На престол возводится один из внуков Шералы — хан Шах-мурад. Алымбек становится первым лицом — главным визирем ханства.

Но вскоре его сопернику кипчаку Алымкулу удалось оттеснить киргизов и в разное время физически расправиться с Алымбеком, Кыдыром и другими крупными киргизскими феодалами.

В одном из донесений начальника Алатавского округа Г. А. Колпаковского к сибирскому корпусному командиру от 25 июля 1862 г. сообщалось о занятии при помощи бухарского эмира кокандского престола Худояр-ханом и что при этом «многие из лиц, умертвивших хана Малля, были казнены, в том числе убит чернью и знаменитый Алымбек» [32].

Курбанджан

После гибели Алымбека политическую власть и власть главы рода наследовала его вдова Курбанджан-датха. В 1862 г. Худояр-хан с помощью бухарского войска вновь занимает Коканд и овладевает престолом. Но самыми непокорными продолжают оставаться восточные районы Ферганы, киргизы и кипчаки. Посланный эмиром Музаффаром бухарский отряд дошел до Ош, осадил крепость Мады. Имеется смутное упоминание, что в это время произошла встреча эмира с алайской правительницей. Музаф-

фар, узнав о влиянии Курбанджан-датхи на алайских киргизов, «вопреки мусульманскому обычаю, дал ей почетное звание датхи, снабдив ее надлежащим ярлыком и одарив подарками», — писалось в русских журналах [33].

Неслыханным делом было для Средней Азии, да и всего исламского Востока, — женщина-мусульманка, нарушая традиции и волю родителей, не идет жить к выбранному ей супругу, а позже, после смерти избранного самой мужа, власть не передает его старшему сыну, а берет в свои руки. И — виданное ли дело! — опора ислама в Средней Азии — эмир Бухары утверждает ее в звании датхи — правительницы Алая. Кокандский хан Худояр любезно принимает в своем дворце женщину, явившуюся с гор и не признающую паранжу, узурпировавшую, с точки зрения мужчины — мусульманского фанатика, власть среди воинственных киргизов-кочевников Алая. Худояр-хан прощает ... нет, даже не вспоминает (!) о всевозможных восстаниях киргизов против него, в которых зачинщиками и открытой политической силой выступали подданные Алымбека и Курбанджан, подтверждает ее в звании датхи и праве полного распорядителя Алая, одаривает ее парчовым халатом со своего плеча и ... живой (!) отпускает в родные кочевья Алая. Это действительно был уникальный случай в фанатичном исламском мире Бухары и Коканда. Ее пасынок Джаркинбай, в угоду мачехе отказавшийся от наследственного титула датхи, был назначен в 1864 г. ошским хакимом (вскоре он был убит в одном из сражений кокандского войска с отрядами генерала М. Г. Черняева).

В 1865 г. Худояр-хану удалось в третий раз овладеть престолом, и Курбанджан поспешила явиться к нему в Коканд. Хан подтвердил ее права на звание датхи и управление Алаем, а вместо убитого Джаркинбая ошским хакимом назначил старшего ее сына Абдуллабека.

Известный путешественник по Кокандскому ханству А. П. Федченко, посетивший Алай в 1871 г., отмечал, что Курбанджан-датха «пользуется огромным авторитетом, наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением». Даже Худояр-хан в случае ее приезда в Коканд принимал «алайскую царицу» «как важного бека» [34].

В период вхождения Южной Киргизии в состав России в 1876 г. на Алае произошла встреча Курбанджан с генералом М. Д. Скобелевым, командовавшим русским отрядом. «Алайская царица» явилась к генералу в сопровождении сына Камчибека и внука Мирзапаяза. Будущий первый ферганский военный губернатор, будущий герой Шипки в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. ласково принял Курбанджан. Через переводчика он выразил свое удовлетворение встречей, похвалил храбрость ее сыновей и просил Курбанджан убедить их с подвластными киргизами склониться к российскому подданству, обещая всем полную безопасность жизни и сохранность имущества. Курбанджан вняла совету, разослала по всему Алаю своих гонцов с приказанием свободно возвращаться по своим аилам. Три ее сына: Махмудбек, Хасанбек и Батырбек послушались матери и вскоре вернулись в Ошский уезд. Приехавший сюда к этому времени генерал-губернатор Туркестанского края К. П. Кауфман назначил всех сыновей датхи волостными управителями.

Несколько позже в исторических сюжетах народного киргизского акына-демократа Тоголока Молдо прозвучит мотив, что «алайские киргизы присоединились к русским под руководством Курбанджан» [35]. «Алайская царица» становится теперь верным приверженцем царизма, играя важную роль в управлении алайскими киргизами и после вхождения их в состав России. За это специальным императорским указом от 1881 г. Курбанджан-датхе была определена пожизненная государственная пенсия в размере 300 рублей [36].

Между Курбанджан-датхой и первым ошским уездным начальником майором Ионовым — соратником Скобелева по Алайскому походу — установились приязненные отношения, не прерывавшиеся до самой ее смерти. Ее сын Махмудбек хранил пачку писем, адресованных Курбанджан-датхе от различных представителей туркестанских властей. Но более всего писем было от ставшего впоследствии военным губернатором Ферганской области генерала Ионова. С ним датха неоднократно обменивалась подарками и фотографиями [37].

Небезынтересно письмо Курбанджан русским властям от 1885 г.

«Многоуважаемому высокостепенному Ферганскому

областному губернатору от служителя Ошского уезда Курбанджан-датхи. Заявление.

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что когда Ферганское мусульманское государство не признавало еще Россию, я воевала и спорила с Вами. Потом Абдуллабек со своими двумя братьями — Махмудбеком и Хасанбеком через Ош бежал к Кабулу. Я, бедная, с малышом Камчибеком осталась на Алае. В это время на Алай Ошский начальник Ионов прибыл с генералом (Скобелевым, — 1876 г. — *авт.*). И представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна.

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается.

Теперь сыновья вернулись ко мне. Без надежды и с мучениями. Они боялись царя, но я приказала через одного посланца, чтобы они возвратились сюда. По воле бога, Абдуллабек там умер. Махмудбек и Хасанбек вернулись здоровыми.

Затем я встречалась с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом, когда он приезжал в город Ош. Он тоже с уважением относился ко мне и говорил: если вы прислушаетесь к моим словам — вам будет полезно и хорошо — как будто были на приеме у царя-императора. Покойный генерал-губернатор с согласия царя ежемесячно выплачивал пенсию в 25 рублей. Жаль, что не могу лично выразить ему признательность.

Благодаря богу я сейчас имею 3 детей. Никогда раньше мы не видели такого государства. Испокон веков к сиротам ни одно государство так хорошо не относилось. Как со своими родными, всем народом вместе будем жить в таком государстве. Если вдруг его авторитет не признаем, изменим государству, тогда, я считаю, на нас ляжет несмываемый позор. Я считаю, что если относиться со всей душой, всем сердцем и уважением к этому государству, тогда бог простит все, что мы совершили против него раньше.

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против вас (выделено нами. — *авт.*). От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжкой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих.

В заверение ставлю свою печать — дочь Маматбека Курбанджан-датха.

В связи с потерей печати подписываюсь»[38].

И «царица Алая» расписалась собственноручно.

«Царица Алая» прожила до 96 лет и тихо скончалась 3 (по другим источникам 1) февраля 1907 г. в с. Мады в 13 верстах от Оша в окружении многочисленных родственников: в это время были живы двое ее сыновей, 2 дочери, 31 внук, 57 правнуков и 6 праправнуков. Захоронили Курбанджан у подножья Сулейман-горы на главном кладбище Сары-Мазар. Над могилой построен высокий гумбез из кирпича.

Роль личности Курбанджан в истории Киргизии двояка. Так, по нашему мнению, к ней и следует подходить. Нельзя в целом только охаивать ее как крупного феодала, но нельзя и идеализировать ее как «мудрую мать народа» или «вождя, боровшегося за свободу и интересы трудового народа»[39]. Первоисточники развенчивают идеализированный образ, отнюдь не умаляя ее роли как сильной незаурядной личности и представителя своего класса и своего времени. Она была феодалом со всеми вытекающими из этого последствиями. Но она была умной и дальновидной представительницей своего народа и на фоне мрачного, жесточайшего ханского гнета, исламского мракобесия ярко выделялась своей оригинальностью. Не сразу Курбанджан-датха признала Россию, но как только поняла неизбежность, необходимость соединения с Россией, всю себя отдала в ее распоряжение. Но поскольку распоряжались в Туркестане царские чиновники, естественно, что Курбанджан, преданная ранее ханам, становится верным слугой царизма.

Город и его жители

Документальные источники времени зависимости Киргизии от феодального деспотического Кокандского ханства, как кокандские, так и русские, содержат крайне мало фактических и достоверных сведений для описания города Оша, как, впрочем, и других населенных пунктов в Восточном Приферганье. Однако из скупых рассказов отдельных торговцев и других русских людей — «невольных странников», подобных Ф. Ефремову, записок посланных в Коканд представителей российских властей, отечественных и иностранных путешественников вырисовывается общая картина о состоянии города Ош первых трех четвертей XIX в. Проясняются и от-

дельные детали: его примерные размеры, примечательные топографические объекты, общий характер застройки, занятия жителей, некоторые городские события времен истории ханства и т. п.

В середине XVIII в. Ош представлял собой, скорее, временную ставку, чем постоянное местообитание киргизских кочевых феодалов. Восточные источники прямо свидетельствуют, что киргизы «в городе Ош зимуют, ... занимаются земледелием и выпасают на летних пастбищах скот» [40]. В те годы город, очевидно, не был хорошо укреплен, отсутствовали оборонительные стены (источники, во всяком случае, о них не сообщают). Но археологическое обследование окрестностей города позволяет заключить, что, по крайней мере, на его юго-западной окраине, обращенной в сторону Алая — самого «неспокойного» района Кокандского ханства, какая-то крепость стояла. Нарративные источники упоминают крепость Мады, располагавшуюся всего в одном фарсанге от Оша. В 1275 г. х. (1858/59) поблизости от Оша была отстроена и другая крепость в местности Лангар. Именно эти крепости принимали первые удары повстанцев против ханского гнета. Сам же Ош не без борьбы за него переходил из рук в руки. Цитадель, которая находилась в центре города, не была приспособлена для долговременной обороны, поэтому, например, когда киргизские повстанцы в 70-х годах XIX в. дошли до селения Араван и напали на Ошскую цитадель, ханский наместник тут же бежал из города.

Первым российским путешественником, побывавшим в Оше еще в 70-х годах XVIII в., был унтер-офицер Филипп Ефремов. «Странник поневоле», беглец из плена, естественно, уделяет особое внимание расстоянию между городами. От Оша до Маргелана, отмечал Ф. Ефремов, 3 дня пути, а от Оша до Кашгара — 13 дней. Ф. Ефремов отмечает также независимость от Кокандского ханства киргизов, но сам город, по словам автора, был ему уже «подвластен» [41].

Сибирский казак Максимов в начале XIX в., по дороге в Кашгар видевший, как «киргизы и кипчаки кочевали близ Оша», сообщал о паломничестве мусульман к горе Тахт-и Сулейман [42].

Кокандские послы, бывшие в 1832—1833 гг. в Турции, назвали в составе Кокандского ханства 12 больших городов, многочисленные городки и кишлаки [43]. Одним из

них, несомненно, был г. Ош, который являлся административным центром вилайета. В нарративных источниках Ош иногда продолжал упоминаться также под названием Тахт-и Сулейман — по названию горы, возвышающейся на западной окраине города. «Святая» гора влекла к себе паломников из разных мусульманских стран, благодаря чему город был известен как один из религиозных центров Ферганы. Здесь от позднего средневековья сохранились еще старинные мечети, усилием кокандского духовенства еще шире распространялся ислам и строились медресе, десятки, если не сотни, мечетей. Одним из самых известных было медресе Алымбека (о нем более подробно расскажем ниже). Паломничество взвинчивало мусульманский фанатизм. Средневековое религиозное мракобесие отнюдь не способствовало социальному и культурному прогрессу.

По занимаемой территории в первой трети XIX в. Ош был небольшим городком, меньше Маргелана и тем более Ташкента, приближаясь по величине к г. Аксу в Восточном Туркестане. Но по сравнению с территорией города в прошлые века в этот период она все же расширилась. И одним из признаков этого было уже отсутствие внешней, опоясывающей раннесредневековый город стены.

Другой характерной особенностью топографии города являлось разделение его на две части быстро текущей горной рекой Ак-Бурой, через которую был перекинут мост. Большая часть города располагалась на левобережье под Сулейман-горой, окруженной «старым, малым бедным городком», и хорошо известной всем прибывавшим в город Ош торговым людям площадью, где останавливались дальние купеческие караваны. На противоположной стороне реки, менее обжитой, жилищ было немного, стояли они редко, и потому проезжавшим по караванной дороге улицы казались здесь более просторными. Жилая застройка состояла почти сплошь из глинобитных, низких, с плоскими крышами домов восточного типа (сакли или мазанки). Впрочем, в Андижане и Бухаре подобные дома внешне выглядели несколько лучше. Вообще, по словам посещавших Ош иноземцев, там «хорошего строения мало».

Помимо объектов культового назначения, привлекавших внимание бывавших в Оше ханского времени, упоминаются и некоторые другие. Так, в городе находился,

по сведениям Тимковского, монетный двор, где чеканилась медная монета — пул [44]. Другие авторы сообщают, кроме того, о ставке — «урде» — правителя Ошского бекства, или вилайета, с канцелярией и другими служебными, жилыми (включая гарем) и хозяйственными помещениями, а также казармами для отряда.

Хан, его ближайшие родственники и некоторые высшие придворные чиновники владели в Оше и его окрестностях значительной недвижимостью — лучшими домами с усадьбами, садами, виноградниками и пахотнопригодными землями. В собственных и казенных помещениях проживали ханские военачальники, судья (казий), начальник налогосборщиков — зякетчей, а также представители мусульманского духовенства в городе.

О том, что Ош был именно киргизским городом, и не только территориально, но и этнически, имеется немало свидетельств в источниках XIX в. Автор кокандской рукописи «Миротул-фтух», например, отмечал, что родина киргизов и кипчаков «находилась в окрестностях Андижана и Оша». Киргизы контролировали торговый тракт, ведущий из Коканда в Кашгар, и, надо полагать, претендовали на пошлины с караванов, проходящих через их земли. Именно это имел в виду А. П. Хорошхин, когда писал: «Все дороги на Кашгар через Уш (Ош — *авт.*) небезопасны, их стерегут номады — кипчаки» [45]. Поэтому небезосновательно один из среднеазиатских обозревателей 70-х годов XIX в. назвал Ош «центром киргизско-кипчакского населения», которое считало его «своим собственным городом» и в котором никогда постоянно даже не стояли сарбазы (солдаты) Кокандского ханства [46].

Национальный состав населения города Оша в XVIII—XIX вв. (до 1875 г.) не был этнически однородным — кроме окрестных киргизов здесь проживали ферганские узбеки, таджики (каратегинцы), уйгуры («кашгарлыки»), в небольшой мере оседали кипчаки и др. На более или менее длительное время в нем останавливались по торговым делам и выходцы из сопредельных стран зарубежной Азии. Как и в других среднеазиатских городах, здесь проживали индийские ростовщики-менялы.

Наличие столь разных этнокомпонентов в национальном составе жителей Оша объяснялось историей сложных внешнеполитических взаимоотношений Кокандского

ханства с соседними государствами и народами, той ролью, которую приходилось играть в них Ошу, многонациональностью и подвижностью самого населения ханства, которое зачастую вовлекалось в феодальные усобицы, в войны с соседними государствами, а также издавна установившимися разветвленными торгово-хозяйственными связями городов Ферганской долины, включая Ош, наконец, контактами его горожан с коренным населением сельской территории.

Классовый состав населения Оша в период его подчинения Кокандскому ханству определялся господством феодальных порядков в ханстве и соответственно феодальным строем городской жизни. Все рычаги управления городом и его населением находились в руках военно-служилой, чиновной и мусульманской эксплуататорской верхушки. К господствующему классу принадлежали также крупные купцы-толстосумы, державшие в своих руках оптовую торговлю в городе и торговлю с Восточным Туркестаном, ростовщики и менялы, крупные баи и землевладельцы, мастера-предприниматели, караван-баши, имевшие множество вьючных лошадей, а также владельцы городских караван-сараев и лавок на ошском базаре, частью сдававшихся ими в аренду иногородним и мелким местным торговцам.

Кокандское ханство до последних своих дней сохраняло институт рабства, и Южная Киргизия была одним из источников его пополнения. В сохранившемся архиве Кокандского ханства имеются документы, где говорится о вызове женщин-рабынь из Оша. Так, в 1287 г. х. (1870/71) одному из ханских чиновников отдается распоряжение (патта) о выдаче некоему Ахунду-баба определенной суммы за привоз невольниц-чури из города Оша [47]. Рабство было ликвидировано лишь после вхождения Киргизии в состав России.

Итак, классовый состав населения Оша был очень неоднороден: с одной стороны — ханы, беки, датха, купцы, с другой — ремесленники, обедневшие пастухи, наемные работники, отходники и рабы. Большую часть горожан составляли бедные земледельцы, мелкие торговцы и ремесленники, солдаты, низшие служители культа и учащиеся духовных школ, черно- и разнорабочие, водоносы, грузчики и упаковщики в караван-сараях, прислуга, а также нищие, т. е. лица из самых низов городских жителей, испытывавших жестокий налоговый гнет

и непосильные трудовые повинности, произвол феодалов. К сожалению, прямых свидетельств об уровне жизни трудового люда в Оше почти не сохранилось.

Хозяйственные занятия горожан

Основная масса жителей Оша занималась сельским хозяйством, многие — извозом и торговлей, значительная часть — ремеслом. Отрасли сельскохозяйственного производства с конца XVIII в. и до 1875 г. оставались традиционными: поливное земледелие («город окружен плодородною землею», «пашни наводняют каналами», — сообщали Муртаза Файзулин и другие информаторы Г. Ф. Генса), садоводство («сады у жителей хорошие и ... фруктов родит много»), а также скотоводство («у жителей много скота, пасущегося поблизости от города») [48].

Податно-налоговые материалы 40-х — начала 70-х годов XIX в., в частности опубликованные документы ханской канцелярии, позволяют несколько детализировать сельскохозяйственные занятия ощцев. Так, жители Оша и окрестных селений сеяли в основном зерновые: преимущественно кукурузу, несравненно меньше — пшеницу и ячмень (посевы последних были примерно равновеликими), немного риса и просо — джугару. Из волокнистых культур разводили хлопчатник, из масличных — лен и кунджут, а также мак (его употребляли в пищу и из него приготовляли наркотики) и люцерну. Были распространены домашнее огородничество (выращивали, как и в соседних районах Ферганы, огурцы, лук, особенно много моркови), бахчеводство, приусадебное садоводство и виноградарство. У зажиточных горожан имелись обширные загородные виноградники, сады, огороды и бахчи. В начале 70-х годов XIX в. под дынями в Оше было занято более 50 участков. Летом ошская беднота кормилась дыней с лепешкой. Особенно излюбленными у ошских жителей были дыни-скороспелки. Различные сорта «сахарных» дынь и винограда сушили впрок.

Согласно нарративным источникам, распространение культуры риса в Киргизии началось с города Оша. После завоевания города в 1762 г. кокандский правитель Ирдана распорядился отправить в Ош 50 семей колонистов для выращивания здесь риса. Переняв у узбекских поселенцев опыт возделывания рисовых плантаций, киргизы успешно продолжили культивирование этой культуры [49]. Еще и сейчас так называемый «узбекский» рис является лучшим для приготовления любимого блюда горожан — плова.

Хлопчатник как важная техническая культура в XIX в. высевался лишь в окрестностях Оша. В 1877 г., на следующий год после падения Кокандского ханства, здесь получили 6,2 тыс. пудов [50], т. е. около 200 тонн хлопка, что для того времени было довольно высоким урожаем.

Многие семьи в Оше занимались разведением тутового шелкопряда. Ремесленники-шелкомотальщики были обязаны платить натурой налог в ханскую казну. В кокандских документах особо отмечаются «подношения от шелкомотальщиков» [51].

Рабочим и транспортным скотом служили лошади и волы. Многие жители города держали овец.

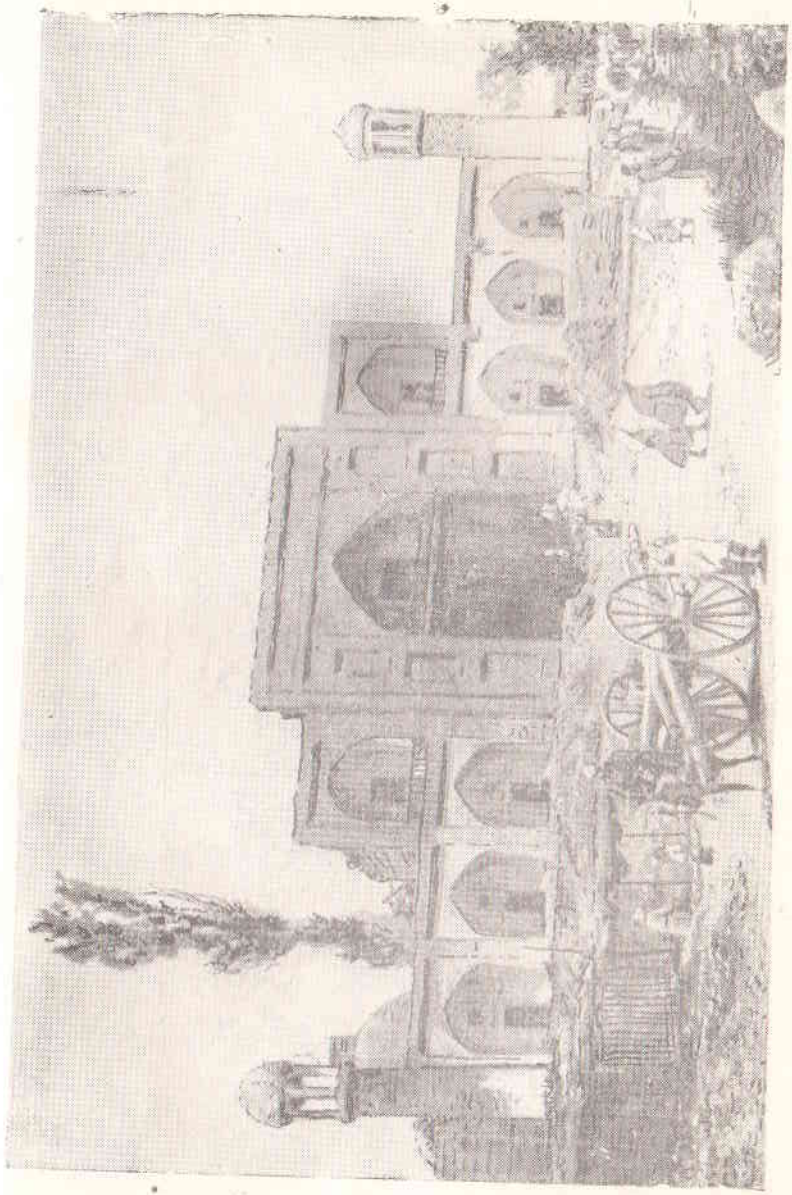
Включение Оша и южных районов Киргизии в состав Кокандского ханства повлекло за собой изменение традиционных форм аграрных отношений у киргизов. Хан юридически и фактически становился верховным собственником и распорядителем всех без исключения обрабатываемых и необрабатываемых, закрепленных за кем-либо и свободных земель. Он — глава государства, а стало быть все земли номинально считались государственной собственностью. Хан был вправе их дарить, продавать, жаловать кому-либо, отбирать и перепродавать.

В результате перенесения практики земельных отношений Кокандского ханства в Южную Киргизию здесь сложилась система государственной, частной и общинной собственности на землю, система землевладения — феодального и крестьянского, система землепользования — индивидуальная и коллективная (общинная). По мере расширения сферы влияния кокандского духовенства на территории Киргизии возникает и мусульманское землевладение (вакфные владения). Но влияние Коканда на земельные отношения киргизов в немалой степени зависело от прочности его власти в Киргизии и ослабевало по мере удаления от центров ханства.

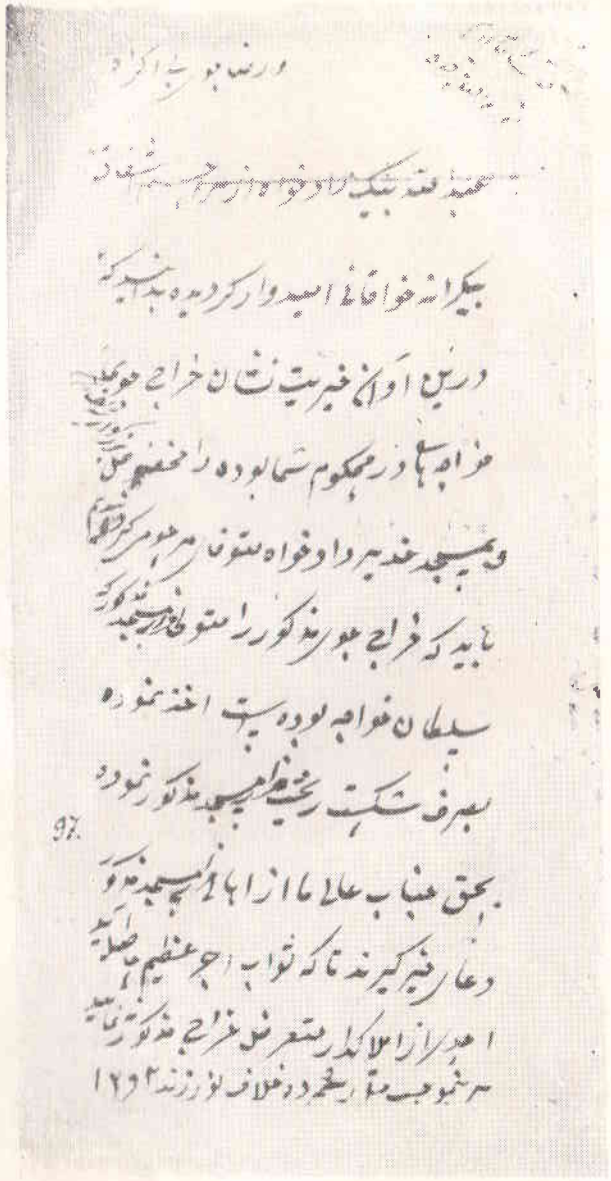
В целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на развитие земельных отношений в городе и среди окрестных киргизов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада.

Процесс разложения общинного и обособления частного землевладения у киргизов начался уже во время кокандского господства, и, надо полагать, более активно протекал именно в городах. Во всяком случае известен один такой характерный документ от 1254 г. х. (1838 г.) о закреплении большого массива прежде общинной земли в г. Оше уже в личное владение некоему Муллабаю Ахуну Нарботобаеву. Документ, переведенный туркестанским чиновником прошлого столетия, свидетельствовал: «В местности Мады — часть земли, орошаемая из ключей Карасу, граничит с запада — с полями хана, с востока часть прилегает к полям, принадлежащим отделению бакал, часть прилегает к полям, принадлежащим отделению юваш, с севера — к арыку Мады, с юга — арыком Юваш. Месяц Мухаррама 1254 г. Мы, нижеподписавшиеся киргизы Мулла Тойчи Курбанбиев, Таракчи и Кожур Ниязбековы... (и др. всего 44 человека. — *авт.*) удостоверяем, что из вышеупомянутой в границах земли часть таковой с поливами из арыка Юваш с 11 очередными поливами из арыка этого же имени принадлежит Нарбото Абдаазимбаеву, Самулу Хусаинову, Муллабаю Нарботобаеву, Гайит-биби Балдышанховой, Мулле Кыргыз Али Абдраманбаеву, Маат Кариму, Мулле Шаназарову, Юсуп Али Суванкулову и Мирзе Амели Абдушукурову, а мы, в свою очередь, удостоверяем, что из числа принадлежащей нам земли половинная часть таковой с пятью очередными поливами принадлежит Муллабаю Ахуну Нарботобаеву, против чего мы никаких претензий не имеем. В чем и дали сей документ в присутствии казиев, приложивших на оном печати» [52].

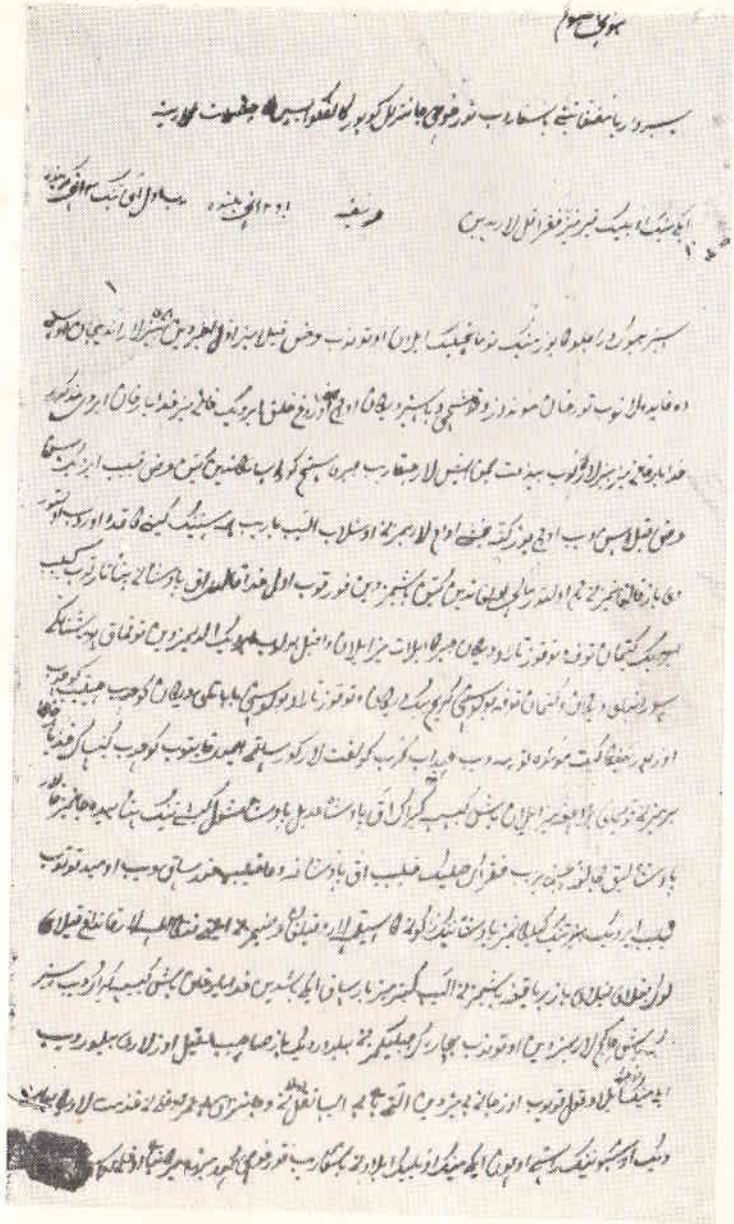
Во многих отношениях интересен и другой подобного рода документ, оформленный как купчая на землю, а фактически являвшийся своеобразной отступной грамотой. Оригинал документа хранится в Ошском краеведческом музее, сотрудник которого Е. В. Дружинина нам его любезно предоставила, а перевод по нашей просьбе сделал востоковед В. Н. Настич. Это большой свиток, типично восточного (кокандского) орнамента и бумаги, написанный каламом тушью. Документ, датированный 1864 г., составлен на канцелярском таджикском языке и является купчей — сделкой на усадьбу и несколько участков пахотной земли в районе города Оша. Он содержит 25 строк текста, скреплен 4 печатями и 3 подписями свидетелей. Из-за технических особенностей

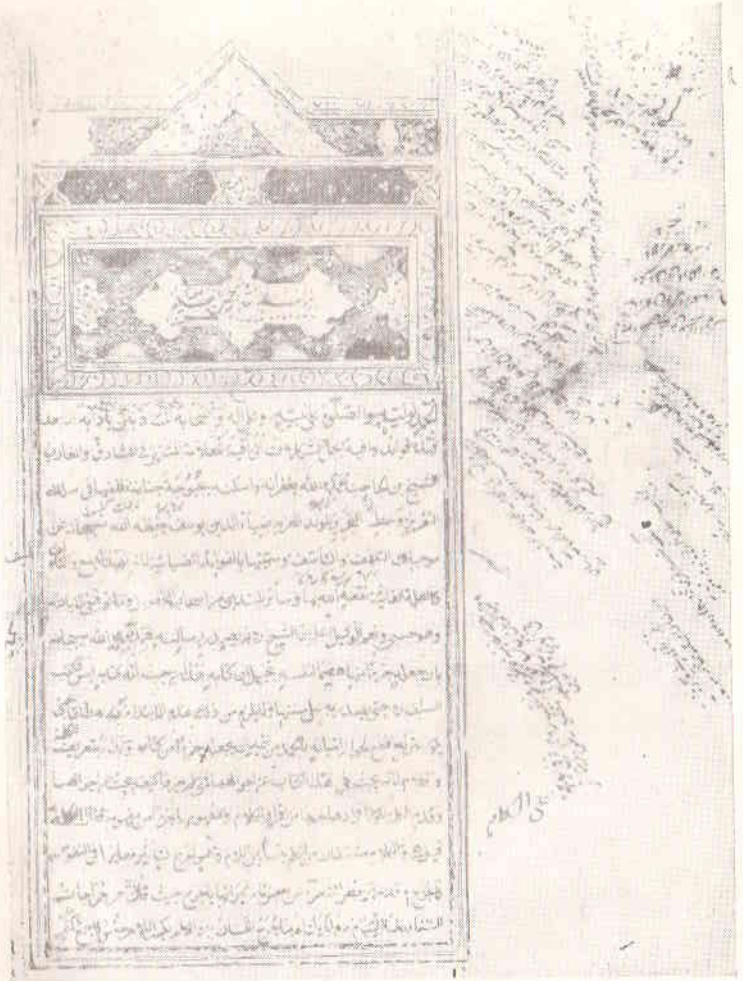
Ошское медресе Алымбека

Вакфная грамота Пулат-хана, выданная Абдулла-беку (1875 г.)

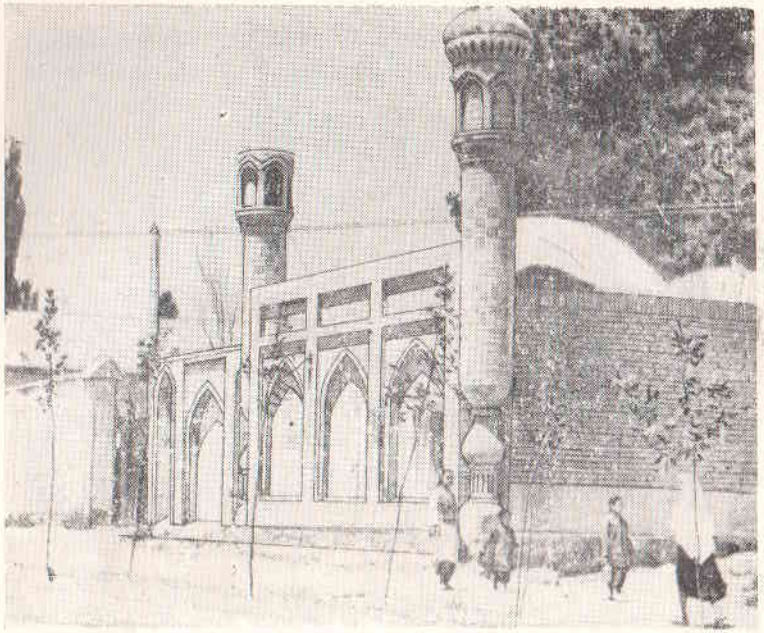
Письмо киргизов с просьбой о принятии в российское подданство

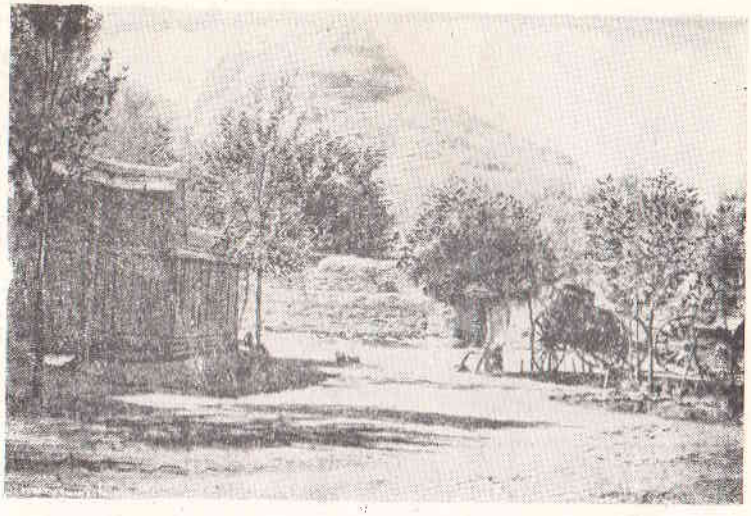
Страница старинной рукописи

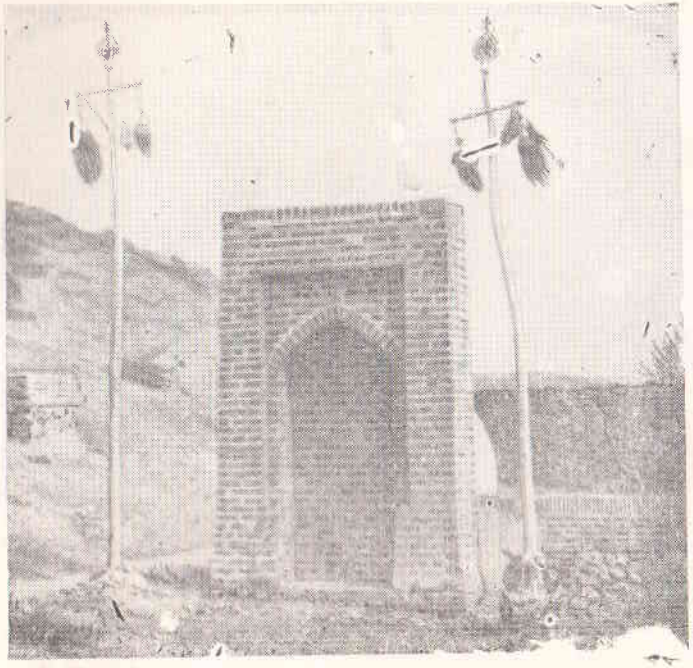
«Трофеи» археографической экспедиции

Ошское медресе времен Кокандского ханства

Вид на Сулейман-гору (фото конца XIX — нач. XX в.)

Гумбез у подножия Сулейман-горы

воспроизведения оригинала с трудом разбираются отдельные слова в тексте, а подписи на оттисках печатей вообще не читаются.

С точки зрения формуляра, традиционного в позднесреднеазиатском делопроизводстве и предписанного шариатом, документ состоит из нескольких «тахдидов» — определений предметов сделки, и собственно протокола купли-продажи. В целом он представляет собой так называемую «васику».

Вот этот документ:

«Описание границ одной постройки [53] вместе с прилежащим к ней дворовым участком с известными границами [54], которая находится в богоспасаемом городе Оше, в квартале [55] покойного Нар-бая — таким образом, что [этот участок] с запада частично примыкает к общественной дороге [56], частично примыкает к земле Барат-ходжи сына Рузи-ходжи, а частично примыкает к земле Хусейн-бая, сына Йакуб-аке [57]; с востока — частично примыкает к земле Абд ал-Джаббар-бая сына Мирсадык-бая, частично примыкает к земле Муллы Мухаммада Амина, сына покойного Мухаммада Али казия [58]; с юга — частично примыкает к земле Закир-бая, сына упомянутого Нар-бая, частично примыкает к земле, оставшейся [после смерти] [59] Нимат-бая, сына Сейфуллы, а с севера — частично примыкает к земле, оставшейся [после смерти] Йакуб-аке, сына Алланазара, частично же примыкает к земле упомянутого Барат-ходжи.

А также определение одного участка пахотной земли [60] с известными границами, который расположен на канале Кендже-кули (?) [61], который является одним из каналов [62] упомянутого города — таким образом, что с запада он полностью примыкает к заповедной части [63] канала общего пользования [64], с востока — полностью примыкает к земле, оставшейся [после смерти] Йакуб-аке, сына Алланазар-бая, с юга — полностью примыкает к заповедной части упомянутого канала общего пользования Кендже-кули, с севера же — частично примыкает к земле, оставшейся [после смерти] упомянутого Йакуб-аке, а частично примыкает к земле наследников (?) [65] Ибрахим-шейха, сына ... [66]

А также определение одного участка пахотной земли с известными границами, который расположен на упомянутом канале Кендже-кули — таким образом, что с запада он полностью примыкает к земле Абдухалика,

сына Мухаммада Мурада, с востока — полностью соединяется с милком[67] Нурмухаммад-шейха, сына Турашейха, с юга — полностью примыкает к заповедной части упомянутого канала Кендже-кули, а с севера — полностью примыкает к земле, оставшейся [после смерти] Йакуб-аке.

А также определение одного участка пахотной земли с известными границами, который расположен в упомянутом канале Кендже-кули — таким образом, что с запада он частично примыкает к дороге общего пользования, частично примыкает к земле Сатылгана, сына Тилека, частично примыкает к земле Суранчи-йала[68], сына Джанкузи, а частично примыкает к земле Игамберди, сына ..., с востока — полностью примыкает к заповедной части канала общего пользования, с юга — частично примыкает к земле Ахундбека, сына Тилек-бая, частично примыкает к земле Сери, сына Конакбая, а частично примыкает к земле Ширгази, сына ..., с севера же — частично примыкает к владению Малля, сына Ходжамкула, частично примыкает к земле Конче, сына Койтикс (?), а частично примыкает к земле Ураза, сына ...

А также определение одного участка земли с известными границами, который расположен на канале Ашкия (?)[69] — на том, что является одним из каналов упомянутого города — таким образом, что с запада он частично примыкает к земле Муллы Абд ар-Расула, сына Ширбаба, а частично примыкает к земле Абдурасула, сына Шахназара, с востока — полностью примыкает к земле, оставшейся от Йакуб-аке, сына упомянутого Алланазара, с юга — полностью примыкает к земле М.ш.т. рай (?)-баба[70], сына муллы Ходжаназара, а с севера — полностью примыкает к общественной дороге. Разграничительные признаки всех пяти упомянутых участков известны.

В священном месяце Мухарраме[71] года 1281 — тысяча двести восемьдесят первого[72] совершено: заявление ясное, правильное, признаваемое по закону сделала [женщина] по имени Хаким-биби, красная (т. е. рыжеволосая), круглолицая, тучная (букв. «мясистая»), по ее собственным словам — семидесяти лет[73], дочь Алланазара, [находясь] в состоянии правомочности и дееспособности своих распоряжений, добровольно и [как предусмотрено] по закону, лично, в том, что: «от всех прав

и претензий, унаследованных мною от отца и матери, которые я имела и предъявляла к мулле Ходжаназару, сыну [упомянутого] Алланазара, — в частности, в отношении участков, упомянутых выше[74], в обмен на шесть мискалей золота червонных, полновесных, высокопробных, кокандского чекана, обращающихся в настоящее время, получив, отказываюсь в пользу упомянутого муллы Ходжаназара отказом полным и отречением окончательным на все времена (?), будучи осведомлена о значении [слова] «отказ», который есть прекращение [всех прав], с предоставлением ему [того], что в этом заявлении...[75] В этом заключается событие, которое записано. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

Оттиски четырех печатей (трех круглых и одной овальной), надписи не читаются.

Подписи свидетелей: «Присутствующие в собрании[76] — Хусейн-бай, Абд ар-Разик и Пирмухаммед».

Как видно после тщательного ознакомления с документом, он представляет собой не простую купчую, а скорее — своеобразную отступную грамоту: пожилая женщина отказывается от наследованных ею от родителей прав на усадьбу и нескольких земельных участков в пользу другого человека (судя по общему их «отчеству», это брат и сестра). Даже без особых расчетов и прикидки на местности ясно, что эти участки достаточно крупные и плодородные (хотя бы потому, что практически все примыкают к каналу, откуда можно их орошать). Нет сомнения, что все юридические лица, поименованные в документе, — весьма зажиточные горожане. Но цена, полученная «красной» Хаким-биби от ее брата за всю эту недвижимость — 6 золотых тилла — особенно значительной суммы не представляет: при тогдашнем соотношении это 22 рубля 80 копеек в переводе на русские деньги. Создается впечатление, что почтенные ошане ловко «надули» свою престарелую и, возможно, обедневшую родственницу.

Документ интересен, между прочим, и обилием имен жителей дореволюционного Оша (как живых в то время, так и покойных), среди которых немало чисто тюркских, в том числе киргизских, а также упоминанием нескольких терминов (названия кварталов и каналов), важных для исторической топонимики. Более того, описание участков настолько подробно, что при знании современ-

ной топографии г. Оша можно попытаться найти их «в натуре» и по их площади определить более точно, насколько справедливой была описанная в документе сделка. Равным образом «васика» дает определенный материал и для исследования хозяйственной терминологии, вопросов землепользования и его правового оформления.

Мы столь подробно остановились на данном документе потому, что он, во-первых, вводится впервые в научный оборот; во-вторых, это документ из недавних, сравнительно последних поступлений в Ошский краеведческий музей; в-третьих, получен от ошских жителей — возможных наследников своих предков середины прошлого столетия; в-четвертых, «васика» является типичным образцом земельных документов кокандского периода, свидетельствующих о наличии частной собственности на землю в Южной Киргизии того времени.

Киргизские и кипчакские феодалы (Алымбек, Алымкул и другие) имели как в самом Оше, так и в окрестностях города «родовые земли»[77]. Наиболее крупным киргизским землевладельцем был алайский родоправитель, ханский сановник Алымбек. Он построил в Оше медресе, отвел ему в наследственный вакф (так называемый вакф-авлод) земельный массив в кишлаке Чин-Абад (Алымбек-чек). Наследники Алымбека специальными документами определяли в вакф медресе городские участки земли и лавки в Оше. Кокандские ханы освобождали от налогов («обеляли») вакф могущественных алайских феодалов. Поскольку далее будет специально рассмотрено ошское медресе Алымбека, то здесь лишь отметим, что это был не единичный случай. Киргизские родоправители с течением времени все более перенимали кокандские феодальные обычаи, превращаясь в типичных представителей господствующей знати государства. В документах изредка встречаются упоминания о принадлежности отдельным вакфным учреждениям не только пахотных земель, торговых лавок, мельниц, но и сенокосов и пастбищ. Так, ошское медресе Алымбека-датхи имело в вакфе сенокосные угодия. В одном из поименных списков-дефтеров религиозных служителей — муфтиев, аламов, ишанов, тура, а также биев, саркаров, батыров и других — по Ошскому вилайету об освобождении от налога (танабана) и о возвращении владельцам собранных с них денег назван и вакф медресе Алымбека, за сенокосы которого учреждению предписывалось возвратить 24 танга взятого налога[78].

В Кокандском ханстве имела место довольно редкая для мусульманского мира практика продажи земель в вакф. И она также нашла распространение среди киргизов.

В 1288 г. х. (1871/72) некие Байбек-Суфи и Нурмат Бек-Алиевы рода Койбка общества Ирке-Кашка продали участок пахотной земли на арыке Каирма в местности Арча-Мазар за 64 тилла мутавалию мечети в махалля Алымбая в г. Оше. Земля была куплена на вакфные деньги и присоединена к владению ошской мечети[79].

В 1280 г. х. (1863/64) Курбан Ходжа Исламбаев продал за 28 тилла свой участок земли в кишлаке Кыпчак-Кургане мутаваллию сельской мечети. Так как деньги были вакфные, то казий признал и землю вакфной. Здесь же в 1282 г. х. (1865/66). Мухаммед Азимбай Сатыбалдиев продал за 17 тилла «участок земли со всеми водами и дорогами» мутаваллию той же мечети[80]. Недавний кочевник подчас еще предпочитал продавать землю в вакф, а не только жертвовать. Однако в целом вакфный институт землевладения в Киргизии не получил широкого распространения, а с вхождением ее в состав России был сначала существенно ограничен и затем почти ликвидирован. В 1882 г. в черте города Ош вакфные земли составляли всего лишь 51 дес. 1340 кв. саж.[81]

Ош издревле славился как торговый центр по обмену продукцией между земледельцами Восточной Ферганы и скотоводами-кочевниками окрестных предгорий и Алая. Здесь было несколько базаров, что можно заключить из упоминаний в источниках об «овечьем базаре». Кроме зерновых и бахчевых культур, скота и продуктов животноводства на базарах выставляли (да и производили здесь же) свои ремесленные товары народные мастера — уста: шорники, кузнецы, столяры и др. Видимо, был и невольничий рынок, о чем можно судить по продаже людей в рабство, продаже пленных.

Ош не только лежал на удобной торговой транзитной дороге, но являлся городом, в котором проходили таможенный досмотр купеческие караваны, взималась торговая пошлина, и купцы вынуждены были распаковывать свои товары. А это вело к тому, что Ош стано-

вился одним из торговых центров, причем активных, на пути из Кашгара в Фергану. О значении Оша во внешней торговле между Кокандским ханством и Кашгарией сообщал в своих показаних сибирский казак Максимов, побывавший в начале XIX в. в Кокандском ханстве [82].

Находясь на бойком торговом месте — дороге из Коканда в Кашгар, проходившей через Андижан и кочевья местных киргизов, Ош, даже уступая по величине другим городам Ферганской долины, вел обширную иногороднюю и транзитную торговлю. Так, по словам Ф. Ефремова, сюда съезжались хивинские, бухарские, ташкентские и другие среднеазиатские купцы, которых влекла возможность дешевой скупки кашгарских товаров и обмена среднеазиатских ремесленных изделий на пригоняемый киргизами скот. Как видно из записок Мир Иззет Уллы (посетившего город через 33 года после Ф. Ефремова), об оживленной торговой жизни Оша свидетельствовал еженедельный базар по вторникам. Весною здесь также происходило «стихийное торжище» (ярмарка?) стекавшихся в город паломников. Последние привозили с собой массу всевозможных товаров для продажи и обмена со среднеазиатскими купцами, горожанами и окрестными киргизами-кочевниками [83].

Сведения предшествующих путешественников по Средней Азии о торговом значении Оша дополняют записки Ф. Назарова. В частности, он выделяет Ош как один из центров внешней торговли ханства. «По дороге на упадающей из горы Кашкар-Диван реке Сыр-Дарье, — писал он, — учреждена портовая (т. е. торговая. — *авт.*) застава Ош, где взимается пошлина с проходящих из Китая и в Китай караванов» [84].

В кажущееся противоречие со всем этим вступает опубликованный рассказ Муртазы Файзуллина об отсутствии торговли в Оше, где якобы по этой причине купеческие караваны даже не распаковывают своих тюков. В опубликованном тексте допущено искажение подлинной записи Ф. Генсом рассказа Муртазы о торговом значении Оша. «В городе *почти* никакой торговли нет и жители *почти* единственно занимаются скотоводством и хлебопашеством (курсив наш. — *авт.*)» [85]. Это важное, хотя и мимолетное, наблюдение («*почти*») о хозяйственных занятиях горожан Оша в редакции Н. А. Аристова передано так: «Торговли тут никакой не

бывает, жители занимаются хлебопашеством и скотоводством» [86]. Хотя такое определение хозяйственной базы кокандского Оша в первой половине XIX в. и противоречит сообщениям упомянутых и других путешественников, но оно в определенной мере утвердилось в литературе. Добавим, что на временное расстройство кашгаро-киргизской торговли, как и во время посещения Оша Муртазой Файзуллиным, могли повлиять последствия нередких антицинских восстаний в Кашгаре местного населения, поддерживаемого киргизами. Тем не менее в рукописных записках того же Г. Ф. Генса об ответах Муртазы Файзуллина по вопроснику Оренбургской пограничной комиссии уточняется, что пошлина (зякет) с иноземных купцов взималась то в Оше, то в самом Коканде. По всей вероятности, пошлина бралась на месте, в Оше, если торговые гости прибывали именно для торга с горожанами и окрестными киргизами. А следующие далее в ханство купеческие караваны сопровождались в столицу присланными оттуда ханскими чиновниками. Пошлина в этом случае взыскивалась уже в самом Коканде.

Русские источники третьей четверти XIX в. также указывают на важную торговую роль Оша в качестве крупного центра внешней и транзитной торговли ханства с Восточным Туркестаном. Из Восточного Туркестана через Ош и Андижан кашгарские караваны везли в Фергану в числе других товаров яркендские ковры, чайную посуду (синий кашгарский фарфор) и чай. Кстати, именно последний составлял одну из важных статей этой торговли.

Если после «очищения» пошлиной в Оше привозные товары не находили сбыта на месте — в городе, окрестных селениях и аилах, то их везли далее — в Наманган или Коканд [87]. По сведениям, собранным Ч. Ч. Валихановым, через Ошскую пограничную таможню в 30-х годах XIX в. ежегодно проходило только с чаем от 50 до 80 тыс. лошадиных вьюков. Из Коканда же в Ош поступали наряду с традиционными среднеазиатскими товарами и привозные русские, которые транспортировались для продажи в восточнотуркестанские города. Частью фабрично-заводские товары из России раскупались ошскими купцами, которые продавали их в городских лавках на базаре, а остатки развозились меновыми торговцами по окрестным киргизским кочевьям. Следователь-

но, Ош играл роль одного из важных торгово-распределительных центров в крае.

Оживленная заграничная и местная торговля Оша, разветвленность его торгово-экономических связей и интенсивность караванного движения вызвали появление многих лиц, обслуживавших караванную торговлю — караван-башей, проводников, возчиков, грузчиков, упаковщиков товаров.

Древний торговый центр Южной Киргизии — город Ош издавна известен и производством ремесленных изделий, будучи крупным пунктом обмена земледельческо-ремесленной продукции на скот и продукты животноводства с окрестным кочевым населением. В конце XVIII — первой половине XIX в. на развитии ремесла и кустарных промыслов в определенной степени неблагоприятно сказывались постоянные феодальные неурядицы в Кокандском ханстве, конкуренция более развитых ремесленных центров Средней Азии, таких, как Фергана, Бухара, Самарканд. Тем не менее Ош являлся для ханства поставщиком материи, одежды, обуви. Документы архива кокандских ханов, обработанные А. Л. Троицкой, содержат распоряжения ханских чиновников Муллы Абдулджалила, Султана Мухаммеда Мурад-бека, Мирзы Мухаммеда Юсуфа о вывозе из Оша одежды и обуви, которые были, правда, самыми простыми и дешевыми [88].

В городе имелись шорники, портные, цирюльники, садовники. Как и в любом другом городе ханства, военные (солдаты, пушкари), чиновники кормились за счет сбора натуральных податей.

Ошские ремесленники удовлетворяли нужды не только городского, но и окрестного сельского населения. Организация ремесла в Оше и у оседлых сельских жителей во время ханского господства приближалась к средневековой цеховщине [89]. Приближалась, но не достигла его развития — этому мешало и неупорядоченное налогообложение горожан.

С Ошом связаны и некоторые горнорудные разработки. По дороге из Оша в укрепление Иркештам в районе реки Кара-Дарьи имелись небольшие разработки меди. Более крупные разработки меди в Кокандском ханстве были на Наукатском месторождении [90]. Возможно, именно потому, что недалеко от Оша добывалась медь, в городе был устроен монетный двор, где лили мелкую

кокандскую монету из меди — пул. Имеются сведения о добыче в окрестностях Оша в «кокандский период» каменной соли. Казак Максимов упоминает о соляном хребте «Туз-тау», находящемся недалеко от Оша [91].

Медресе и его вакф

Став видным кокандским сановником, датхою Алая, хакимом Андижанского вилайета и, наконец, на короткое время главным визирем Кокандского ханства, Алымбек продолжал считать чуть ли не родовым имением алайские кочевья, а город Ош — ставкой кочевников-киргизов. Именно в Оше Алымбек возводит на собственные средства медресе, которое, по словам современников, своей архитектурой и красотой соперничало с ханским медресе в Коканде. До наших дней медресе не сохранилось, оно было разрушено где-то в 50-х годах нашего столетия, но остались фотографии и описания его, сохранились официальные юридические документы (вакф-наме) по оформлению в собственность этому духовному учреждению — в так называемый вакф — земель, торговых лавок и прочего имущества.

Согласно архивным документам, медресе было построено в конце 50-х годов XIX в. по правому берегу р. Ак-Бура на Кара-Суйской дороге, напротив базара. Возведено оно было из жженого кирпича, состояло из дарс-ханы, ханаки, 28 худжр — келий, в которых проживало три мударисса (духовных наставника) и от 80 до 100 учеников-мулл [92].

В архитектурном плане это было сооружение типично мусульманского культового назначения. В основе оно представляло собой прямоугольник, размером 40×50 м при общей высоте 5 м. Фасад украшали два 15-метровых минарета. Внутри двора имелись четыре гумбеза, мечеть, айваны, которые в праздничные дни вмещали тысячи верующих. Поскольку медресе располагалось на противоположной от центра города и базара стороне реки, Алымбек построил через Ак-Буру большой висячий мост. Первым главным мударисом в медресе был приглашен известный своей ученостью Хаджимат-алам [93].

Архивы хранят еще немало неизвестных документов по истории Оша и его учреждений. Где-те в их хранилищах затерялось и вакфное дело, зашифрованное под № 449 от 1901 г. о медресе и вакфе Алымбека-датхи. Но нами в свое время было обнаружено другое, более

позднее, — из Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, озаглавленное «Дело по всеподданнейшему прошению муллы Хасан-бек Алымбекова о восстановлении вакфных прав медресе «Алымбек-чек» в г. Оше Ферганской области»[94], из которого вырисовывается и общая картина накопления и сосредоточения в хозяйстве медресе Алымбека земель и торговых лавок, т. е. образования и расширения вакфа медресе Алымбека.

На страницах этого оригинального документа читаем, что в 1276 г. х. (1859) Алымбек-датха пожертвовал в собственность построенному им самим медресе 5 тыс. кошей (примерно 1660 десятин, т. е. около 1825 га) земли. Это были земли всего селения Чин-Абад. Но исключались из пожертвования личные дворовые участки дехкан, размером в 2 танапа. Они, как говорилось в вакф-наме, составляли «неотъемлимую собственность их обитателей и должны были считаться свободными от всяких повинностей в пользу вакфного установления — медресе». Можно предположить, что некогда это был свободный массив земли, который по распоряжению Алымбека оросили и сделали пригодным к земледелию. За труды каждый дехканин получал в полную необлагаемую собственность по 2 танапа земли — под приусадебный участок, а налог со всей остальной земли должен был поступать в пользу медресе Алымбека. Так была заложена основа земельной собственности медресе, которая с каждым годом расширялась. И сам Алымбек и впоследствии его наследники еще прикупали различные земельные участки как в самом Оше, так и в его окрестностях, оформляя их («жертвовали») в вакф.

Примечательно, что будучи не только крупным землевладельцем, но и собственником стад скота, Алымбек-датха беспокоился и о заготовке сена (что в целом не было характерно для кочевых киргизов). Ошское медресе Алымбека имело в вакфе и сенокосные угодья. В одном из архивных документов Кокандского ханства — поименном списке представителей духовенства по Ошскому вилайету — назван и вакф медресе Алымбека, имеющий свои сенокосы. Сохранился документ бывшего ошского хакима Султан Мурад-бека об освобождении от налогов с сенокосных угодий и виноградника сына Алымбека — Абдуллабека и даже его воинов[95].

Как следует из вакфного документа, мутавалием — распорядителем вакфа — Алымбек указывает себя, а затем это право должно будет переходить к его наследникам. Спрашивается, зачем это было нужно Алымбеку — орошать земли, покупать их, а затем жертвовать в вакф духовному учреждению? Вызвано ли это фанатизмом верующего, отдающего большую часть своей недвижимости — земли — духовному училищу, или благотворительностью — пожертвованием земли для организации обучения в медресе и обеспечения учащихся? Вовсе нет! Если это и имело место, то лишь для повышения «авторитета» этого феодала. Суть заключалась в другом. Согласно шариату, имущество, завещанное в вакф какому-либо учреждению, не может быть отчуждаемым: его нельзя продавать, нельзя и конфисковать. Но зато оно может быть (и это было чуть ли не повсеместно) освобождено от налогов в пользу государства, правда, для этого иногда еще требовалась так называемая «обельная» грамота. То есть вакф обладал еще налоговым иммунитетом. При условии же, что распорядителем вакфа устанавливался сам жертвователь, он не только ничего не терял, но и многое выигрывал.

Во-первых, жертвователь остается распорядителем дохода с вакфных земель (хотя в самом документе и оговаривается, какой процент идет лично мутавалию, какой — на ремонт заведения, какой — на содержание учащихся и учителей).

Во-вторых, он получает гарантию частной собственности и может не беспокоиться, что она будет конфискована. (А на этом Алымбек не однажды уже обжигался, неоднократно подвергаясь опале с конфискацией имущества).

В-третьих, обеспечивается правопреемственность наследия должности мутавалия, что гарантировалось самой религией — исламом.

И, в-четвертых, при всем при этом создавалась видимость богоугодного дела — «жертвовалась» своя собственность духовному учреждению — мусульманскому медресе или мечети.

Пожертвование Алымбека в вакф оказалось оправданным. Превратности придворной жизни, соперничество и межфеодальные усобицы привели к тому, что вскоре звезда Алымбека-датхи закатилась. Новый хан Худояр конфисковал все имущество Алымбека, кроме ... вакфа. Вакф медресе Алымбека в Оше остался неприкосновенным и распоряжение им перешло в руки потом-

ков киргизского феодала. Первым после Алымбека мутавалием вакфа медресе стал его старший сын Джаркинбай Мирза-датха, затем по очереди другие сыновья — Абдуллабек, Батырбек, Хасанбек и т. д. Последними мутавалиями были С. Таныбеков, Мулла Байба, Мулла Исам-и и, наконец, Абдулмаджит Абдулхакимов, который сдал все дела нашему информатору Д. Зайнабитдинову в вакфный отдел в 20-х годах уже при Советской власти. Правда, не все они были из родового клана Алымбека — Курбанджан, но все в той или иной степени причастны к нему. В вакф, как неприкосновенную копилку, «жертвовали» свою собственность и наследники Алымбека и Курбанджан.

В 1292 г. х. (1875) Абдуллабек оформил в вакф своего отца два смежных участка земли по Ошскому саю в кварталах Шахидан-тепе и Сарай-куча, общей площадью около 14 танапов. На одном участке располагались торговые лавки. Право мутавалия Абдуллабек оставлял за собой[96]. То есть фактически поддерживал традицию наследственного вакфа (вакф-авлод) своего отца. Как видно из последующих документов, на этих землях только лавок имелось 161, и зякет со всех них шел не в ханскую казну, а непосредственно на нужды ошского медресе Алымбека и его сына мутавалия Абдуллабека.

Для примера приведем сам вакфный документ (вакф-наме) и ханскую грамоту (иноят-наме) об освобождении вакфа от налогов. Первый дается в переводе туркестанских чиновников начала XX в., второй — в переводе, сделанном по нашей просьбе востоковедом из Алма-Аты В. П. Юдиным.

«Вакф-наме киргизского феодала Абдуллабека о пожертвовании им двух участков земли в вакф медресе своего отца Алымбека-датхи в г. Оше 1292 г. х. (1875).

Медресе из жженого кирпича в г. Оше. Медресе состоит из дарс-ханы, ханаки и 28 келий. Границы: с запада — кладбище и сай, с юга — вакфные лавки медресе, с востока — дорога, с севера — кладбище.

Два участка земли по Ошскому саю, один около другого, длина участков 443 аршина.

1-й участок имеет границы: с запада — мельничный арык Мирза-Рахим арбакеша, с юга — дорога, с востока — Ошский сай, с севера — земля, находящаяся во владении Мулла Хусейн Али Мулла Пиримкулова, жертвователя, и Мулла Мухаммед Азиз Махзума Дамулла Тангрикумова.

2-й участок имеет границы: с запада — мельничный арык, с юга — земля Мир-Сеид Шейха, Абджуази Абдрахманбая Мулла Халь Мухаммедова и Абджуази Ишан Ходжи, с севера — дорога. На этом участке имеются лавки.

В месяц зиль каада 1292 г. х. Абдуллабек-датха сын Алымбека парваначи Хасанбек-биева заявил, что упомянутые участки земли он жертвует в вакф в пользу медресе. Мутавалием вакфа — сам жертвователь, а после него — потомство.

Доходы вакфа должны идти на ремонт медресе, а остаток должен делиться на 10 частей: 1 — мутавалию, 3 — мударису, 1 — имаму, 1 — муэдзину, сторожу и цирюльнику и 4 — в пользу учащихся»[97].

Вакф-наме скреплен 20 печатями ошских казиев, улемов и прочих юридических и духовных лиц, ханской печати документ на имел. Видимо, поэтому потребовалась еще «обельная» ханская грамота, которая тогда же и была выдана Абдуллабеку Худояр-ханом.

«В настоящее время да знают и ведают все хакимы, и амины, и казии, и благородные улемы, и шейхи ислама и [все лица], причастные к султанским делам и принявшие на себя ответственность в хаканских занятиях, и прочие саркары, и амины, и аксакалы, и все кедхудаи высокой державы, что в дни ежедневно возраставшего и вечно [нам] сопутствующего могущества нашего августейшего величества чубазират-пансат Абдуллабек-датха купил на берегу сая вилайета Ош многочисленные лавки с пригодной для застройки землей, превратил в вакф медресе, построенного его отцом, покойным Алымбеком-парваначи [и] изготовил вакфную грамоту, украшенную печатями казиев и улемов, [которая] удостоилась рассмотрения светлым взором нашего величества. Из [нашего к этому лицу] благорасположения и благоволения [мы] повелели, чтобы все хакимы, и амины, и саркары, и прочие имеющие отношение лица считали вакфы, границы которых определены в вакфной грамоте, абсолютным вакфом упомянутого медресе, не требовали и не стремились получить с него дирхемов и фулсов, не посягали на что-либо подобное из относящегося к упомянутым вакфам и, считая по этой причине решен-

ным, не преступали [нашего] величайшего, обязательного для исполнения фирмана.

В месяце раджабе почитаемого года 1292 г. х. (1875)»[98].

Этот документ был скреплен малой печатью Худоярхана второго периода его правления — датой 1279 г. х. (1863) и представлял собой полноправную «обельную» грамоту, освобождающую вакф от всех налогов в пользу казны, доход с него теперь полностью поступал лишь медресе Алымбека, а распоряжался им мутавалий Абдуллабек.

Освобождение от налогов должен был подтверждать своими документами каждый новый хан, что обычно и делалось — но лишь в отношении своих сторонников. Явные враги могли и не получить такого подтверждения.

Абдуллабек, будучи приверженцем Исхака, объявившего себя Пулат-ханом и занявшего в последние месяцы существования ханства престол, такие «обельные» грамоты имел и от него.

В 1292 г. х. (1875) Абдуллабек объявил специальным иноят-наме, что арык Ходжалят, находящийся во владении Абдуллабека-датхи, освобождается от хераджа, который должен поступать в пользу его вакфа, определенного мечетям Имам-Ата и Хыдьер-датхи. Сборщиком налогов предписывалось «ни под каким видом не касаться хераджа означенного арыка»[99].

Надо сказать, что вакфный иммунитет сохранялся и в первые годы после присоединения Ферганы к России, даже в отношении явных противников последней, что не распространялось на частную собственность тех же лиц. Так, после бегства Абдуллабека в Афганистан и нежелания возвратиться, его собственные земли в местности Беш-Булак были причислены к казенно-оброчным статьям на основании распоряжения военного губернатора Ферганской области Скобелева в 1876 г.[100]. Однако земли, в свое время определенные Абдуллабеком в вакф различным учреждениям (как медресе своего отца, так и другим мазарам), не подлежали конфискации и остались неприкосновенными. Их мутавалиями были, как сказано выше, поочередно сыновья Алымбека.

Согласно ведомостям о медресе и мечетях Ошского уезда, в 1877 г. медресе Алымбека-датхи имело 71 торговую лавку и 34 танапа городской земли, с которой

поступало доходу 319 рублей, да кроме того, шел доход с вакфных земель кишлака Чин-Абад в размере 437 рублей[101]. Надо отметить, что даже после упразднения основного числа вакфов и отобрания основного фонда земель медресе и мечетей и перевода их в разряд казенных, вакф медресе Алымбека продолжал оставаться довольно состоятельным. По сведениям начальника Ошского уезда, в 1886 г. мутавалию медресе Хасанбеку только в городе принадлежало 80 торговых лавок, а по данным на 1906—1907 гг., за медресе числилось 120 торговых лавок[102]. Несмотря на то, что после поземельно-податного обследования большая часть земель отошла от вакфа в фонд казенных земель, ошское медресе Алымбека продолжало оставаться самым богатым. В 1891—1892 гг. на содержание мутавалия приходилось в год 160 руб., учащиеся старших классов получали по 20 руб., средних — по 10 и младших — по 5 руб[103]. В целом доход от торговых лавок в 1901 г. составил 1350 руб[104]. С земель же, которые в ходе поземельно-податного обследования были изъяты из вакфа и временно предоставлены в аренду населению на правах казенно-оброчных статей, в том же 1901 г. был исчислен налог (но поступивший уже не вакфному медресе, а в казну) с 1307 десятин в сумме почти 3140 руб[105].

Живучесть вакфного установления сказалась даже после революции. Еще в первые годы Советской власти медресе Алымбека продолжало сохранять за собой только в г. Ош два участка пахотной земли и несколько торговых лавок[106], пока вакф не был окончательно ликвидирован. Принимал последние вакфные дела от медресе Алымбека представитель администрации советских органов уже упоминавшийся Д. Занабитдинов, передавший нам записи своих воспоминаний о медресе Алымбека и вакфе в г. Оше летом 1962 г.

Памятники и рукописи

Особенно трудно характеризовать культуру населения Оша в кокандский период. И не только из-за скудости источников. Кокандское ханство находилось на такой стадии развития, что говорить о культурном прогрессе нет никаких оснований: культура предшествующего — тимуридского периода была гораздо выше. Да и источников по истории культуры кокандского периода почти не сохранилось. Можно утвердительно говорить лишь о тех архитектурных и рукописных памятниках,

которые сохранились до наших дней, либо упоминания о которых встречаются в более поздних источниках. Мы даже затрудняемся как-то охарактеризовать материальную культуру горожан, потому что это полностью неисследованная сфера и изучение её является делом предстоящего будущего.

Поэтому остановимся лишь на памятниках культовой архитектуры XVIII—XIX вв. и рукописных книгах этого времени, к выявлению и сбору которых мы были причастны в последние годы в ходе историко-археографической экспедиции.

К культовым памятникам можно отнести мавзолеи — гумбезы, мазары, мечети и медресе, представляющие интерес в архитектурном плане.

Намогильные сооружения киргизов — гумбезы строились, как правило, в традиционном исламском стиле из сырцового, реже — жженого кирпича. Возводились они в честь мифических или реально живших мусульманских «святых» и над могилами крупных местных феодалов. К ним относились гумбезы у подножья Сулейман-горы (где, кстати, позже было родовое кладбище Курбанджан, да и гумбез самой «алайской царицы»), непосредственно в городе Оше, а также мазар конца XVII—начала XVIII в. Ходжа Биала, мазары Ишан Балхи в Уч-Кургане и Арсланбоб в одноименном кишлаке Ошского вилайета. В Оше, писал корреспондент мусульманской газеты «Вакт» («Время») в 1913 г., несколько мавзолеев и много мечетей, особенно много их под Сулейман-горой и вокруг кладбища. Здесь происходили моления. Причем у одной стороны мечети мог быть выставлен на длинной жерди хвост яка, а на другой — флаг [107].

Скромные во внешнем архитектурном решении гумбезы и мазары Оша во многом уступали известным аналогичным памятникам Средней Азии более ранних времен, в частности, самаркандским эпохи Тимуридов, узгенским караханидского периода или даже синхронным бухарским. Недолговечна была и их жизнь, множество их не сохранилось до нашего времени, равно как и медресе и здания большинства мечетей.

Всего, как можно заключить по архивным материалам, в последние годы Кокандского ханства непосредственно в Оше и его ближайших окрестностях было 6 медресе и 147 мечетей.

Медресе Алымбека высоко оценивалось современниками, как единственно достойное архитектурное сооружение Оша середины XIX в. Его сравнивали с ханскими медресе в Коканде и аналогичными в Бухаре. Были здесь и другие, более скромные медресе — Алымкула, Халмурза-бая.

Медресе и вакф Алымбека подробно охарактеризованы выше. В целом это комплексное сооружение представляло не только исторический, но и архитектурный интерес как памятник былой архитектуры города Оша, юга Киргизии, да и Ферганы в целом. Медресе занимало территорию площадью более четверти гектара и представляло собой значительный архитектурный комплекс. Это было типичное сооружение позднего этапа культового зодчества Средней Азии, образец ферганской архитектурно-строительной школы.

Внешне медресе являло собой замкнутую симметричную композицию, обширный двор окружали кирпичные стены, как бы отделявшие внутреннюю жизнь медресе от внешнего мира; они были более пяти метров высотою, по углам стояло четыре минарета высотою более 15,0 м, которые придавали сооружению своеобразный вид. Входы в этот комплекс были подчеркнуты высокими монументальными порталами с глубокими стрельчатыми нишами.

Характерный живописный вид общему силуэту медресе придавали пять куполов, минареты на углах и два портала. Этот комплекс был весьма внушительным среди окружающей его малоэтажной убогой жилой застройки. Двор медресе имел в плане форму прямоугольника, окруженного по периметру стрельчатыми арками. Во дворе был хауз с проточной водой, выведенный по арыку из реки Ак-Буры. На плоскую кровлю и на второй этаж можно было подняться по винтовым лестницам минаретов. Каким было убранство помещений, сейчас трудно судить, но надо полагать, что и декору помещений было уделено определенное внимание.

Медресе, как уже говорилось, было возведено из жженого кирпича на ганчевом растворе. За период своего существования оно подвергалось неоднократным ремонтам, пристройкам и перестройкам, что даже специально оговаривалось вакфными документами.

Наиболее известным сохранившимся до наших дней средневековым памятником Оша является мавзолей

Асаф ибн Бурхия. Современный внешний вид, согласно оценке специалистов, этот мавзолей приобрел в результате реконструкций в XVIII—XIX вв. Но основа его была возведена из обожженного кирпича, характерного для караханидского времени. Неподалеку от мавзолея Асаф ибн Бурхия находился до недавнего времени существовавший (в руинах до 1976 г.) караханидский мавзолей Кчик-Макка. Здание представляло собой купольное сооружение с двумя входами, служившими проходами к мавзолею-мазару Асаф ибн Бурхия.

Что нам известно сегодня об этом мавзолее? Какова его ценность?

Если обратиться к паспортам памятников истории и культуры Киргизстана, заведенным на подобного рода объекты в Министерстве культуры Киргизской ССР, можно узнать, что мавзолей Асаф ибн Бурхия «имеет научно-историческое и художественное значение как единственный представитель этого вида сооружений Ферганской долины, сохранившийся в г. Оше». Информации о мавзолее, его фото и планы можно встретить в работах Л. А. Зимина, Б. П. Денике, А. Н. Бернштама и В. Е. Нусова [108], хотя о времени возведения этого сооружения единого мнения у исследователей пока нет. Не установлено и имя автора и строителя мавзолея, неизвестно даже подлинное имя захороненного в мавзолее, мемориальная надпись в нише утрачена. По сообщению Л. А. Зимина, на несохранившейся до наших дней одной из двух створок резной двери было имя резчика — усто Ахмед. Вот, пожалуй, и все данные. Датировка памятника предложена сугубо по сравнительным аналогиям, технике и строительному материалу, по архитектуре сооружения. Считается, что в основе мавзолея было сооружение караханидского времени XI—XII вв. Затем на этом месте возводилось новое культовое сооружение XVI в., позже подвергшееся перестройке и приобретшее современный вид в XVIII—XIX вв. Последние изменения были связаны с пристройкой к мавзолею в начале XX в. мечети Джами. Согласно преданию, здесь был захоронен местный «святой» — Асаф ибн Бурхия.

Мавзолей расположен на восточном склоне Сулейман-горы и главным фасадом обращен на юго-восток. Сооружение в плане прямоугольное с размерами сторон 7,3 и 9,65 м. Внутреннее помещение имеет восьмиугольное очертание. Стрельчатый купол диаметром 4,4 м покоится на восьмигранном невысоком барабане. В архитектурном решении это — высокий портал с глубокой нишей, перекрытой стрельчатой аркой. Верхняя часть портала завершается четырьмя прямоугольными проемами с прозрачными решетками. Вместо карниза портал завершает массивное орнаментальное в виде парапета ограждение. Кроме основного дверного проема в нише портала есть поздний дверной проем в юго-западном фасаде. Над дверью была надпись на небольшом плафоне. Фундамент памятника сложен из крупных рваных камней на лессовом растворе. Стены и купол выложены из жженого кирпича. На портале и вокруг двери юго-западного фасада имеется резной ганчевый декор. На флангах, возможно, в углах, были изящные стройные колонны.

Мавзолей как архитектурный памятник подлежит государственной охране. В 1980—1983 гг. группой архитекторов реставрационных мастерских Министерства культуры республики разработан проект реставрации и реконструкции мавзолея.

С северо-восточной стороны у подножья Сулейман-горы сохранилась одна из больших мечетей, называемая Рават Абдуллы-хана. Здесь в настоящее время размещена экспозиция по дореволюционной истории области краеведческого музея. Первоначальный вид это культовое сооружение давно потеряло в результате неоднократных ремонтов и перестроек, проведенных в XIX в. и в первой половине XX в.

До ремонта мечеть Рават Абдуллы-хана имела величавый вид монументального культового сооружения. Главный фасад мечети, обращенный на восток, представлял собою симметричную трехарочную композицию, которая завершалась на оси высоким стрельчатым куполом. Три глубокие монументальные арки образовывали три стрельчатые ниши глубиною от 3 до 4 м. Арки ниш опирались на мощные пилоны толщиною от 125 до 162 см. Ниши арок давали глубокую тень, которая подчеркивала выразительную рельефность фасада сооружения. Архитектурный декор на фасадах не сохранился, но можно полагать, что он был.

Мечеть в плане имеет форму прямоугольника с размером сторон 15,6 и 27,4 м. Толщина колеблется в пределах от 92 см до 2,5 м. Сруктурно ее план состоит из трех частей. Центральная подчеркнута высоким купо-

лом, боковые имеют, хотя и второстепенное, немаловажное значение.

Открытое центральное помещение с высоким куполом, находящееся на оси главного фасада, перекрыто стрельчатым куполом на парусах. Диаметр купола около 4 м. Высота центрального помещения от пола до зенита купола около 12 м. Центральная часть была летним помещением, а боковые — зимними, которые освещались через узкие стрельчатые окна.

Мечеть возведена из прочного плиточного кирпича на лессовом растворе с примесью ганча. Полы, возможно, были выстланы кирпичом. Внутренние стены и купола оштукатурены ганчевым раствором. Не исключено, что существовали росписи на стенах с растительным и геометрическим орнаментом. Точная дата строительства мечети пока не определена. Но, судя по стилю, характеру архитектурных форм и декора, а также конструкций и строительных материалов, по строительным приемам зодчих, эта мечеть сооружена в духе ферганской архитектурно-строительной школы XVI—XVII вв.

Архитектурный обмер мечети Рават Абдуллы-хана был произведен в 1963 г. архитектором В. Е. Нусовым. Им же разработано проектное предложение реконструкции и реставрации этого архитектурного комплекса.

Мавзолей Асаф ибн Бурхия и мечеть Рават Абдуллы-хана в Оше представляют определенный историко-культурный интерес как памятники ферганской архитектурной школы позднего средневековья. В Южной Киргизии таких сооружений всего два и оба они находятся в Оше. Эти памятники войдут в «Свод памятников истории и культуры Киргизстана», который готовится к печати.

Аналогичными, но более скромными в архитектурном решении были и другие мавзолеи, мечети и медресе Оша. Строительным материалом служили жженый и сырцовый кирпич, гуваляк, пахса, использовалось для внутреннего крепления и архитектурного обрамления также дерево. Мечети и медресе, как правило, имели айваны, примыкавшие к зимним помещениям, стены и потолок их украшали разноцветные росписи с растительным и геометрическим орнаментом, резьба по ганчу и дереву. В медресе имелись кельи для учащихся. Дети обучались в мектебах (школах) при мечетях, с превеликим трудом осваивая лишь азы арабского письма и чтение корана. Ученики овладевали канонами ислама и едва ли в этот период занимались науками. Да и учащихся было очень мало, киргизов — единицы, и то преимущественно из среды зажиточных горожан и ошского купечества. Мы не знаем имени ни одного ошского ученого или писателя времени Кокандского ханства, кто оставил бы хоть какой-то заметный след в культуре, не в пример раннему средневековью.

Киргизский народ, как известно, не имел до революции своей письменности, исторических хроник и литературных письменных произведений. Однако общение с узбеками и таджиками (а оно в Оше было наиболее тесное) способствовало распространению, правда, весьма незначительному, среди киргизов и в кокандский период арабского письма. В Оше распространялись и ходили среди населения единичные экземпляры рукописных книг как на арабском, так и на таджикском языке, а также на тюрки, или иначе — чагатайском языке. Находки старинных книжных рукописей в Оше (часть их хранится в Ошском краеведческом музее, часть приобретена для фондов Института истории Академии наук Киргизской ССР), служат бесспорным доказательством, пусть слабых, но все же культурных связей киргизов с другими среднеазиатскими народами. Археографические находки, в том числе и в Оше, говорят о том, что среди обращавшихся в Киргизии рукописных книг были не только сочинения духовного содержания (хотя таковых, вполне естественно, больше), но и светского характера — учебники, поэтические сборники, в том числе и санаты (четверостишья нравоучительного характера), наставления по правоведению.

В рукописном виде ходило среди населения и такое легендарное сочинение, как уже упоминавшийся выше «Трактат о городе Оше». Это копия анонимного сочинения, переписанного во времена кокандских ханов и уходящего своими истоками, видимо, в средневековье. В нем собрание мусульманских преданий, прославляющих достоинства и достопримечательности Оша [109]. (Фотокопия его переснята нами еще в 60-х годах в Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР, а в середине 70-х годов его с персидского любезно перевели востоковеды из Алма-Аты В. Н. Настич и В. К. Шуховцев). Не имея конкретно-исторического значения, рукопись тем не менее представляет интерес своим мифологическим осмыслением некоторых сюжетов. В частности,

именно здесь упоминается, что г. Ош — «лучший из городов». В ней говорится: «В восточной стороне есть город, который называется Ош. Он — лучший из городов, и он достойнее остальных городов, а его жители [достойнее] остальных народов». И далее снова: «Это город, который находится на востоке земли и называется Ош, а еще называют его Хайр ал-булдан» (*букв.*: «Лучший из городов». Название Хайр ал-булдан редко встречается в других источниках).

Рукопись XIX в., переписанная тушью почерком насталик на типично восточной бумаге, переплетена в картон, покрытый кожей, представляет собой характерный образец кокандских религиозных книг. Имеет историко-культурное значение как письменный памятник прошлого. Правда, следует отметить, что, по заключению названных выше переводчиков, язык сочинения (персидский, таджикский) отличается малограмотностью, текст изобилует грамматическими неточностями и диалектизмами. Это как раз и говорит, что автор не блистал особой «ученостью», и что сочинение было написано где-то на периферии от культурных центров, не исключено, что именно в Оше.

Примечательным памятником культурного прошлого киргизского народа являются рукописи санат киргизского автора прошлого столетия Молдо Нияза (примерно 1820—1896 гг.) [110]. Первая его рукопись была случайно обнаружена в Ошской области в 1951 г. профессором Б. М. Юнусалиевым и сейчас хранится в Академии наук Киргизской ССР [111]. Автор был известным в свое время певцом-наставником, возможно, из алайских или шахимарданских киргизов. Как следует из санат, Молдо Нияз объездил всю Фергану, Тянь-Шань, Чуйскую и Таласскую долины. Будучи свидетелем и непосредственным участником многих исторических событий в Кокандском ханстве, он оставил о них свои записи в форме поучений. В санатах Молдо Нияза мы встречаем упоминания о кокандском Худояр-хане, Алымкуле — всесильном регенте при малолетнем Сарымсаке, Якуб-беке — кашгарском бадаулете — основателе уйгурского государства Йетшышаар и др. В них находим мотивы сочувственного отношения к простым труженикам, обличения деспотизма Худояр-хана, при котором «весь угнетенный народ попал в беду: сын остался сиротой, жена стала вдовой, джигиты Алымкула бежали», у киргизов «кровавый день настал». Бичуя ханских прислужников, султанов-тысячников, Молдо Нияз говорит, что лучше умереть простым алайцем, чем уподобиться кровопийцам.

В отдельных санатах Молдо Нияза звучит прямая, хотя и несколько наивная, критика местных киргизских феодалов и духовенства (казиев), которые наживаются за счет простого люда (букары), жестоко угнетая свой народ. Автор призывает борцов против кокандских приспешников — неких киргизов из рода найман Суванкула и Таира к защите народных интересов, к активной борьбе: «Все найманы в угнетение попали. Ханские тысячники насилуют народ. Где вы — Таир и Суванкул? Надо спасать народ!»

Как историк, да и как поэт, Молдо Нияз не сумел подняться до научного анализа фактов и их художественного обобщения. Все события он преподносит так, как воспринимает: наивно, субъективно, упрощенно, иногда неверно в силу ограниченности мировоззрения, иногда из-за слишком пристрастного отношения к участникам и событиям, поскольку сам был лично с ними связан. Все это и понятно. Трудно ожидать большего от воспитанника ортодоксального медресе (а только такое и мог окончить в свое время Молдо Нияз). Однако надо учитывать, что для того периода это пока еще единственное высказывание представителя киргизского народа о современных ему исторических и политических событиях. К тому же, следует учитывать, что санаты написаны «на киргизском языке, с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта» [112], как констатирует признанный советский тюрколог, специалист киргизского языкознания академик Б. М. Юнусалиев.

В Ошской области и непосредственно в г. Оше нами выявлено, а затем приобретено для Института истории Академии наук Киргизской ССР несколько рукописных книг, в том числе и кокандского периода. Правда, в большинстве своем это — различные комментарии к шариату, коран, хадисы (высказывания пророков), но среди них есть и рисоля — книжечки-молитвы и, наставления ремесленникам, мясникам, земледельцам и даже учебники.

Среди находок — интересные наборные, литографические и рукописные книги со стихами Бедиля и Ха-

физа, Омара Хайяма, Джами и Алишера Навои, есть и совсем безвестные рукописи.

На территории Киргизии нами были приобретены и такие сочинения, как тюркское переложение «Мухтасар ал-Викайа» (копийный список 1807 г.), энциклопедический словарь «Гийас ал-лугат» (1826/27 г.), копия сочинения средневекового автора из Средней Азии по мусульманскому правоведению «Ал-Хидайа», объемная тюркская рукопись Суфи Аллаяра «Маслак ал-мутаккин» («Путь праведных») и другие [113].

Одним из ценных наших приобретений 1984 г. можно считать почти целый экземпляр рукописи, любезно переданной в дар институту старейшим жителем Оша С. Исаковым. В одном книжном переплете в ней различные сочинения, объединенные общей тематикой. По мнению востоковеда В. Н. Настича, в рукописи содержатся четыре текста на арабском языке по схоластической логике и комментарии к ним. На полях первого текста приписки из других сочинений разными почерками и чернилами. Заставка — колофон имеет дату — 1242 г. х., т. е. копийный список сделан в 1826/27 г. В колофоне второго сочинения приводятся имя переписчика и дата завершения его работы над рукописью: «12 месяца зулкада года 1242 совершено: рукой бедного, ничтожного Мир Сейида Ибрахима, сына Мирза Махмуда Мазари в Хазрат-Шах, одной из деревень Балха, в мазаре, изобилующем знамениями четвертого халифа [т. е. Али], Закончил. Конец» В переводе с хиджры указанная дата соответствует 7 июня 1827 г.

Аналогичны и два следующих сочинения — комментарии.

Особой научной ценности по содержанию сборник не представляет, тем более, что все приведенные в нем трактаты, комментарии и, возможно, суперкомментарии безымянны. Определенный интерес представляет сама рукописная книга как таковая — копийное произведение кокандского периода, имевшая хождение в Оше, наличие в ней имени переписчика, дата, а также особенности каллиграфии и переплета. Рассматриваемая книга — образец рукописного книжного дела в Средней Азии первой половины XIX в. и, что не менее важно, свидетельство бытования в Оше традиционной мусульманской грамотности на арабском языке.

Небезынтересны в некотором смысле и обнаруженные нами в одном из гумбезов Ошской области в этом же 1984 г. несколько свитков с записанными на них от руки мусульманскими молитвами. Это своеобразные обереги — тумары, написанные на бумаге среднеазиатского производства XIX в. темно-серыми или коричневыми чернилами, плохо заточенным каламом (пером) и некаллиграфическими почерками.

Один из свитков содержал молитву на таджикском языке приблизительно следующего содержания: «От болезней. — Кто при себе с чистыми помыслами имеет [данную молитву], то все равно, что он совершил бы тысячу хаджей (поломничеств в Мекку. — *авт.*) или прочел тысячу раз коран, или освободил тысячу рабов, или насытил тысячу голодных и т. п. Хазрат Осман говорил, что бог сотворил для человека три тысячи болезней. Кто эту «великую» молитву с искренним чувством при себе держит, того она от трех тысяч болезней, посылаемых Аллахом (!), предохранит, и шайтан к этому человеку дорогу не найдет...» и т. д. Как, оказывается, все просто!

Помимо того, что эти и подобные им молитвы-обереги, строго говоря, являются таким же продуктом народного творчества, как и образцы любого литературного жанра, и уже поэтому заслуживают внимания специалистов-языковедов, диалектологов и фольклористов, они представляют собой и красноречивое свидетельство религиозного мракобесия, одурманивания простых людей, которым в случае серьезной болезни или другого несчастья вместо лечения или активного вмешательства в ход событий, в «красочной» и соблазнительной форме предлагается (причем без альтернативы!) «с чистыми помыслами» и искренним чувством надеяться только на Аллаха, который-де поможет мусульманину. Тут же совершенно прозрачно намекается, что если кому-то это не поможет, то исключительно по причине отсутствия «чистых помыслов» и безусловной веры во всю эту мистическую чепуху. Написавший же эту молитву и получивший за нее определенную плату мулла, конечно же, ни за что не отвечал.

На примерно такой идейно-просветительной основе протекала «культурная» жизнь горожан Оша и окрестного населения в мрачный период кокандского владычества — времена темноты и забитости, насилия и безудержной эксплуатации.

Характеризуя весь археографический комплекс в целом — все собранные рукописные книги и свитки, можно отметить, что, несмотря на всю их скромность, они представляют достаточно ценные и интересные для исторической науки источники, позволяющие сделать определенные выводы о степени развития, а точнее, — о бедности просвещения и отсутствии научных представлений (о науке, конечно, и речи нет). И все же даже свитки с полуграмотными молитвами на тюркском и таджикском языках, на первый взгляд, лишенные какого-либо познавательного значения, могут внести определенный вклад в изучение социальной и индивидуальной исторической психологии населения того времени, в значительной мере уходящей в глубь столетий и корнями своими отражающей весьма древние представления и верования.

Не говоря уже о произведениях светского содержания, несущих интересную историческую информацию и представляющих художественную ценность, рукописные книги по богословию и мусульманскому правоведению, не будучи прямыми первоисточниками исторического круга, тоже зачастую содержат скрытый фактографический материал, позволяющий делать определенные идеологические выводы. Все они при критическом подходе к ним как источникам могут служить немаловажным подспорьем для востоковедов-историков, для философов и историков мусульманского права. В любом случае они отражают интересы, ценности или дух своей эпохи.

При всем этом надо учитывать, что рукописные книги, особенно выполненные с высоким художественным мастерством, были очень редки и ценились высоко. Поэтому и доступны они были только состоятельным людям, да и появлялись нередко лишь по заказу правителей, крупных феодалов-меценатов и состоятельных горожан.

Как видим, и архитектура культовых памятников (гумбезы, мазары, медресе, мечети) и памятники духовной культуры, в частности книги, имеют классовый характер как по форме, так и по содержанию, хотя непосредственным их творцом, мастером (и нередко высокого уровня) были исполнители из народа. Классовая структура антагонистического общества накладывала свой отпечаток не только на политику, хозяйство и быт, но и на материальную и духовную культуру. Как указывают основоположники марксизма, «класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу» [114].

Налоговый гнет

Трудовое население города в полной мере испытывало все налоговые тяготы, которыми облагалось население Кокандского ханства. Налог взимался и с зерновых культур у горожан — херадж, и с бахчевых — танап, и со скотоводства — зякет, с торговли — также зякет, взимался налог и с ремесленного производства, за юридические сделки, за наследование имущества, за сбор хвороста и т. д. Не зря русский ориенталист А. Л. Кун, собравший налоговые ханские записи-дефтеры после падения Кокандского ханства, писал о податном гнете: «Оставался, кажется, один воздух, за право дышать которым не бралось ничего» [115]. Налог взимался как натурой, так и деньгами. Широко использовалась трудовая повинность в форме ашара (не следует путать с ашаром — взаимопомощью и коллективным трудом объединившихся соседей). Тяжелой была, естественно, воинская повинность — так называемый «налог кровью».

Уже первые правители Коканда, которым удалось захватить Ош, пытались взимать с его жителей и окрестных киргизских кочевников налоги в свою пользу. Усиление гнета кокандских феодалов возрастало по мере утверждения их власти на юге Киргизии. О размерах податных поступлений хану из Оша и его округи в 40—70-х годах XIX в. можно судить по данным русских путешественников прошлого столетия. Так, только натуральная подать хану в 1840 г. из Оша составляла 12 тыс. чариков (мера веса в 4 пуда) зерна — 10 тыс. чариков джугары и по 1 тыс. чариков пшеницы и ячменя [116]. В переводе на русские ассигнации это приносило доход в 38400 руб. Наблюдалась устойчивая тенденция к их увеличению, ибо все новые и большие налоги устанавливались каждым вновь взошедшим на престол в ханстве правителем.

К налогу деньгами с кочевников, вероятно, перешли ранее, чем с оседлого населения. Во всяком случае, к 70-м годам XIX в. он получил гораздо большее распространение. Это видно хотя бы из документов архива кокандских ханов, в которых налоги, например, по Марге-

ланскому бекству, включая Ош, Араван и другие киргизские районы, с оседлого населения названы в натуральном выражении (в чариках пшеницы, риса, хлопка, льна, опийного мака), а со скотоводческого — в денежном (в танга и тилла) [117].

Денежный зякет представлял собой немалую статью ханского дохода. Достаточно сказать, что в последние годы ханства зякет со скота кочевников (илатие) Оша и Аравана, племен найман, тейит, ургу, бига, уйгур, чучук ежегодно составлял один лак шестьдесят две тысячи девятьсот сорок танга [118]. При этом в записях (дефтерах) указывался то район, то род и племя, то предводитель кочевников.

Отсутствие четкого учета показателей налоговых возможностей населения привело к развитию в широких масштабах откупной системы в Коканде и других городах ханства. А. Л. Троицкая, проанализировав хозяйственный архив кокандских ханов, приходит к заключению, что для последних трех десятилетий Кокандского ханства были характерны откупная система податей и правительственных обложений [119]. Практика откупов по нисходящей ступени шла от хана к бекам, а от беков — ниже. Иногда ханы, в обход беков, сами сдавали откупщикам сбор налогов с определенных районов бекства или кварталов городов.

После занятия Ферганы в 1876 г. начальник города Коканда доносил военному губернатору области: «Весь финансовый строй в Фергане при ханах велся по откупной системе, что одно уже дает серьезный повод сомневаться в справедливости заключающихся в дефтерах сведений; всем известно, что сборщики податей всегда обманывали ханов» [120].

Все это вело к тому, что при взимании налогов по откупной системе «не соблюдалось ни время, ни срок и нередко даже и количество самой подати» [121]. Для того, чтобы внести в казну требуемую с населения сумму, откупщики-налогосборщики занимали деньги под проценты у ближайших купцов, взыскивая затем налог с трудящихся, отнюдь не безвыгодно для себя. Таким образом и купцы постепенно втягивались в орбиту налоговой эксплуатации трудового населения. Сохранились расписки откупщиков трафаретного содержания: «Подписка о том, что вместо отданных ими кокандскому начальству за общество денег... — ныне они с согласия общества [собирают] следующий харадж с жителей» [122].

Для получения в аренду или на откуп сбора харадж обычно подавали прошение хану или беку и получали соответствующую грамоту, а население данного района оповещалось особым указом или извещением, где перечислялось количество зерновых, сданных в аренду или на откуп. «По-видимому, — с полным основанием замечает А. Л. Троицкая, — аренда или откуп в ряде случаев перепродавались несколько раз. Первым откупщиком или арендатором хараджа был саркар или доверенное лицо хана или бека, которое в свою очередь сдавало харадж в аренду амлакдару, находившемуся под его контролем» [123].

Откупная система тесно переплеталась с ростовщичеством. В архивных материалах имеются документы, говорящие о ростовщических операциях в среднеазиатских ханствах, несмотря на формальный запрет мусульманством всяких сделок, приносящих проценты. Однако на практике ростовщичеством занимались даже духовные учреждения мусульманства — вакфные заведения.

Налоговый гнет и повинности тяжелым бременем ложились в первую очередь на плечи трудящегося населения, непосредственных производителей — городских ремесленников и дехкан. Феодалы, как кокандские, так и местные киргизские, сами принимали участие в их эксплуатации и к тому же пользовались всевозможными налоговыми льготами. На освобожденные от налогов (обельные) частные земельные владения феодалов выдавались специальные ханские грамоты, а их владельцы вносились в специальные списки — дефтери-тархани. Полностью или частично обельными выступало большинство вакфов. Один из крупнейших вакфов Кокандского ханства — ошское медресе киргизского феодала Алымбека — был освобожден от всех видов налогов. Не только вакфные лавки и земли, пожертвованные Абдуллабеком, но и личные его земли были освобождены от налогов ханами и их правомочными наместниками. В частности, в архиве кокандских ханов сохранилось распоряжение (патта) от 1287 г. х. (1870/71), адресованное некоему Мулле Барат-Махраму от Султан Мурад-бека об освобождении восьми бахчей (участков под дынями) от танапного налога. Мало того, одновременно подобным же распоряжением освобождались от танапного налога

и собственные бахчи зависимых от Абдуллабека воинских чинов (батыров) Через три года Султан Мурад-бек новым документом подкрепляет свое прежнее распоряжением об освобождении в Ошском вилайете собственных земель (сенокосов и виноградников) как самого Абдуллабека, так и его воинов [124].

Освобождая представителей феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту, которой распоряжался как правитель государства и верховный собственник земли. Нередко ханом уступалась рента не целиком, а частично, либо в качестве компенсации за услуги, военную службу или в результате «неполной» продажи земли. В таком случае часть ренты продолжала поступать государству в виде налога, а часть присваивалась феодалами.

Все ошские служители культа, законоведы и должностные лица освобождались от налога — танабана. В одном из документов архива кокандских ханов упоминаются следующие лица в Оше, с которых был взят налог, но поскольку он был собран незаконно, то подлежал возвращению владельцам: муфтии, аламы, ишаны, тура, бии, датха, саркары. От налогов освобождались также ошские дервиши, ходжи, имевшие специальные грамоты — ярлыки [125]. Зато все бремя налогового гнета и некодифицированных поборов целиком ложилось на плечи трудящихся горожан.

По анонимному источнику середины XIX в. «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», налоговый сбор в ханских городах основывался на количестве домов, лавок и некоторых статей производства. Общее количество налога определялось «круглым числом», а среди горожан раскладку и сбор производили свои аксакалы. С г. Ош собирали 1 тыс. чариков пшеницы, 1 тыс. чариков ячменя и 10 тыс. чариков джугары. В переводе на европейские меры исчисления это составляло: 64 т пшеницы, 64 т ячменя и 640 т джугары. При переводе натуральных сборов в денежные показатели выходило (при соотношении в то время: 1 тилла = 12 руб. 80 коп. русскими ассигнациями) 38400 руб. ассигнациями. Поскольку налоги отдавались на откуп, то сбор получался частью натурой, частью деньгами [126].

В середине 70-х годов XIX в. Ош поставлял в ханскую казну (вместе с Маргеланом) 19 тыс. руб. при всей сумме зякета ханства в 197,5 тыс. руб. Торговый

зякет с вывозимых в Кашгар товаров составлял от 10 до 20 танга (в зависимости от товара) в пользу хана [127]. С каждой арбы зерновых взималось от 10 до 13 танга. Крупная торговля осуществлялась через посредников — маклеров, а торговыми сборами занимались крупные военачальники ханства, даже панджабаши (пятисотники). Картину маклерских сборов в г. Ош дополняют документы из архива кокандских ханов, хранящиеся в Ташкенте. Так, арендная плата маклера овечьего базара в г. Ош муллы Мир-Абдусаида в казну составляла в год 10 тыс. танга, а вся арендная плата маклера по всем сборам г. Ош Бахти Мухамед-курбаши достигала в год 113 тыс. танга.

Налоговый гнет особенно усилился в годы правления алчного Худояр-хана. Так, в 70-х годах в пользу ханской казны выплачивалось от населения Ошского бекства, т. е. Оша с приписанными к нему селениями, свыше 20 тыс. батманов [128] натуральной подати зерном. В одной из своих статей А. Л. Кун писал о взимании с жителей Оша и восьми приписанных к нему селений 24 тыс. батманов зерна, а в другой — уже о 27 тыс. батманов с г. Оша и десяти причисленных к нему селений (один батман равнялся 4 русским пудам; средняя стоимость 1 батмана на базаре 2 руб). Пахотная подать с хлопка и огородных культур составляла в денежном исчислении 6000 тилла (монета достоинством в 3 руб. 60 коп. в прежнем исчислении). Кроме того, с городов Ош и Маргелан взыскивался зякет с товаров в сумме 8000 тилла, с городских базаров и весов — 1800 тилла, со скота окрестного населения — 3500 тилла, особым налогом облагались изделия ремесленников. В последние годы существования Кокандского ханства с г. Ош и округи (т. е. города и приписанных к нему тогда уже 20 селений) взималось: натуральной подати зерном (галя) 27 тыс. батманов, денежной подати с хлопка и огородов — 6 тыс. тилла [129]. Всего в денежном выражении это составляло примерно 75 тыс. руб. ассигнациями.

Город Ош является крупным источником налоговых доходов кокандских ханов. Недаром его наместниками нередко выступали наследники ханского престола.

Для податных сословий горожан натуральные и денежные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей. Кокандские ханы, беки, как и киргизские манапы, бии, не прочь были использовать даровую рабочую

силу для создания ирригационной сети на своих землях, при постройке зданий и т. п. В архивной записке со сведениями о Кокандском ханстве (1874 г.) можно прочитать следующие строки о насильственном применении трудовой повинности: «Для проведения дорог, постройки ханских домов, для работы на его (хана. —*авт.*) пашнях и в его садах, а также для проведения арыков и каналов, рабочие сгоняются со всех концов ханства, причем они должны трудиться безвозмездно, а в случае неявки их на работу люди эти наказываются палками, причем случается, что их забивают до смерти... Иногда бывает и то, что несчастных ослушников ханской воли живыми зарывают в землю» [130].

Все более усиливавшийся гнет вызывал различные формы социального протеста, волнения трудящихся города и села. Одним из крупнейших народных выступлений явилось восстание 1873—1876 гг., приведшее к крушению Кокандского ханства.

Грозные годы восстания

Особо важные события происходили в Оше в первой половине 70-х годов XIX в. Они связаны с наиболее крупным народным движением — Кокандским восстанием и ликвидацией самого ханства. В краткой официальной записке «По поводу волнений в Кокандском ханстве» востоковед Н. Ф. Петровский констатировал, что причина восстания сводилась к «жестокому, крайне деспотическому управлению ханством бывшего его правителя Худояр-хана» [131].

Тяжелейший ханско-феодальный гнет, все увеличивавшиеся налоги и поборы Худояр-хана и его чиновников в одинаковой мере делали повсеместно невыносимым положение трудового люда — горожан, оседлых землевладельцев, скотоводов-кочевников и полукочевников, вызывая с их стороны активное сопротивление.

Сочувствие большинства жителей Оша и других городов восставшим против ханской деспотии киргизам и кипчакам предопределило то, что Ош, как и другие города и селения в Восточном Приферганье, был взят повстанцами в 1873 и 1875 гг. без боя, причем многие горожане присоединились к отрядам восставших.

Предводителями киргизов в народном движении против ханского гнета в 70-х годах были в основном выходцы из простого народа. Но источники, особенно нарративные, как правило, писали о руководителях восстания — феодалах. Надо сказать, что представители киргизской феодальной знати, принимавшие участие в восстании, в критические моменты предавали повстанцев и, попадая в плен к ханским войскам, нередко избавлялись от наказания и даже награждались подарками: заигрывая с феодальной знатью, кокандские ханы пытались привлечь на свою сторону киргизских родоправителей или, по крайней мере, нейтрализовать стоявшую за ними силу.

Одним из очагов непрерывных восстаний против ханского гнета были Восточная Фергана, заселенная киргизами, города Ош, Узген, селения Кара-Су, Джалал-Абад, Хан-Абад и др. В начале 70-х годов XIX в. в окрестностях мазара Хазрет Аюба вспыхнуло крупное восстание под руководством некоего Мамыра Мергенова из киргизского племени мундуз. Повстанцы-киргизы, кочевавшие к востоку от Оша, расправились с ханскими налогосборщиками, изъяли собранные у населения налоги и напали на Джалал-Абад и Хан-Абад. Обеспокоенный размахом восстания Худояр-хан сам направился на его подавление (по другим сведениям, против восставших был направлен брат Худояр-хана маргеланский бек Султан Мурад).

В июне 1873 г. повстанцы без сопротивления заняли Узген, где ими была захвачена ханская казна. Сражение с кокандскими войсками, во главе которых стоял Султан Мурад, повстанцы выиграли, после чего без боя заняли Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Курган и другие города и селения. Трудящиеся массами переходили на сторону повстанцев, в то время как беки и старшины бежали под защиту ханских войск.

О массовости народного движения свидетельствуют письма самих восставших киргизов к ходжентскому начальнику, в которых они объяснили причины восстания и просили помощи со стороны России повстанческому движению. Вот фрагмент одного из писем, написанных осенью 1873 г. «Мы, не вынеся несправедливости, ограбили зякетчи. Худояр-хан послал к нам войска свои, от которых мы и убежали в горы, оставив наши кочевки. Но ханский военачальник успел захватить у нас 240 человек в плен. Привез этих людей в г. Ассаке и по приказанию хана всех велел посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана. Вы прислали к нам человека, и мы все очень этому были рады и сде-

лались с вами тамырами. Теперь уже обращаемся к Вам как к тамыру. Вы большой начальник и можете посоветовать и приказать, и все, что Вы скажете, мы исполним. Если прикажете драться — будем драться, ибо от всяких притеснений и обид мы потеряли всякое терпение» [132].

В апреле 1874 г. около 2 тыс. повстанцев, переживших зиму в Кара-Кульджинском ущелье, сошли в долину и, заняв город Узген, стали угрожать Ошу.

Приведем еще одно извлечение из письма восставших киргизов к Джура-беку, имевшему дружественные отношения с генерал-губернатором Кауфманом (апрель 1874 г.): «Как Вам известно, все кара-киргизы, подведомственные Коканду, считаются подданными Худояр-хана. Притеснения, гонения, страшные казни, как-то: сажание на кол, которому подвергаемся мы со стороны хана, и наказания палками принудили нас отпасть от хана и принять враждебное положение в отношении его. Рода означенных кара-киргизов: мундуз, кутчи, утуз-оглы, туялас, найман, кызыл-аяк, нуйгут, киргиз-кипчаки, адыгене, ахтачи, бури и барчи, за исключением афтобачи; численность киргизов и кипчаков доходит до 200 тысяч кибиток. Не желая из приличия беспокоить Вас, мы до сего времени писали и посылали людей своих к Абдукаюм Саркеру (в Ходжент). Нечаянно встретили одного из Ваших людей Абдукаюм Караулбеги, который передал нам милостивые слова Ваши и порадовал нас. Пользуясь этим случаем, сообщаем, что положение кара-киргизов Вам хорошо известно. Если будет возможность и не составит для Вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии его превосходительства, мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие» [133].

Окрестные жители присоединились к повстанцам. Они напали на Араван и осадили цитадель г. Ош. Ханский наместник из Оша бежал за помощью. Вскоре подошли ханские войска под командованием сына казненного Худояром Мусульманкула Абдурахмана афтобачи, и восстание было подавлено. Повстанцы бежали в горы, но не прекратили сопротивления. Наиболее ожесточенная борьба проходила там, где восстание возглавляли народные вожаки. Одним из них был признанный предводитель повстанцев Мамыр Мергенов. Тенденциозные

кокандские хроники отмечали, что он был из киргизского племени мундуз, кочевавшего в окрестностях Оша — в Уч-Кургане и Избаскенте. Стараясь опорочить предводителя повстанцев, ханские авторы писали, что он собрал вокруг себя «несколько воров», которые «захватили сборщиков зякета, избили их и конфисковали деньги». Все это свидетельствует о социальной направленности восстания, настоящем организованном движении, во главе которого стоял выходец из трудовых слоев.

Не имея пока достаточно сил для победы над Худояр-ханом и не получив поддержки от туркестанских властей, восставшие киргизы пишут письма с просьбой о разрешении переселиться им в пределы России, в Кетмень-Тюбе и Центральный Тянь-Шань, заселенные их «родственниками», которые были уже подданными России. В этом повстанцы видели пока единственный путь избавления от ненавистного ханского ига.

Приведем письмо восставших киргизов племени мундуз к исполнявшему обязанности генерал-губернатора Туркестанского края Г. А. Колпаковскому, отправленное в мае 1874 г.

«Как мы, так и наши доверители, в прошлом году откочевали из Кокандского ханства в Токмакский военный округ, дабы спастись от преследований кокандского ига, который (хан. — *авт.*) немилосердно казнил наших киргизов и грабил наше имущество. Мы поселились недалеко от г. Токмака в местности, называемой Кетмень-Тюбе, Тогуз-Торо, но тут нас начали притеснять и гнать жившие там киргизы родов керимбек и чура буатай. Мы же, не желая возвращаться в Кокандское ханство, где нас неминуемо ждет смерть, просим... о принятии нас и наших доверителей под свое высокое подданство, об отводе нам и нашим доверителям места для кочевий.

В нашем роде мундуз-илят находится две тысячи кибиток, которые поголовно принимают подданство России. Мы бы давно явились к Вашему высокопревосходительству, но нас караулили и не пускали в Ташкент, так что мы только теперь можем тайком приехать сюда и лично просить... у Вашего высокопревосходительства о всем вышеизложенном» [134].

Не дожидаясь официального ответа, повстанческий отряд во главе со своим предводителем Момуном всем родом перекочевал в пределы российских границ. Но царские власти с неудовольствием смотрели на такого

рода «своевольные» вселения восставших киргизов. Предводитель повстанцев Момун был интернирован царскими властями и сослан. В просьбе было отказано, и повстанцы вновь возвратились в ханство, поселившись в местах своих прежних кочевок — в окрестностях Оша, Кара-Су, Уч-Кургана.

С аналогичной просьбой обращался к российским властям непосредственно и Мамыр Мергенов. Но все просьбы тогда были отклонены. Царские власти еще надеялись спасти ханский режим и не спешили откликаться на просьбы повстанцев о принятии их в подданство.

Вынужденные возвращаться на прежние места повстанцы становились жертвами жестокой расправы со стороны ханских ставленников. Взятых в плен повстанцев по 5—7 человек рассылали по кишлакам, где их сажали на кол в устрашение другим. Захваченных на пашнях женщин и детей жестоко истязали, после чего убивали [135].

Непосильный налоговый гнет, принудительные трудовые работы, а также жестокие расправы хана и его военачальников не только над терпевшими временные поражения повстанцами, взятыми в бою пленными, но и над жителями мирных киргизских аилов побуждали киргизов, кочевавших вокруг Оша и других городов и селений в Восточном Приферганье, вновь и вновь направлять депутации к русским властям с просьбами о защите и принятии их в российское подданство. Так, после взятия царскими войсками Уч-Кургана в Андижан к русскому командованию съехались «все знатные люди Маргелана», а его бек возглавил представителей городского населения и депутации из Оша, Узгена и Коканда. Они единогласно «заявили об арестовании своих беков, не желающих покориться русской власти и об изгнании из городов войск» хана.

С новой силой восстание вспыхнуло в ряде киргизских и узбекских районов осенью 1875 г. После бегства Худояр-хана в Ходжент на престол сел его сын Насреддин-хан, сразу признавший себя вассалом туркестанского генерал-губернатора. Но некоторые отряды, предводительствуемые реакционными феодалами и духовенством, не желали подчиняться России. Тогда царские власти направили, наконец, свои войска в пределы ханства. Разгромив эти отряды под Махрамом, войска уже без боя заняли столицу ханства — Коканд. Боясь народного гнева, бежал в Ходжент и Насреддин-хан. Вскоре царские войска заняли город Маргелан. Отсюда сформированная полковником Скобелевым летучая колонна двинулась к Ошу и вступила в него 10 сентября 1875 г.

Жители Оша во главе с городскими аксакалами не только не оказали русским войскам сопротивления (при наличии в городе пушек и вооруженных ханских солдат), но и встретили иноверцев «с достарханом» — традиционным восточным хлебом-солью. Получив по первому требованию начальника колонны все имевшееся в городе вооружение и 114 свежих лошадей для смены загнанных, а также мясо и лепешки для солдат, фураж для лошадей, отряд уже на второй день выступил обратно к Маргелану. Жители лежащих на его пути селений дружелюбно встречали русских.

Ненавистная ханская власть была сброшена. Ханы бежали — теперь нужно было решать будущее края. И тогда в декабре 1875 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман внес правительству предложение о присоединении территории бывшего ханства к России. Военный министр Д. А. Милютин наложил 15 января 1876 г. резолюцию: «Секретно. Государь император ввиду разъясненной генерал-адъютантом фон Кауфманом необходимости решительных мер для обеспечения порядка и спокойствия в пограничной части Сыр-Дарьинской области высочайше разрешил занять и остальную часть Кокандского ханства, когда генерал-адъютант фон Кауфман признает это необходимым» [136].

Действия туркестанского генерал-губернатора не заставили себя ждать. В Фергане уже находились войска под командованием М. Д. Скобелева. Повстанцы, изгнав ханов, возвращались к мирной жизни. Ханство под натиском всенародного восстания прекратило свое существование.

18 февраля 1876 г. по всем населенным пунктам бывшего Кокандского ханства представители русских властей объявили о ликвидации ханства, территория которого, включая южнокиргизские районы, вошла в состав Туркестанского края.

Последние монархические очаги восстания феодалов, стремившихся сохранить ханскую власть в Коканде и объявивших под влиянием фанатиков мулл «газават» — войну против неверных (русских), были подавлены вооруженными отрядами царской армии. Мирное население

отошло от борьбы, призывало и повстанцев прекратить сопротивление. 24 февраля генерал Г. А. Колпаковский в телеграмме сообщал: «30 джигитов с жителями Маргелана, Оша и кара-киргизами, высланными по распоряжению генерала Скобелева на поимку Пулат-хана, захватили его после перестрелки в ночь с 18 на 19 февраля в Алайских горах» [137]. Вскоре, 1 марта, он был публично казнен как «самозванец».

Весною и летом 1876 г. царским войскам, в том числе и расквартированным в Оше, все же пришлось подавлять последние очаги сопротивления проханской феодально-клерикальной верхушки на Алае. До конца не желал подчиниться со своим отрядом и старший сын Курбанджан-датхи Абдуллабек. 16 марта 1876 г. генерал Колпаковский телеграфировал из Ходжента в Ташкент туркестанскому генерал-губернатору Кауфману: «Кара-киргизские роды под водительством Абдуллабека, ныне сосредоточенные в Гульче, не изъявляют еще покорности. Должно ожидать, что после перекочевки на Алай, которую они предпринимают через две недели, кара-киргизов трудно будет подчинить нашей власти. Посылаю в Ош генерала Скобелева...» [138].

Район Гульчи, по донесению М. Д. Скобелева, представлял собой основное место зимовки киргизов рода барга, которые на лето уходили далее вверх по р. Гульча на Чон-Алай. Гульча была как бы перекрестком всех дорог горной части Ошского уезда. Отсюда дороги шли одна на Ош, другая — на Узген, третья — на Суфи-Курган, разветвляясь потом в двух направлениях — на Терек-Даван и Чон-Алай. «Таким образом, — писал на основании донесения М. Д. Скобелева туркестанский генерал-губернатор Кауфман военному министру, — помимо своего важного экономического значения, Гульча есть пункт, фактическое обладание коим, запирая выходы из гор, ставит кочующих в горах кара-киргизов в прямую от нас зависимость» [139].

Представители киргизских родов стали приходить к М. Д. Скобелеву «с аманом» — предложениями мира. Тот принимал их тепло, хорошо встретил и Курбанджан-датху, в горы к киргизским отрядам были направлены посланцы с письмами, в частности, с письмом Курбанджан к Абдуллабеку. И в дальнейшем продвижении по Алаю, как писал М. Д. Скобелев, «жители окрестных аилов встречали всюду наши войска с редким радушием» [140].

Отдельные феодалы, так и не пожелавшие подчиниться российским властям, в том числе и Абдуллабек, бежали сначала на Памир, где некоторые и остались во владениях каратегинского шаха, а другие ушли в Афганистан, и среди них Абдуллабек.

Надо сказать, что экспедиция Скобелева на Алай кроме военных задач выполняла и ряд политических и научных. Вот как подвел итоги месячному походу в 1876 г. сам М. Д. Скобелев:

алайские киргизы, прежде «не признавшие ничьей власти», стали российскими подданными;

определилась российско-кашгарская граница (кстати сказать, по линии теперешней советско-китайской границы);

«открыты совершенно неведомые европейцам страны», нанесены на карту около 25 тыс. квадратных верст, определено 11 астрономических пунктов;

проведена барометрическая нивелировка отдельных участков, определено магнитное склонение на пяти пунктах;

«произведены естественно-исторические исследования и собраны коллекции из царства животного и растительного».

Одновременно с решением политических задач и научными исследованиями решались задачи экономические — ослабление налогового гнета, расширение торговли, велось строительство колесной дороги Ош — Гульча.

Город Ош, ставший уездным центром Ферганской области, вступал в новый этап своего исторического развития.

4 ОШ — УЕЗДНЫЙ ЦЕНТР

Общее описание

После ликвидации Кокандского ханства на его территории была образована Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства. Размеры новых административных единиц — уездов — на первых порах определялись границами бывших вилайетов с их бекствами и саркерствами. В Ошском уезде вначале оставались Булак-Башинское бекство и Ошское саркерство, позже взамен них были созданы волости. Город Ош стал уездным центром Ферганской области, начальником которой назначается сподвижник Скобелева майор Ионов. Здесь, как и в областном и краевом центрах, царские власти решили основать новый, «русский город», южнее существовавшего старого Оша, вверх по р. Ак-Бура. Первыми его строителями и жителями были простые русские солдаты. С 10 марта 1876 г., когда в Оше расположился 4-й Туркестанский линейный батальон, всю весну и лето весь его личный состав строил казармы, склады и новые дома. Комендантом города стал подполковник П. Г. Родзянко [1].

В отличие от древнего Узгена и известного «святыми» достопримечательностями Джалал-Абада к 1917 г. Ош пережил значительные перемены: расширился территориально, значительно возросла численность его населения, изменился состав жителей. Но, как и прежде, более обжитыми оставались кварталы у торговых и культовых мест и менее — городские окраины, кое-где (особенно у дорог, ведущих в город) переходившие в сплошные сады, поля и выгонные пастбища для скота.

Краткие, но любопытные описания Оша, его старого

и нового города, оставили русские и иностранные путешественники. Так, Гийом Капю — участник французско-киргизской экспедиции на Памир 80-х годов XIX в. писал: «С высоты террасы дома уездного начальника... перед нами открывается вид на город Ош, похожий на беспорядочное скопление желтых глинобитных домиков, скученных среди высоких тополей, подобно булыжнику на большой стройке. На его краю возвышается необычной формы одиночная гора с белеющим на ней пятном мечети Тахт-и Сулейман, или трон Соломона» [2].

Небезынтересно впечатление англичанина Дунмора о новой части города и его главной улице, посетившего Ош 29 декабря 1892 г.: «Мы въехали на длинную улицу, засаженную с двух сторон тополями, с довольно хорошим покрытием. Проехали мимо большого числа одноэтажных домов, похожих на индусские хижины, но выстроенных на значительном отдалении друг от друга. На этой улице в основном располагались дома офицеров, казармы русских солдат, тюрьма, а также другие общественные заведения — почта, телеграф, различные гражданские и военные учреждения. Здесь также было несколько лавок, расположившихся в стороне, под тополями» [3].

А вот еще одно описание, оставленное русским путешественником И. П. Ювачевым, посетившим Ош 16 марта 1907 г. по предложению редакции журнала «Исторический вестник»: «В Ош прибыл среди ночи и остановился в единственной гостинице на главной улице города. Номера сравнительно чистые.

Рано утром я уже гулял по городу. За собором растилается большая площадь. Кругом казенные здания. Далее — военные. Вдоль горной реки Ак-Буры тянется большой сад, такой же немой и безжизненный в это время года, как и андижанские сады.

На быстрой Ак-Буре стоит деревянный мост с искусственными насыпями на берегах. Плотина и дамбы показывают, какая борьба здесь идет с рекою в большие разливы. Редкий год, чтобы «селевая» (от таяния снегов на горах) вода не снесла Акбуринского моста. Теперь надумали строить мост кесонный.

Меня направили на ту сторону каменистой реки, в обширный парк уездного начальника. Его поместительный дом расположен на горе среди красивой рощи деревьев. Место это, очень живописное и здоровое, при-

надлежало когда-то кокандским ханам. Отсюда открывается прелестный вид на всю долину верховьев реки Сыр-Дарьи» [4].

Мы привели пространные выдержки о внешнем облике города Ош, который запечатлели в своих публикациях иностранные и русские путешественники, потому что они позволяют нам составить самое яркое впечатление о городе. Действительно, надо сказать, особо резкого контраста между центральной частью Ош и его окраинами, столь характерного для крупных промышленных городов европейской России, в нем все же при общей низкой плотности застройки не наблюдалось. Но намечался и все более проявлялся другой контраст, единодушно отмечавшийся современниками: между старым — «туземным» — городом и его новой, создаваемой царской администрацией — «русской» — частью. Характеризуя старую часть города, мусульманская газета, выходившая в Оренбурге, писала: «Как и во многих городах Туркестана, в городе Ош дома построены в беспорядке, улицы узкие, неровные и многоповоротные» [5]. Новая часть города застраивалась уже по плану.

Сама организация городской территории создает одну из особенностей, свойственных каждому отдельному городу. Для городских земель Ош характерно абсолютное преобладание обширной усадебной территории над сравнительно небольшим пространством, занятым базарными площадями, улицами, казенными и административными зданиями. А сельскохозяйственные угодья придавали Ошу, как и многим другим древним среднеазиатским городам, еще более полусельский облик.

Первые обобщенные статистические данные о землевладении г. Ош относятся к началу сентября 1882 г., когда межевщиком Ошской организационной комиссии старшим землемером Ивановым подписан и первый план города. Всего в городском наделе состояло 2873 дес. 680 кв. саж., включая территорию только начавшей застраиваться верхней, или новой («русской»), части города, в том числе удобной земли 2222 дес. 720 кв. саж., неудобной — 422 дес. 720 кв. саж., казенной — 52 дес. 1500 кв. саж. и лишь немного меньше вакфной — 51 дес. 1340 кв. саж., (в том числе неудобной 10 дес. 730 кв. саж.) [6]. Последнее свидетельствует об остатках еще довольно значительного землевладения мусульманской церкви в пределах городских границ.

Более подробные сведения о городской надельной земле и различных ее категориях приводятся уже на картушах двух последующих планов города — 1888 и 1912 гг. В основе плана 1888 г., составленного межевщиком Ферганского областного правления Рычковым, лежал план 1882 г., проверенный при повторной съемке и уточненный ошским землемером Поповым. Цифровые данные на картушах этих планов почти полностью совпадают, причем из плана 1888 г. видно, что под рекой и арыками в пределах города было 41 дес. 100 кв. саж. [7] При съемке «внутренней ситуации» городского надела Ош в 1888 г. в нем оказалось: под городскими кварталами, постройками и садами — 1015 дес. 605 кв. саж., под улицами, переулками и общественными площадями города — 140 дес. 350 кв. саж., под кладбищами — 16 дес. 1085 кв. саж., под мечетями и садами («рощами») при них — 11 дес. 1085 кв. саж., под пашней — 380 дес. 2230 кв. саж., под степью — 1200 кв. саж.; под «крутостями р. Ак-Бура и каменистой горой Сулейман» — 76 дес. 1950 кв. саж. Всего к городу причислялось 1742 дес. 1420 кв. саж. столь неоднородной территории.

Эта площадь городского надела (всей удобной и неудобной земли) значилась и в 1912 г. Хотя границы собственно города не изменились за прошедшие три десятилетия, но общее количество городской надельной земли за 1886—1912 гг. уменьшилось на 1000 с лишним десятин пахотной земли, которая отошла к Ошской волости, в которую и были записаны все земледельцы-горожане. Площадь Ош к 1910 г. составляла 17 кв. верст [8].

Мало расширясь к 1917 г. территориально за счет окрестностей, Ош не поднимался и в высоту, исключая умножавшиеся с каждым десятилетием минареты у мечетей. Пространственный рост города, точнее, его жилой части, связан с возведением новой одноэтажной застройки в верхней части города. Представление о росте селитебной застройки дают следующие данные: в конце 70-х годов XIX в. в Оше насчитывалось около 1000 дворов, а в начале 80-х — 2834, по данным 1900 г. — 4468, к 1904 г. — 6166. Преобладающая масса ошских горожан жила в домах из сырцового кирпича с каркасными надстройками. Домов из жженого кирпича было всего 3 и столько же домов каркасного типа, деревянные жилые постройки вообще отсутствовали. Кроме 25 домов, крытых железом, все остальные были под камышовыми и

плоскими глиняными крышами. Тип жилья оставался таким же и позднее, но его количество продолжало увеличиваться, правда, медленнее в последующем десятилетии. К 1910 г. в Оше имелось 6316 домов, к 1914 г. — 6449. Таким образом, жилая застройка за три с половиной десятилетия выросла почти в 6,5 раза [9].

В связи с возрастанием числа жителей отчасти уплотнялась его заселенная часть и несколько усложнялась организация городских земель. В начале XX в. помимо четырех неблагоустроенных площадей (общим размером 15 дес. 1800 кв. саж.) в Оше насчитывалось 117 улиц и 75 переулков общим протяжением 126 верст, а к 1910 г. — уже 137 верст [10]. Однако протяженность мощеных улиц была ничтожно мала — всего 4 версты, а тротуаров (из щебня и гальки, отчасти из жженого кирпича) и того менее — всего 1 верста. Понятно, что все сравнительно благоустроенные улицы, обсаженные деревьями вдоль арыков (таких было всего 3 версты), и «правильно устроенные» тротуары появились лишь в «новом» городе, о котором проявляло некоторую заботу уездное начальство. В 1917 г. общая территория города, отличавшаяся, как уже отмечалось, своей обширностью из-за общей значительности усадебных мест (также более просторных в новой части города) с садами, составляла 1742 дес. 1420 кв. саж. (помимо 25 дес. 1200 кв. саж. собственно казенной земли).

Место для строительства «нового» города, занимавшего территорию в 95 дес., царские власти избрали несколько к югу от «старого» Оша, вверх по течению р. Ак-Бура. По своей планировке его новогородская часть, где улицы прокладывались как бы в шахматном порядке и пересекались под прямым углом, выгодно отличалась от «туземного» Оша и других древних среднеазиатских городов и селений с множеством узких кривых улиц и тупиков, со скученной жилой застройкой. Вокруг православной церкви был разбит сквер, а прямо против него — через улицу — парк, простиравшийся почти до самой реки, берега которой были соединены мостом. Через него дорога шла прямо к большому каменному дому уездного начальника. В 1898 г. дом этот стоял на возвышенности в полуверсте от основной застройки в новой части Оша [11].

В этой части города размещались почтовая станция, где останавливались приезжие (гостиницы в городе долго не было), почтово-телеграфная контора, казначейство, офицерское собрание, больница, приходское училище, русско-туземная школа и, конечно, казармы.

В ответ на постоянные жалобы горожан и в ожидании изредка наведывавшегося с объездом по области или краю нового начальства в начале XX в. уездной администрацией поспешно проводилось некоторое внешнее благоустройство, в первую очередь, чтобы проезд и проход по ошским улицам «был удобен во всякое время года». Так, в 1907—1908 гг. были возведены бетонный мост через р. Ак-Буру, а в городском саду — единственная беседка, были засыпаны гравием две улицы в центре и кое-где проложены тротуары. В 1906 г. длина мощеных улиц составила $^1/_{30}$ часть общего протяжения улиц [12]. В этом году была построена и первая, столь долгожданная скотобойня с помещением для промывки кишок.

Полицейский участок и тюрьма в Оше размещались в казенных домах, которые, однако, даже судя по официальным документам, оставляли «желать много лучшего» [13]. Тюрьма — старое ветхое здание, как и арестантская, в 1908—1914 гг. была постоянно переполнена, а содержавшиеся под стражей узники находились в самых ужасных условиях [14].

В конце прошлого века во всем Оше был всего один фонарь. Через десяток лет — уже (какой прогресс!) 63 фонаря, в том числе 8 керосино-калильных. В среднем на 1 фонарь приходилось 1,5—2 версты улиц [15]. Нельзя, однако, не заметить, что с организацией уличного освещения, а также появившегося городского транспорта общего пользования в коммунальном хозяйстве в дореволюционном Оше сравнительно с ханскими временами замечался лишь незначительный сдвиг. В 1903 г. в городе было 11 извозчиков и существовала утвержденная властями такса за проезд: 15 копеек — в конец «нового» города, 40 копеек — в конец «старого» (и столько же за 1 час езды). Столь значительная разница в оплате проезда объяснялась не только различной длиной «концов», но, видимо, и сложными условиями передвижения в старом городе с множеством в нем узких кривых переулков и тупиков, заполненных массой народа в прилегающих к торговым точкам местах, особенно по пятницам и в базарные дни.

Мусульманская газета «Вакт» в 1913 г. сообщала: «В Оше есть почтовый и телеграфный пункт. Почту во-

зят из Андижана конем. Пассажиры из Андижана ездят на бричке..., конем и в почтовых дилижансах. Три — четыре года тому назад начался автомобильный путь»[16].

Рост города, как видим, не сопровождался соответствующим развитием отсталого, карликового коммунального хозяйства, почти не финансируемого из городского бюджета. Не удивительно, что в анкете Центрального статистического комитета, собиравшего сведения о городах Ферганской области, ошский уездный начальник на многие пункты отвечал отрицательно: «водопровода в городе нет», «канализации нет», «пожарных команд нет» и т. д. и т. п.

Водоснабжение всегда играет важную роль в жизни города, а в условиях Средней Азии тем более. Даже в начале XX в. водообеспечение Оша для бытовых нужд, сельскохозяйственной и промысловой деятельности горожан основывалось еще на древней арычной системе водопользования из р. Ак-Бура. Отсюда и все вытекающие отрицательные последствия, в частности, острая нехватка воды в летнее время (особенно в засушливые годы) в местах, удаленных от реки и арыков, большая загрязненность воды по мере удаления от реки и т. д.

С ростом населения и городской застройки в Оше все острее становилась проблема содержания города в должном санитарном состоянии: удаление загрязненных вод, всяких отбросов и отходов. Ошская администрация при этом полагалась «на вековой опыт и здравый смысл горожан...». Как сообщал начальник уезда, нечистоты вывозились частью на поля, частью дезинфицировались (в некоторых местах общего пользования и дворах «интеллигентных» домохозяев в новой части города) и закапывались в ямах «без вреда для дворов (!), ввиду глубокого залегания подпочвенных вод» и т. п. Понятно, что в результате такой «заботы» власть предержащих общее санитарное состояние города не только оставалось крайне неудовлетворительным, но и заметно ухудшалось с ростом Оша и его населения.

Таковы были уездный Ош и те перемены по сравнению со временем господства Кокандского ханства, которые произошли в нем к 1917 г. и в определенной степени углубили национальные и социальные противоречия в жизни и быте его трудового населения и городской эксплуататорской верхушки.

Управление городом

Управление городом особенно ярко отражает дискриминационную и эксплуататорскую направленность политики царского правительства в Туркестане в отношении местного, нерусского населения. В отличие от других уездных центров Ферганской области, где управление городом и его хозяйством, включая составление бюджета, возлагалось на уездных начальников с символическим участием городских депутатов, в Оше, где большинство горожан составляли коренные жители края, фактически вся власть в городе и уезде находилась целиком в руках военно-полицейской администрации. Предоставлять даже зажиточной местной городской верхушке какое-либо «самоуправление» царские власти тогда отказывались. Это, в частности, наглядно проявилось при введении в 1892 г. в империи нового Городового положения, которым для имущих слоев горожан вводилось урезанное «самоуправление». Так, очень характерен отрицательный ответ ферганского военного губернатора на запрос начальника края о возможности применения этого положения к Ошу и другим городам Ферганской области: ввиду того, что в них «русского населения, за исключением немногих лиц, состоящих на государственной службе, почти не существует, а предоставлять туземцам дарованные этим положением права городского самоуправления [он] находит вредным не только для дела по ведению городского хозяйства, но для русских интересов вообще»[17]. Губернатор считал лишь необходимым учредить в помощь уездному начальнику для ведения городских дел секретаря, что впоследствии и было сделано для ошской администрации.

В конце XIX в. уездные власти состояли из начальника уезда, располагавшего широкими правами в отношении городского и сельского населения, его помощника-секретаря, письмоводителя и так называемого «письменного переводчика». Но судя по документам начала XX в., бездейственным придатком при уездном начальнике все же значился городской хозяйственный комитет из богатых горожан (совещательный безвластный орган), служивший ширмой для военно-народного (читай: полицейского!) управления в городе.

Особенно же пеклись тогда ошские власти об учреждении должностей двух участковых приставов в уезде и «для порядка» — городского полицейского пристава и

письмоводителя. Не довольствуясь пятью рассыльными джигитами, уездный начальник, поощряемый к тому областными властями, требовал выделить еще содержание для шести тайных осведомителей в среде коренного населения и пяти джигитов для преследования «разбойников» [18].

В распоряжении полицейского пристава Оша, находившегося в подчинении уездного начальника, было 30 городовых, из них 21 конный. В помощь им горожане содержали еще за свой счет 99 наемных пеших и конных ночных караульщиков. В ведении городского пристава находились помимо города с Ошской волостью участки кочевого и оседлого населения в уезде. Впоследствии (к 1910 г.) были учреждены еще и должности полицейских приставов этих участков. Только расходы на полицию составляли свыше трети городского бюджета (в 1908 г. — 37,5%). Ошские уездные власти заигрывали с киргизской родо-племенной знатью, жестко проводили политику кнута (для трудового населения) и пряника (для представителей феодалов). Пример тому — подавление так называемого Андижанского восстания 1898 г., когда сотни повстанцев, в том числе выступавших против гнета царизма киргизов (среди них и акын-демократ Токтогул Сатылганов), были арестованы и отправлены в ссылку (Токтогул — в Сибирь). Пример тому — почести и награды «алайской царице» — Курбанджан-датхе, один из сыновей которой заблаговременно предупредил ошского уездного начальника о готовящемся выступлении народа.

Население

«Хотя колониальный путь развития, на который встала Средняя Азия после присоединения к России, и превращение ее в сырьевой придаток метрополии задерживали развитие промышленности, в этот период все же создались более благоприятные, чем до сих пор, условия для углубления общественного разделения труда, увеличения товарности хозяйства, развития хозяйственной специализации отдельных районов и на этой почве значительного роста городов», — отмечает знаток дореволюционной истории среднеазиатского города О. А. Сухарева [19].

История г. Ош и сложение его населения в конце XIX — начале XX в. — тому один из примеров. Динамика городского населения в 1876—1917 гг. характеризуется непрерывным ростом его численности, преимущественно за счет механического движения. Ош, являясь наиболее крупным населенным пунктом бывшего Ошского вилайета Кокандского ханства, хотя и насчитывал тогда всего несколько тысяч жителей, был избран и туркестанскими властями в качестве уездного центра одноименного уезда Ферганской области. Это обстоятельство, наряду с другими социально-экономическими факторами (прекращение феодальных усобиц, раздиравших ханство и пагубно отражавшихся на хозяйстве городского и сельского населения, установление общего «спокойствия» в крае, столь необходимого для развития торговли и ремесла, улучшение дорог и т. п.), способствовало увеличению численности жителей Оша, что и проявилось уже с 80-х годов XIX в. Там, по официальным источникам, в 1880 г. значилось уже 3307 человек (без войск), в 1882 г. — 7766, в 1883 и 1884 гг. — 12976 и 13538, к 1885 г. — около 15 тыс. человек [20]. Понятно, что столь быстрый рост городского населения объяснялся не только естественным внутренним приростом, для чего, как уже было отмечено, по сравнению со временем существования Кокандского ханства имелись более благоприятные условия, а притоком пришлого населения, и в первую очередь из сельской местности. Этот источник пополнения числа горожан оставался основным на весь дореволюционный период. Чем более интенсивно действовали законы классовой дифференциации в кишлаке в конце XIX — начале XX в., тем большим был приток сельчан в Ош.

Значительный рост численности жителей Оша к 1914 г. (51701 человек [21]) по сравнению с концом ханского правления на юге Киргизии объясняется, конечно, не только ликвидацией феодальных войн и межплеменных усобиц в крае, но и определенным ростом в нем производительных сил под влиянием стимулировавших это развитие торговых связей с другими среднеазиатскими городами и районами Центральной России, растущей товарностью хозяйства и связанным с ним усилением общественного разделения труда. Причем увеличение торгово-промыслового контингента, пополнявшего состав горожан, содействовало зарождению в недрах феодального производства ростков капиталистических отношений.

Природно-географическое положение и развитые торгово-транспортные связи уездного города Оша (подразу-

мевается сравнительная близость к Ошу густонаселенных кишлаков и городов Ферганской долины, множество окрестных киргизских аилов, располагавшихся в предгорной зоне Восточного Приферганья, а также интенсивность караванного сообщения с Восточным Туркестаном, откуда наблюдался ежегодный приток рабочих-сезонников), и все возраставшее в конце XIX — начале XX в. значение города как хозяйственно-культурного центра на юге Киргизии явственно сказались на разнообразии этнического состава его жителей. Одной из характерных особенностей формирования населения Оша (как, впрочем, и других городов бывшей Ферганской области) являлась пестрота национального состава, но при явном преобладании узбеков. Важнейшим каналом пополнения численности горожан обычно служит сельская округа, однако ее этнический состав был более однородным, чем в городе. Об этом свидетельствуют уже краткие сведения о национальном составе населения города за 1884 г. Помимо обычно упоминаемой постоянной компактной массы коренного населения «старого города» — «туземцев» среди ощцев назывались также татары, русские, евреи, селившиеся в новой части Оша.

Бесспорное преобладание в среде горожан в конце XIX в. представителей коренного ферганского населения — узбеков, а также других среднеазиатцев (32552 человека в 1897 г.) над переселенческим европейским населением (1080 человек) и значительное усложнение национального состава жителей Оша устанавливаются материалами первой всеобщей переписи населения страны 1897 г., несмотря на все ее несовершенство (отсутствие сведений о национальном составе, который приходится устанавливать косвенно, — по данным о родном языке и вероисповедании ощцев).

«По родному языку» население Оша (34157 человек) распределялось так (человек):

тюрко-татарский (?)	32432
узбекский и сартский (?)	13
таджикский	107
русский, а также украинский и белорусский	989
немецкий	45
еврейский	46
остальные	337

По вероисповеданию:

мусульмане	32886
православные	995
старообрядцы	5
римско-католики	189
иудеи	46
протестанты	47
остальные некрещенные	9 [22]

С каждым десятилетием население Оша постоянно возрастало за счет выходцев из окрестных кишлаков и аилов, жителей других уездов Ферганы и Туркестанского края и в немалой степени переселенцев из России и сопредельных стран, находивших здесь более благоприятные возможности для жизни и хозяйственных занятий.

Более точные данные об этническом составе ошского населения приводятся в «Обзорах Ферганской области» начала XX в. Так, в 1908 г. из 43433 человек горожан наибольшее число составили узбеки — «сарты» (39789) и родственные им каракалпаки (1606 человек). Значительная группа была представлена выходцами из Восточного Туркестана, поселившимися здесь с конца 70-х — начала 80-х годов XIX в.: дунгане (409 чел.) и уйгуры — «кашгарлыки» (340 чел.). Это были члены семей торговцев, а в основном — сезонные чернорабочие, ежегодно прибывавшие в поисках применения своего труда в так называемый Русский Туркестан. Осевших киргизов («кара-киргизов»), по данным переписи, проживало здесь всего 7 (?), а казахов («киргизов») — 274 (!). Но в число последних, скорее всего, попали в большинстве и местные киргизы, так как эти две национальности царские чиновники часто не различали. Таджиков в Оше проживало 179 человек, среди которых, надо полагать, были и выходцы из Каратегина. Отмечены и представители других национальностей: татары — 37 человек, цыгане (среднеазиатские) — 15, индусы (очевидно, ростовщики-менялы) — 12, армяне и другие выходцы с Кавказа, «туземные» евреи (бухарские) — 9. Русских значилось 709 человек, да еще 16 других европейцев. К 1912 г. русское население составило 1457 чел. [23]

В 1913 г. в составе населения старого Оша отмечено уже 1000 киргизов, что может служить одним из свидетельств усиления процесса разложения патриархально-феодальных отношений в киргизском аиле. Несколько увеличилось и «русское» (европейское) население «нового города».

Статистических данных о классовом составе горожан в официальных документах, понятно, нет, но косвенными источниками могут условно служить сведения о сословно-классовом составе населения. По данным переписи 1897 г., в Оше проживало: дворян (потомственных и личных) — 159 человек, православного духовенства — 3, мещан — 167, купцов — 2, крестьян — 985, «инородцев» — 32815, иностранцев — 3, лиц остальных сословий — 21 человек. По сведениям областной администрации, в 1908 г. в Оше проживало: дворян (потомственных и личных) — 234 человека, лиц городских сословий (почетных граждан, купцов и мещан) — 342, православного духовенства — 4, нижних чинов с семьями и льготных казаков — 149, иностранцев — 10 человек. Основную массу горожан Оша составляли представители коренного населения — 42694 человека [24].

Сравнение этих данных показывает, что наряду с ростом числа горожан из привилегированных сословий, в первую очередь дворян, наблюдался заметный рост основной массы трудового люда — городских мещан.

Хозяйственные занятия

Сельское хозяйство и земледельческие промыслы всегда занимали важное место в экономике Оша дореволюционного периода. Этим он схож с другими позднефеодальными городами Средней Азии, население которых было столь же тесно связано с землей.

Большинство ошских земледельцев составляли жители старой («туземной») части города, выделенные в налогово-податном отношении даже в отдельную в уезде Ошскую волость. Ее земли располагались вокруг города. В 1903—1905 гг. посевы Ошской волости составляли 8927 дес., в том числе 3916 дес. пшеницы и 2693 дес. кукурузы. Ошцы выращивали преимущественно зерновые культуры, набор которых был тот же, что и у оседлых земледельцев уезда. В 1915 г. хлопчатником ошане засевали 3934 танапа земли [25].

Некоторые из ошских земледельцев занимались огородничеством и бахчеводством. Многие домохозяева

имели небольшие садики. В ассортименте плодовых деревьев преобладали местные виды — урюк и тутовник, традиционные для южнотуркестанского садоводства. С началом XX в. в Оше стало развиваться пчеловодство, зачинателем которого выступил ошский лесничий, выписавший пчел с Кавказа. В 1905 г. в его пасеке было более 50 ульев. А к 1911 г. у трех ошских пчеловодов насчитывался 161 улей [26].

Животноводство у горожан играло преимущественно подсобную роль. В начале XX в. жители города имели 9—11 тыс. голов скота — почти наполовину меньше, чем в середине 90-х годов XIX в. Его состав и соотношение видов животных показывают, что горожане держали в основном рабочий скот — волов и лошадей (последние были также у ошцев, промышлявших извозом). Овец разводили для себя, а более зажиточные — на продажу. Козы и ослы были в хозяйстве малообеспеченных горожан, достаток которых не позволял прокормить корову или лошадь. Породы скота и лошадей — в основном местные. В 1914 г. была открыта случная конюшня на 8 жеребцов шведской крови, это дало некоторый толчок дальнейшему развитию породного коневодства.

Любопытно, что традиционные хозяйственные занятия жителей Оша (земледелие и в меньшей мере — скотоводство), как и примечательная особенность его территории (Сулейман-гора) и связанные с ней легендарные мусульманские предания местного населения, нашли известное отражение в материалах по проектированию городского герба и на самом его изображении [27]. Так, Ошским городским хозяйственным управлением предлагался следующий проект герба для города: «Щит пересеченный. В верхней части щита *гора* [Сулеймана] с брошенным на нее лучом света, в нижней, серебряной части *пара волов, запряженных в омач*. В вольной части щит увенчан золотою императорскою короною и окружен *двумя золотистыми колосьями* (выделено нами. — *авт.*), соединенными александровской лентой» [28]. Небезынтересна дополнительная подробность в описании этого первого проекта городского герба, где отмечалось, что, по мнению местных жителей, Сулейман-гора напоминает верблюда с вытянутой шеей, и предлагалось при необходимости выслать фото ее. Хотя первоначальный проект городского герба (соответствующий

протокол подписан одним из депутатов городского хозяйственного управления неким Салимбаевым 14 июня 1904 г.) был изменен впоследствии при рассмотрении его в гербовом отделении при департаменте геральдии Сената, изображение горы продолжало в нем фигурировать из уважения к местному преданию, «что на горе Тахт-и Сулейман, у подножия коей расположен означенный город, царь Соломон воздвиг мечеть, а по другому варианту — свой трон».

По геральдической традиции гербовый щит у городов, в хозяйстве которых земледелие и хлебная торговля занимали значительное место, украшался александровской лентой с двумя золотыми колосьями. Новые детали появились в измененном гербе Оша, предложенном управляющим гербовым отделением при департаменте геральдии Сената: «В червленном щите серебряная верхушка горы, сопровождаемая сверху золотым полумесяцем, рогами вверх. В зеленой оконечности щита *две воловьи головы* с червленными глазами. В вольной части щита герб Ферганской области. Щит украшен серебряною башенной короной о трех зубцах и окружен *двумя виноградными лозами,* соединенными александровскою лентою» (выделено нами. — *авт.*) [29]. Традиционно разные виды корон — главное украшение гербового щита — обозначали различный статус города. К примеру, для уездных городов служили изображения серебряных корон с тремя зубцами [30]. Как явствует из изображения и описания гербовой эмблемы города (гербы десяти среднеазиатских городов, включая Ош, царь утвердил 22 октября 1908 г., о чем опубликовано сообщение в «Собрании узаконений и распоряжений правительства при правительствующем Сенате» за 12 мая 1909 г.), на ней так и остались эти своеобразные символы Оша: гора с полумесяцем над ней, напоминающая о почитаемой местными горожанами «священной» горе Тахт-и Сулейман, и воловьи головы, указывая на разведение скота ошскими жителями.

Во внутренней торговле края важную роль играли городские и сельские рынки. Ош издавна славился своими обширными и богатыми базарами, поражая приезжих обилием местных и привозных продуктов и товаров. Как и в других среднеазиатских городах, базары представляли собой наиболее многолюдные и оживленные места в городе. В базарные дни и мусульманские праздники торговые площади буквально кишели народом. Хотя в праздничные дни большинство лавок бывало закрыто, но зато вовсю торговали в многочисленных ашканах и чайханах (местных харчевнях и чайных), а также бродячие торговцы халвы и других восточных сладостей; водоносы в летнее время предлагали желающим воду. Мусульманская газета «Вакт» писала в 1913 г. об Оше: «Базар этого города большой, торговля быстрая. В горах живут в большинстве киргизы, которые занимаются скотоводством, разводятся бараны, коровы, лошади и др., которые продаются на ошском базаре. Торговые товары Туркестана в Китай перевозятся через Ош, а также кашгарские товары — ковры, кошмы, ткани — перевозятся в Фергану [через Ош], где они продаются и обмениваются» [31].

По сведениям, собранным уездным начальником, главные предметы торга на ошских базарах составляли: пшеница, фрукты (свежие и сушеные) и клевер, а также бараны, лошади, шкуры и другое животноводческое сырье, из местных кустарных изделий — готовая обувь и халаты, в числе привозных из России фабричных товаров — ситцы, железо-скобяные изделия, чай и сахар; из восточнотуркестанских — кошмы, ковры и мата (бязь). Путешественников и приезжих привлекали выделанные белые шкуры кашгарских коз и синий кашгарский фарфор. Здесь нетрудно было приобрести кустарные изделия из других стран Востока, включая индийские и афганские товары.

Ошский городской крытый рынок (тим) с традиционно специализированными торговыми рядами — один из старейших в Средней Азии. Он располагался поблизости от берега Ак-Буры с ее широкой и глубокой поймой в черте города. Издавна это место было средоточием торгово-хозяйственной жизни горожан. Подробнейшее описание тима конца прошлого и начала нынешнего века приводится в книге О. И. Смирновой со слов ошского уроженца и старожила Тура-Нияза ходжи — Ниязоглы Ниязова (откуда мы и заимствуем с сохранением транскрипции местных терминов). Тогда там было два перекинутых через речку висячих моста (осма-купрюк) на расстоянии до 900 м друг от друга. Тим находился между ними на оживленной городской улице по правобережью, в полусотне метров от русла реки и параллельно ее течению. Как и другие крытые восточные рынки, он пред-

ставлял собой деревянное каркасное сооружение, напоминая своеобразный надземный туннель до 800 м длины, перекрывавший улицу, но открытый с двух сторон. Внутри тима по обеим сторонам уличного полотна стояло множество лавок. Камышовая крыша (бурье) тима защищала продавцов и покупателей от жары и непогоды. Лавки в тиме располагались в определенной последовательности. Сначала шли лавки продавцов духов и лекарств (аттор) и сладостей (кандфуруш), глубже — продавцов тканей, одежды и тюбетеек (баззоз), а за ними уже — лавки слесарей (тамурчи), ювелиров (зоргар) и ножевщиков (пукокчи), в которых сидели ремесленники. Лавки последних состояли из двух помещений — переднего, где ремесленник работал, выставлял и продавал свой товар, и заднего — пристройки для товарных запасов. Вокруг тима сосредоточивалась почти вся городская торговля, особенно в базарные дни. Между тимом и речкой (от моста до моста) шла бойкая торговля чаем (чой-бозор), тюбетейками (дуппи-бозор), одеждой (тон- или джома-бозор). По другую сторону тима торговали зеленью — арбузами и дынями (кавун-бозор), изюмом (узум-бозор), овощами и фруктами. Ниже мостов и тима по обеим сторонам речки в базарные дни собиралось несколько базаров. На левом берегу, между тимом и дорогой, торговали фуражом (утуп- или алаф-бозор); по другую сторону дороги, между этим базаром и тимом, шла торговля лошадьми и овцами (кой-бозор) и крупным скотом (мол-бозор). На правом берегу речки, ниже моста, шла торговля камышом и камышовыми поделками (бурье-бозор). Около висячих мостов у воды были чайханы и ашканы, по две с каждой стороны моста, в базарные дни переполненные. Чайханы играли большую роль в базарной жизни, здесь люди встречались, заключали разные торговые сделки. Тут же на базарных площадях стояли мечети и медресе [32]. Таков был торговый центр старого Оша.

Ош поддерживал оживленную торговлю с городами Ферганской долины и окружающей киргизской кочевой и полукочевой периферией. Наиболее интенсивными были торговые связи купцов Оша и Андижана, причем гораздо значительней, чем между ошским и наманганским купечеством. Так, в 1913 г. из Андижана в Ош было отправлено 635700 пудов товаров, преимущественно мануфактуры, чая, сахара, соли и керосина, предназначавшихся для нужд кочевого района, а также железо-скобяные изделия и строительные материалы, сельскохозяйственные орудия, предметы роскоши для городской и сельской верхушки.

В том же году в Андижан из Оша было отправлено еще больше товаров — 735248 пудов, не считая грузов из Кашгара. На вызов в Андижан шли преимущественно животноводческое сырье и изделия киргизского ремесла и промыслов: кишки, кожи, шерсть, ковры, паласы, кошмы, арканы (веревки), конская сбруя и другие мелкие изделия, значительное количество хлеба в зерне и муке, хлопок и древесный уголь. Таким образом, товарообмен между городами Ош и Андижан достигал 370948 пудов.

Ош играл важную роль и в торговле России с Восточным Туркестаном. В обмен на российскую фабрично-заводскую продукцию из Кашгара поступали изделия местного ремесла и кустарной промышленности, преимущественно мата, а также сельскохозяйственное сырье. В Оше проживала группа торговцев, занимавшихся торговлей кашгарскими товарами, часть из которых продавалась в городских лавках и на рынках, на базарах окрестных селений, раскупалась горожанами, дехканами и киргизскими скотоводами, а остальная масса привезенных товаров переправлялась далее в Фергану.

В 80—90-х годах XIX в. в Оше торговые заведения были в основном небольшие. Многие торговцы жили в Маргелане, Намангане, Ташкенте и других городах Ферганы, но держали (или арендовали) лавки в Оше, а многие — и в Кашгаре. Русских торговцев было мало и главным образом это были крупные купцы — Филатов, Гузин и др.

К 1914 г. картина несколько меняется. Торговля фабрично-заводскими изделиями и другой промышленной продукцией сосредоточилась в руках купеческих воротил — Пугасова и Филатова, кожевенным и другим сырьем — преимущественно у крупных узбекских торговцев, а «кашгарский товар» — у пришлых из Восточного Туркестана уйгур.

В 1898 г. в Оше торговало 26 купцов I и II гильдии, в руках которых находилась оптовая торговля. Из них большинство — 20 купцов — имели постоянное место жительства в Оше, трое — в Кашгаре, по одному — в Намангане, Маргелане и Ташкенте. Все они, за исключени-

ем двух русских (из Оша и Ташкента) были представителями среднеазиатского купечества. 12 ошских купцов вели торговлю овцами, остальные восемь — смешанную. Последние торговали преимущественно мануфактурой, так называемыми колониальными товарами, чаем и сахаром, коврами, традиционным «кашгарским товаром» и особенно матой, а также мехами, мерлушками, кошмами и даже железом. Такой же примерно ассортимент товаров был и у купцов из других названных туркестанских городов: те же колониальные товары и мануфактура, отчасти чай и сахар, вино и пиво, а также и упомянутый «кашгарский товар». Кашгарское купечество вело смешанную торговлю, специализируясь на мануфактуре, чае, сахаре, в меньшей мере — на коврах и железе, несколько кашгарских купцов торговали преимущественно колониальными товарами. Причем привозной «кашгарский товар» — хлопчатобумажные ткани (мата) и одежда (халаты) — встречал сильную конкуренцию со стороны среднеазиатских и российских товаров.

Таким образом, в руках крупного купечества оказалась фактически монополизированная торговля привозными товарами из России и из-за границы, а также овцами и мерлушками, коврами и кошмами, скупленными у киргизского населения из оседлого и кочевого районов Ошского уезда.

Наряду с базарной торговлей, столь характерной для Оша и уезда 80-х годов XIX в., в конце XIX—начале XX в. широкое развитие в городе получает стационарная торговля. О ее росте позволяет судить увеличение числа небольших городских лавок: в 1882 г. их было 852, в 1908 г. — 1035, а в 1911 г. — уже 1300.

К 1914 г. стационарную торговлю Ошского уезда прибрали к рукам 45 купцов-толстосумов, имевших крупные торговые предприятия 2-го разряда в городе, лавки и торговых агентов в селениях. От них зависели многие мелкие и даже разъездно-меновые торговцы. Крупное городское, так называемое «гильдейское» купечество Оша пыталось прибрать к рукам всю торговую жизнь в городе и уезде. Среди купеческой верхушки города, преимущественно узбекской, выделялось 10 купцов, торговавших оптом и в розницу мануфактурой, 7 крупных скотопромышленников и торговцев шерстью и животным сырьем, 5 купцов, торговавших восточными

коврами, 3 русских виноторговца. Помимо барышей от продажи спиртных напитков и пива, торговые дома Пугасова, Епифанова, Филатова, обладая крупными капиталами, наживались также на торговле бакалейными продуктами, железо-скобяными изделиями и другими товарами. Ташкентские купцы Пугасовы развернули в Оше торговлю еще и продовольственными припасами, а также парфюмерией, ювелирными изделиями, обувью, готовой одеждой и даже канцелярскими товарами. А в магазинах, лавках и на складах Епифанова можно было приобрести также посуду и хозяйственные предметы, москательные товары, строительные и лесоматериалы, мебель и даже лекарства [33].

В архивных источниках почти нет прямых сведений о ремесле и ремесленниках Оша в конце XVIII—70-х годах XIX в., хотя это не говорит об их отсутствии во времена ханской зависимости. Вскоре после ее ликвидации, с прекращением феодальных усобиц, с развитием товарно-денежных отношений и торговых связей с соседними городами Ферганы и Россией, Ош стал выделяться среди других населенных пунктов уезда, отличаясь средоточием ремесленных и кустарных производств, изделия которых находили обеспеченный сбыт среди горожан, оседлых и кочевых жителей уезда. В конце XIX — начале XX в. в производственном контингенте населения Оша все более значительное место занимали ремесленники. И естественно, что множество ремесленных мастерских не могло возникнуть на пустом месте без наличия определенных навыков и традиций у мастеров, без преемственности с прошлой ремесленной жизнью горожан. Конечно, после присоединения Ферганы к России в Оше, особенно в новой части строившегося города, возникли новые ремесленные производства, не известные ранее населению старого Оша и жителям кишлаков, а включение хозяйства края в орбиту капиталистического рынка России оказало свое влияние на изменения в отраслевом составе и характере ремесленного и мелкокустарного производства Оша. Городское ремесло стало заметней отличаться от сельского, в частности, своим профессиональным направлением и более крупными размерами мастерских, ориентацией мастеров на вкусы и запросы городских заказчиков и покупателей.

Уже в 1884 г. 75 ремесленных мастерских Оша обслуживали 42 рабочих. Общая сумма выработанной ими продукции у всех хозяев (8 медников, 3 лудильщика, 6 золотых дел мастеров, 4 портных, 20 сапожников и 36 представителей других профессий) составляла 7065 руб. У хозяев лудильных мастерских работало по 1 рабочему, что касается владельцев других мастерских, то наемные рабочие были не у каждого. Сумма годовой выработки на одну мастерскую в среднем составляла от 200 руб. (у сапожников, и несколько больше — у других ремесленников) до 33,8 тыс. руб. (у владельцев ювелирных мастерских). В 1897 г. свыше четверти горожан, имевших самостоятельные занятия, занимались различными ремеслами.

В связи с ростом населения города, особенно в начале XX в., наблюдается увеличение численности ремесленников, обслуживающих горожан. Во многих семьях, например, занимались ручным пошивом вышитых головных уборов (тюбетеек), халатов и т. п. В 1914 г. 114 сапожных мастерских в Оше обслуживали 135 рабочих, ими было изготовлено продукции на 47600 руб. Стоимость годовой продукции каждой из них против 1884 г. более чем удвоилась (417 руб.), заметно увеличилась и выработка на одного рабочего. Как и в других среднеазиатских городах, в Оше было немало непревзойденных мастеров-ремесленников по приготовлению блюд национальной восточной кухни — одиночек и владельцев ашкан и т. п. Имелась также большая группа ремесленников-строителей — плотников, столяров, печников, штукатуров, каменщиков и мостовщиков, изготовителей сырцового кирпича, оклейщиков обоев и т. п., занятых на строительстве жилья и благоустроительных работах в старой и особенно в новой частях города.

Ко времени первой мировой войны Ош являлся не только старейшим центром ремесленного производства среди городов Киргизии, но и крупнейшим в Туркестанском крае. Число ремесленных заведений достигало в нем нескольких сотен (даже власти не всегда знали об их точном количестве, удивляясь исчезновению мелких промышленных заведений и появлению новых, изредка крупных), а численность лиц, занятых в ремесленном производстве, исчислялась тысячами.

Непрекращавшееся производство домотканной материи, а также завоз из сопредельных областей и стран

тканей кустарной и фабричной выделки, расцветка которых не соответствовала вкусам местного населения, в связи с чем требовалась перекраска, — все это привело к выделению первоначально немногочисленных красильных мастерских в отдельную отрасль производства. Так, в 1884 г. в Оше имелось 12 мелких красильных мастерских. Сумма выработки каждой из них составляла в среднем 142 руб., а валовая продукция всех оценивалась в 1700 руб. В 1900 г. их было уже 20, причем производство продукции на каждую возросло в среднем лишь на 14 руб. (общая стоимость всех по валу составляла 3120 руб.) [34].

Важную отрасль мелкокустарной промышленности Оша составляла переработка сельскохозяйственной продукции как горожан, так и сельских жителей уезда. В 1903 г. среди ошских предприятий, перерабатывавших продукты земледелия, действовали 52 мельницы, которые обслуживались 112 рабочими (в среднем 1,8 рабочего на одну мукомольню) и 45 маслобоек, на которых было занято по 1 рабочему. Ко времени первой мировой войны количество подобных заведений значительно увеличилось. Причем среди них появляются относительно крупные, продукция которых шла непосредственно на рынок. Так, к 1914 г. в количественном отношении выделялись маслобойни «туземного типа» (джувазы), которых насчитывалось 490, далее по числу шли рисорушки — 369, а затем — водяные мельницы «сартовского типа» — 87 (с 205 поставами). Годовая производительность последних составляла 450 тыс. пудов муки.

Среди владельцев мелких мукомолен, так называемых крестьянских или сельскохозяйственных мельниц, действовавших лишь по заказу, в предвоенные годы стали появляться крупные мукомолы, владевшие так называемыми смешанными мельницами, которые работали и на заказ, и на рынок. Появляются также немногие крупные товарные мельницы, поставлявшие продукцию исключительно для продажи. Некоторые из таких мельниц были расположены прямо на базаре в «старом городе». Видимо, смешанными являлись четыре мельницы, принадлежавшие зажиточным горожанам-узбекам — владельцам промысловых свидетельств 4-го и 6—8-го разрядов (соответственно их мощности). Паровая мельница также находилась в старом городе (по нынешней Большой Андижанской улице) [35].

Товарными мельницами, работавшими исключительно для рынка и не принимавшими мелких заказов на помол, были две первые крупные мукомольни в городе. Одна из них, работавшая на нефтяном двигателе, с одним поставом, принадлежала ошскому богачу Т. Г. Дряхлову. Ее обслуживал 21 рабочий. Годовая производительность ее составляла 200 тыс. пудов муки (видимо, немногим менее половины валовой продукции всех городских мельниц), а годовой оборот — 150 тыс. руб. Мельницы смешанного типа и товарные вытесняли в мукомольном производстве города небольшие крестьянские мельницы, хозяевам которых становилась не под силу конкуренция с крупными мукомолами.

Среди множества мелких заведений пищевой промышленности по своему годовому обороту выделялись также две кондитерские — А. В. Григорьева и С. В. Сусликова. В 1916 г. в одной из кондитерских в «русской» части города служило 2 рабочих, оборот ее составлял 500 руб. в месяц [36]. Был завод фруктовых и ягодных вод Колотаева, колбасное производство Ф. Бауэра (с одним рабочим, валовая продукция оценивалась в 800 руб.).

Еще в 1880 г. неким Романенко было получено разрешение на постройку пивоваренного завода в Оше. К 1894 г. он был построен, но в этот год не работал. Это было первое промышленное предприятие в городе, которое по уставу о промышленности могло быть названо заводом [37]. Крупными предприятиями в городе являлись также два других пивзавода. Один из них, построенный в 1911 г., обслуживали 10—12 рабочих. На нем вываривали 60000 ведер пива, а общая сумма производства составляла 12000 руб. Второй, видимо, был еще значительнее, но в 1914 г. он бездействовал. По некоторым данным, годовая производительность обоих пивзаводов составляла 30000 рублей, а обслуживало их 92 рабочих [38].

Данные о литейном и кузнечном производстве в Оше в конце XIX — начале XX в. свидетельствуют о тенденции вызревания в местном промышленном производстве зачатков капиталистических отношений. Так, потребность в сельскохозяйственных и прочих орудиях, железе и других металлических изделиях, а также трудности с их доставкой и как следствие этого — нехватка и дороговизна чугуна и металла на рынке, вызвали появление с 80-х годов XIX в. первых чугунолитейных мастерских в городе. В 1895 г. их имелось уже четыре с 12 рабочими,

а общая стоимость годовой продукции исчислялась в 2000 руб. В 1910 г. таких мастерских оставалось три при том же количестве наемных рабочих, но зато функционировал литейный цех с годовым оборотом 1500 руб. [39], выдававший продукцию на рынок.

Продукция ошских чугунолитейных мастерских использовалась и городскими кузнецами. По размерам производства они были несколько крупнее кузнечных мастерских, возникавших в конце XIX в. в сельской местности. В эти же годы в Оше наряду с мелкими кузницами имелась и крупная кузнечная мастерская Ахмеджанова с 6 рабочими; продукция всех кузниц составляла за год 2970 руб.

В ведомостях о фабрично-заводской промышленности в Ферганской области среди значительных городских предприятий упоминается также кишечноочистный завод (построен в первом десятилетии XX в.). В 1913 г. на нем работало 12 рабочих, а годовая производительность составляла до 21,5 тыс. руб. [40] В предвоенные годы он был приобретен фирмой Дюршмидт.

Довольно крупным предприятием кустарного типа являлся ошский кожевенный завод с годовой производительностью до 10000 выделанных шкур. Предмет его производства — грубая кожа («черт») для употребления простонародьем («рабочим классом»), выделывались также бараньи и козьи шкуры [41].

Наряду с паровой мельницей Дряхлова крупнейшим городским предприятием был Ошский хлопкоочистительный завод (хотя он и меньше Найманского). За сезон 1913/14 г. там очищалось 35 тыс. пудов хлопка-сырца. Общая сумма его производства в год составляла 150000 руб., завод обслуживал 41 рабочий [42]. С 11 октября 1915 г. в Оше начал действовать другой хлопкоочистительный завод, получавший электроэнергию с городской электростанции [43].

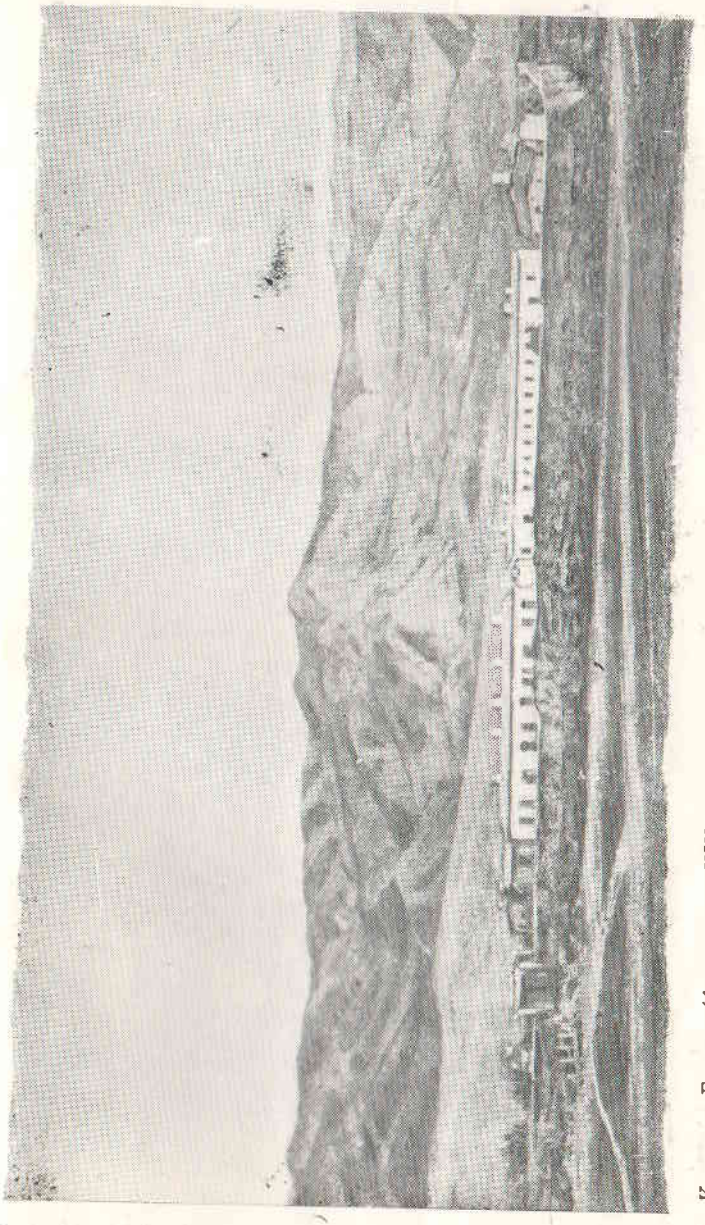
В 1908 г. в Оше насчитывалось 446 мелких промышленных предприятий кустарного типа с 616 рабочими и годовой производительностью в 41360 руб., в среднем на каждое из них приходилось 1,5 рабочих.

Немногие появившиеся в 10-х годах XX в. крупные фабрично-заводского типа предприятия не вытеснили ко времени первой мировой войны массу небольших заведений мелкотоварного уклада. Наоборот, если только данные за 1908 г. не преуменьшены, то к 1914 г. наблю-

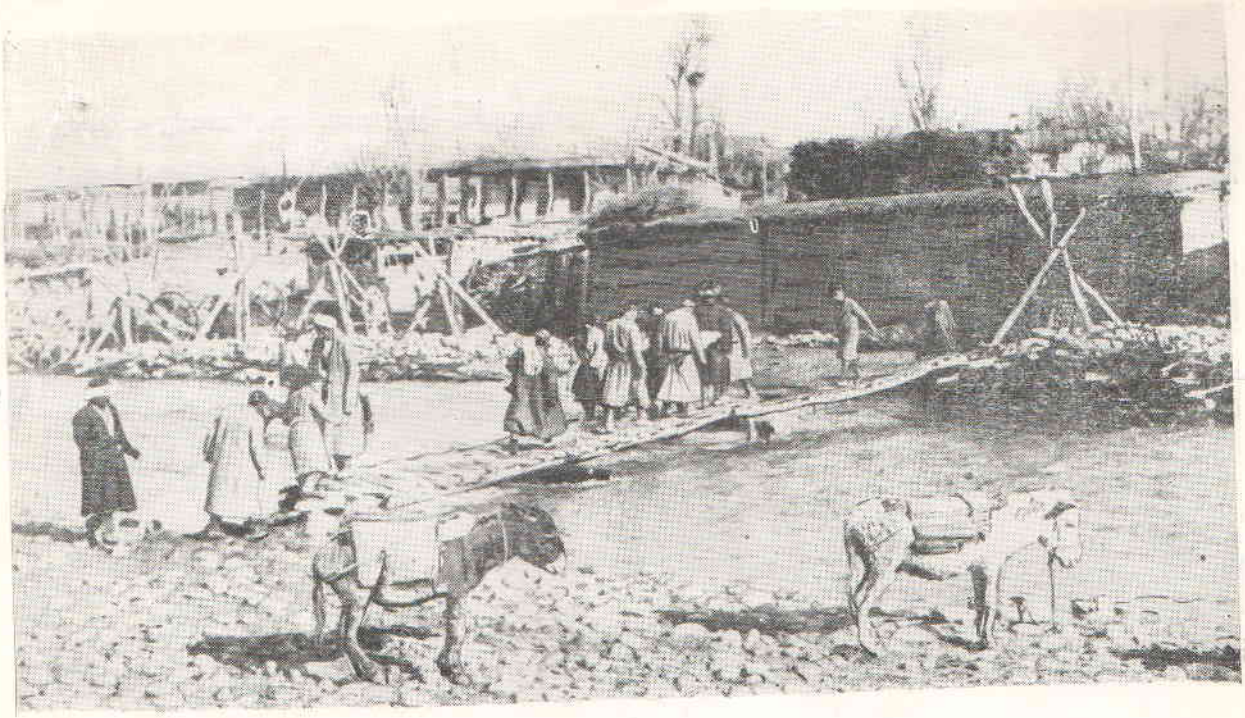
дается явный рост последних. Их насчитывалось, по данным авторов экономического обоснования проекта сооружения Ошского подъездного пути, 869. Это число составляли маслобойни, рисорушки, кирпичные, пивные и кишечномоечные производства, но не учтены мельницы, сапожные мастерские, кузницы и т. п. А так как, видимо, учитывались главным образом те предприятия, полуфабрикаты и продукция которых могли служить предполагаемыми железнодорожными грузами, то следует полагать, что в городе имелось около 1000 небольших кустарных и ремесленных заведений.

Техническую отсталость слаборазвитой ошской промышленности характеризует то, что в 1913 г. только на трех крупных предприятиях со 140 рабочими — вальцовой мельнице, пивоваренном заводе и электроустановке имелось всего по одному двигателю общей мощностью 95 л. с.[44] Такая малая энерговооруженность городской промышленности говорит о ее низком технико-экономическом уровне. Первая энергетическая установка в Оше была построена лишь накануне первой мировой войны, вторая — уже после ее начала. Общая мощность обеих не превышала 400 л. с., а обслуживали их несколько десятков рабочих (на одной из электростанций работало 35 человек). Обе установки принадлежали Т. Г. Дряхлову, впоследствии вступившему в компанию с А. А. Ивановым. Одна из электростанций несла осветительную нагрузку, другая подавала ток главным образом на хлопкоочистительный завод.

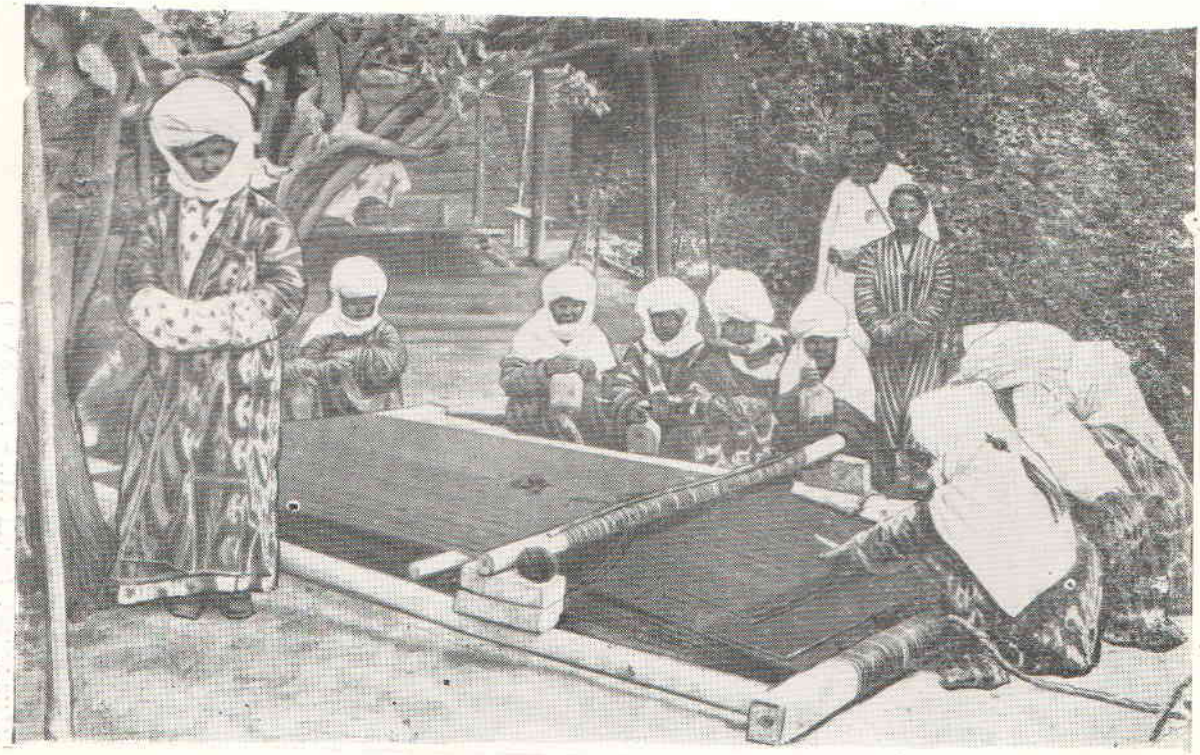
По данным анкетного обследования туркестанской промышленности, начатого в предвоенные годы В. В. Заорской и В. К. Александер, в Оше насчитывалось 4 сравнительно крупных промышленных предприятия с 25 рабочими. Общая стоимость вырабатываемой ими продукции в год, реализовавшейся на рынке, составляла всего 29800 руб. Это дало повод исследователям несколько категорично характеризовать ошскую промышленность: «Ввиду ничтожного значения г. Оша, он как промышленный пункт может и не приниматься во внимание...»[45]. Однако при этом не были «приняты во внимание» некоторые значительные городские предприятия, с учетом которых возрастает общее количество рабочих и стоимость их валовой продукции при сравнительной оценке промышленности городов не только Ферганской области, но даже Туркестанского края. Отставая в промыш-

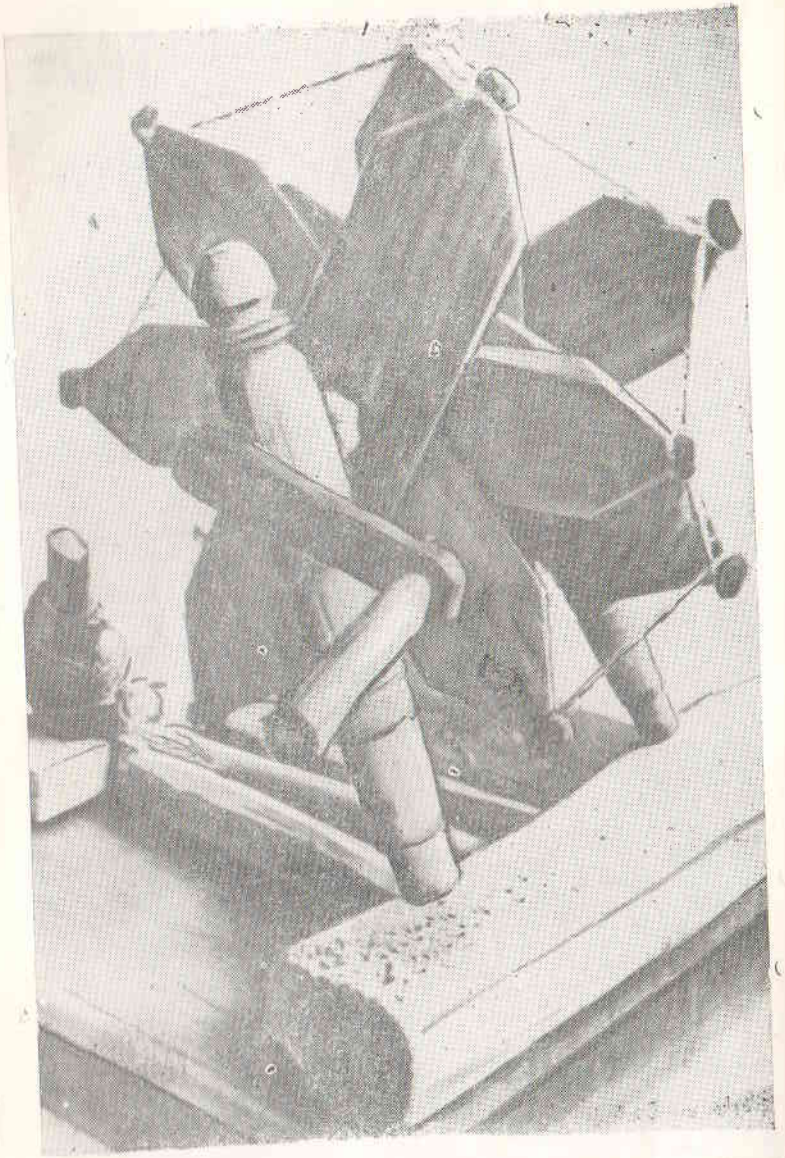
Крепость Гульча (фото конца XIX — нач. XX в.)

Уголок старого Оша

Изготовление ворсового ковра

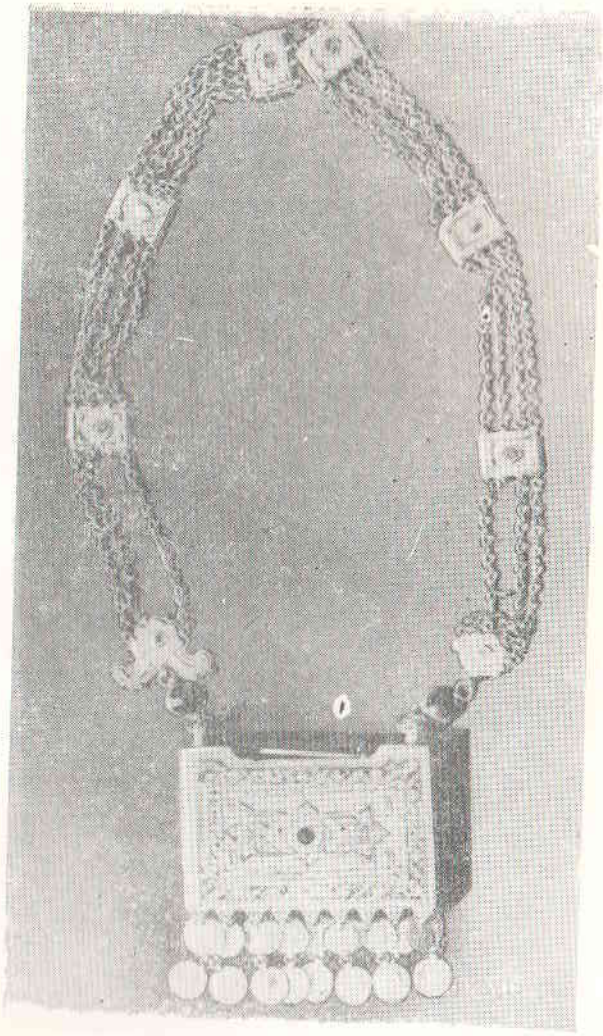
Чарын-прялка (конец XIX — нач. XX в.)

Аяк-койчу — ворсовая сумка

Предметы труда и быта крестьян-переселенцев (конец XIX — нач. XX в.)

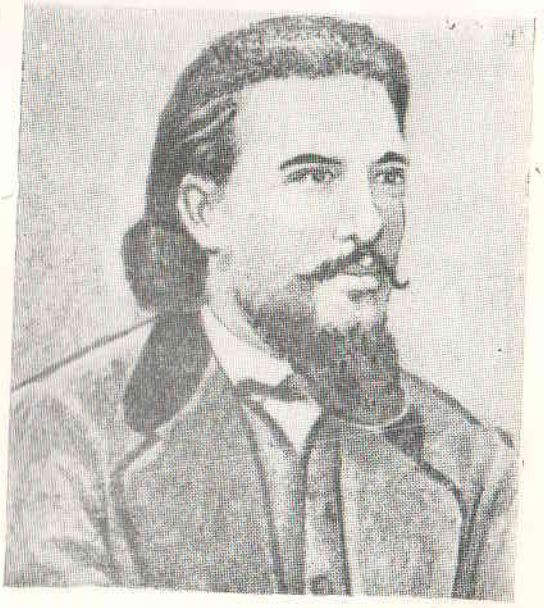
Бой-тумар — женское нагрудное украшение, чеканка, серебро (XIX в.)

Соку-ступка

А. П. Федченко

И. В. Мушкетов

А. Н. Северцов

В. В. Бартольд

Токтогул Сатылганов

В. В. Особо
(В. Н. Голубев)

ленном развитии от Пишпека и Пржевальска, Ош оставался наиболее заметным промышленным пунктом Южной Киргизии, стоимость валовой продукции его промышленности нельзя сбрасывать со счета в общей доле промышленности дореволюционного Киргизстана. Тем более, что Ош в этот период играл весьма существенную роль как центр ремесла и мелкотоварного производства на юге Киргизии.

Налоги и подати

После падения Кокандского ханства 17 февраля 1876 г. туркестанской администрацией была создана «Комиссия для выяснения податной повинности и казенных имуществ Ферганы», которая уже 11 марта того же года представила доклад со своими предложениями «о способе взимания доходов и об отмене некоторых доходных статей, кои не согласны с нашими законоположениями». Генерал-лейтенант Колпаковский на докладе наложил резолюцию: «Все, что предлагается для Коканда, должно практиковаться и в прочих городах Ферганской области». Положение было распространено, естественно, и на город Ош.

К числу государственных доходных статей было отнесено все казенное имущество, принадлежавшее бывшим ханам (а такое было и в Оше) — дома, земли, сады, лавки, мастерские и т. п. К городским доходным статьям относились сборы: весовой, зякет с промышленных заведений и пр. Но отменялись наследственные и свадебные сборы (тарине и никагане), отдельные статьи базарных сборов, соляной налог, цеховые сборы, маклерский сбор, сборы лесные, с угля и др.

Были отменены поборы, которые вели, по мнению русской администрации, к особо бесконтрольной и безудержной эксплуатации и которые были несовместимы с российским законодательством или противоречили ему.

Через четыре года наступало время введения для населения Ферганской области общего положения о налоговом управлении, существовавшем по всей России. Чтобы ознакомить городское и сельское население Ферганской области с новым для него положением о налогах, туркестанский генерал-губернатор Кауфман издает 6 апреля 1880 г. манифест — обращение к населению Ферганской области. «Жители Ферганы... ныне, после четырехлетнего пребывания вашего под скипетром русского царя, я нахожу возможным ввести во всей Ферган-

ской области преобразования: общественное, податное и поземельное». Цель податного преобразования заключалась «в замене существующих под разными наименованиями поземельных платежей одною, точно определенною государственной податью». Вместе с постоянным окладом государственной подати определялся и размер земских повинностей, т. е. «сборов на удовлетворение местных потребностей края». «Я приступаю к упомянутым преобразованиям в уверенности, — патетически заявлял Кауфман, — что они будут способствовать развитию земледелия, главного источника вашего благосостояния, уничтожению вредных споров и многих злоупотреблений, неизбежных при ныне существующих порядках»[46]. Слов нет — намерения благие, но на деле — одна форма эксплуатации, грубая и открыто грабительская, заменялась другой, но не менее эксплуататорской.

Даже у горожан основной сферой производства в дореволюционном Оше было занятие сельским хозяйством. Отсюда и основной формой налоговой эксплуатации являлся поземельный налог с урожая зерновых или бахчевых культур, с содержащегося скота. Затем уже шли подати с изделий ремесленного производства, с торговли. Это — государственные налоги. Наемные работники и рабочие ремесленных предприятий эсплуатировались хозяевами, присваивавшими их прибавочный продукт.

Кроме земских существовали общественные сборы, идущие на содержание местного управления, расходы на постройку школ, устройство дорог и т. д. В Ферганской области основная их сумма тратилась на содержание конных караульщиков и стражников, и только 30% средств шло по назначению.

Налоги и подати взимались как в натуральном выражении, так и деньгами. Широко практиковалась трудовая повинность — привлечение горожан на общественные работы. Была распространена и откупная система налогов, усугублявшая их тяжесть. Практически неограниченный рабочий день колебался от 12 до 15 часов в сутки.

Несмотря на то, что царские власти усиленно пытались представить дело таким образом, что новая налоговая система была благом для населения, конкретные данные той же туркестанской низовой администрации

показывают, что налоговый гнет был обременительным и в целом непосильным. Об этом свидетельствует, в частности, таблица недоимок по городам и уездам Ферганской области.

Возьмем для примера только один 1887 г. По Ошу недоимки по всем статьям в этом году достигали 510 руб. А по Ошскому уезду: недоимки кибиточной подати составляли 1595 руб., оброчной — 6037, сбора взамен натуральной повинности и на расходы, имеющие характер земских, — 1534, сбор на содержание «туземной» администрации — 1889, сбор на возмещение расходов правительства по общественно-податной организации — 2247, по разным другим статьям — 1712 руб. Таким образом, в 1887 г. по городу Ош и Ошскому уезду недоимок накопилось 30491 руб.[47]

Главным источником поступления доходов царской казны в Туркестанском крае являлся поземельный налог, который с 1886 г. составлял 10% всех сборов с оседлого населения, обрабатывавшего орошаемые богарные земли. Он взимался как с сельского населения Ошского уезда, так и с горожан, занимавшихся земледельческим хозяйством, и выделенных администрацией (как отмечалось ранее) для удобства их налогообложения в отдельную Ошскую волость. Сравнительно с предшествующим десятилетием сумма поземельного налога в 1886 г. увеличилась фактически вдвое. Кроме того, все горожане были обязаны вносить государственный налог с недвижимого имущества. С 1885 г. были введены сборы за право торговли и занятия промыслами, а с 1899 г. — государственный промысловый налог[48].

Усиление тяжелого национального и социального гнета царизма и господствующих классов империи над трудящимися города и села в Туркестане в конце XIX — начале XX в. вызывало в ответ нарастание социального протеста многонациональных угнетенных масс края, сближало их на почве классовой солидарности против царских и «своих» местных эксплуататоров. Не оставалась в стороне от этой борьбы и трудовая часть горожан Оша и его уезда, сопротивление которых двойному гнету принимало различные, подчас резкие формы, поднимаясь до открытых массовых выступлений в период империализма и кануна социалистической революции в стране.

Памятники Оша и культура горожан

Дореволюционный Ош был не очень богат историко-архитектурными памятниками, тем не менее отдельные из них, даже не сохранившиеся до наших дней, заслуживают если не описания, то хотя бы упоминания. В основном — это культовые сооружения. Мы можем назвать гумбез Курбанджан-датхи, построенный у подножья Сулейман-горы в 1907 г.; мечеть Мухаммада Юсупа-Байходжи, возведенную в 1909—1910 гг., рядом с ней располагавшуюся купольную мечеть Сыдыкбая XIX в., мазар Мухаммеда Рахима начала XX в., гарнизонную церковь Михайло-Архангельскую, построенную для военных чинов и православных переселенцев в 80-х годах XIX в., перестроенную в наше время под Дом культуры. В отчете о состоянии Туркестанской епархии за 1885 г. читаем: «Церковь ошская — Михайло-Архангельская... построена из сырцового кирпича, покрыта железом и даже имеет деревянную главу. Церковные колокола висят под навесом, но утварью и ризницею и даже библиотекой церковь снабжена достаточно»[49]. Отсюда, от церкви, по замыслам военной администрации Оша и должна была распространяться «культура» среди местных жителей и переселенцев.

Но самым знаменитым, восходящим своими истоками в древность, был уже упоминавшийся мавзолей Асаф ибн Бурхия, последняя перестройка которого относится к концу XIX — началу XX в. К северному склону Сулейман-горы примыкает старинный жилой массив, где и в настоящее время встречаются прекрасные образцы народной архитектуры XIX — начала XX в.

Примечательным культовым памятником Сулейман-горы является гузарная (квартальная) мечеть Мухаммада Юсупа Байходжи-оглы (на пересечении современных улиц Алебастровая и Тельмана). В плане это — прямоугольник, разделенный на два почти квадратных помещения — зимнее и летнее молельные помещения. Летнее представляет собой айван с михрабной нишей и резными деревянными колоннами, стены которого богато декорированы резным гипсом, а потолки расписаны живописным растительным орнаментом темперой и покрыты лаком. Зимнее оформлено несколько более скромно. Это типичный для Ферганской долины памятник архитектуры нового времени, которые обычно строили с двумя айванами и центральным зимним помещением.

Помимо того, что у мечети Мухаммада Юсупа Байходжи-оглы только один айван, она, по квалифицированному заключению Б. Помаскина, примечательна тем, что выполнена не как купольное сооружение, а имеет железную кровлю, что, несомненно, следует расценивать как проявление русского влияния в архитектуре города Оша начала XX в.

К мавзолею Асаф ибн Бурхия у восточного подножья Сулейман-горы в начале XX в. была пристроена мечеть Джами. В это же время был произведен ремонт и самого мавзолея — кирпичом «русского образца» с клеймами ошских кирпичных мастерских. Декор XVII—XVIII вв. был заменен так, чтобы мечеть Джами (снесена в 1978 г.) и мавзолей Асаф ибн Бурхия смотрелись единым ансамблем в стиле подобных архитектурных сооружений начала XX столетия. Невдалеке располагалось здание мечети XVI—XXVII вв. Рават Абдуллахана, многократно перестроенное к началу XX в. (ныне здесь Ошский краеведческий музей).

В конце XIX — начале XX в. в Оше продолжали функционировать медресе Алимбека-датхи (по ул. Карасуйской, где позже одно время был цирк), медресе Халмурзабая (на пересечении современных улиц Свердлова и Тельмана, на месте нынешнего кинотеатра «Космос»), Тюрк-медресе (где позже помещался узбекский музыкально-драматический театр) и другие. В мектебах при мечетях обучались начальной грамоте и чтению корана, в медресе овладевали азами знаний дети состоятельных мусульманских горожан.

Имеющиеся в различных источниках и публикациях сведения о числе учителей и учащихся ошских конфессиональных школ (мектебах при мечетях, корихонах, медресе) отрывочны, а нередко и противоречивы. Видимо, их число не было постоянным, так как учителя в них содержались на добровольные пожертвования родителей учащихся, постоянно и заметно колебалась и численность обучавшихся. Хотя архивные и дореволюционные источники противоречивы в определении количества мечетей, мектебов, медресе и корихоне в Оше и уезде, но во всех случаях наблюдаем общую тенденцию их роста. Так, по сведениям ошского уездного начальника подполковника Ионова, в 1883 г. в Ошской волости было 5 медресе, в уезде — 6; мечетей — соответственно 102 и 193; мектебов — 10 и 48, учеников в них — соответственно 110

и 377 [50] .Судя по рапорту военного губернатора Ферганской области, на 1 июля 1899 г. в Оше было 96 мечетей, в уезде (без города) — 114, всего в уезде с городом — 210 мечетей [51]. А по обзору Ферганской области за 1900 г., в Оше насчитывалось 154 мечети (в уезде — 342) и 7 мазаров (в уезде 8) [52]. По данным на 1903 г., в городе было 5 медресе, 8 корихоне, 26 мужских мектебов и 17 женских [53].

Низкий общеобразовательный уровень учащихся подобных школ определялся уже тем, что зачастую и для самих малограмотных учителей — мулл арабское схоластическое образование являлось поистине «грамотой за семью печатями».

Одним из каналов приобщения коренного населения горного края к передовой русской культуре, к мировой цивилизации послужили немногие первые светские школы с библиотечками при них, медицинские и ветеринарные пункты, открывавшиеся в первую очередь в уездных центрах. Стараниями передовой русской интеллигенции через них в жизнь киргизских трудящихся проникали первые лучи научных знаний. Так, первые светские школы в Оше появились лишь после вхождения Южной Киргизии в состав России (1876 г.) Это были приходское училище для совместного обучения детей обоего пола, открытое 1 июля 1878 г., и открытая почти через десять лет (15 января 1887 г.) русско-туземная школа

Первое было предназначено для начального образования детей русских горожан, вторая — детей коренного населения.

Преподавание в Ошском приходском училище велось по особой программе, выработанной для этого типа школ в Туркестанском крае, чтобы окончившие ее дети чиновников, офицеров и богатых горожан получили подготовку к поступлению в среднее учебное заведение. В 1897 г. в училище было всего 19 учащихся (7 мальчиков и 12 девочек), а в 1905 г. — 35. Но и тогда преподавали в ней всего 2 учителя: один — выпускник Туркестанской учительской семинарии в Ташкенте и законоучитель; не имело училище и специально построенного здания. С увеличением числа русских жителей в городе и детей школьного возраста (в 1913 г. в училище обучалось 64 ученика, в том числе 31 ученица) горожане все острее чувствовали необходимость открытия вместо приходского училища городского (о гимназии не смели и

мечтать). Это признавали желательным даже ошские власти, в общем-то крайне мало заботившиеся о развитии народного образования.

После открытия русско-туземной школы в ней обучалось всего 11 мальчиков, в 1897 г. — 20, в 1902—1914 гг. число учеников колебалось от 18 до 42, преимущественно это были дети из состоятельных семей. Примечательно, что с 1887 г. при русско-туземной школе были также открыты вечерние курсы для взрослых. Их обучение ограничивалось основами русской и «мусульманской» грамоты, да еще законами четырых арифметических действий. Посещали эти курсы первоначально лишь 5 человек, в 1895 г. — 13, в 1914 г. — 25 человек. Благодаря русско-туземным школам и курсам для взрослых, русским языком, хотя и в незначительном числе, овладевали представители узбекского, киргизского и дунганского народов. Это, конечно, положительно сказывалось на их общении с русскими трудовыми переселенцами.

Однако, несмотря даже на такую постановку образовательного дела, в Оше горожане читали книги, по рукам ходили рукописные сочинения, печатная и литографическая продукция, имелись даже книжные торговые точки. По материалам ревизии Туркестанского края К. К. Палена, в начале XX в. в Оше значилось три книжные мусульманские лавки [54]. Англичанка Мэри Голсворт, автор книги по истории дореволюционного Туркестана, приводит данные о количестве книжных магазинов в Оше, в которых до революции можно было приобрести литературу на местных языках: 1904 г. — 1 магазин, 1912 г. — 4; 1913 г. — 3 магазина [55]. Конечно, это не книжные магазины в нашем представлении, а, скорее, скудные торговые лавочки. Но все же для дореволюционного Оша, да и Киргизии в целом, это немало значило. В них-то и продавались рукописные среднеазиатские книги и первые литографические издания, собирание их нашими экспедициями началось с 1976 г. В основном это — сочинения по мусульманскому праву — фикху, или так называемые «шариатские книги». Одна из них — известное и широко распространенное по всей Средней Азии сокращенное изложение комментария к знаменитой «Ал-Хидайа» Бурхан ад-дина ал-Маргинани (ум. в 593 г. х., т. е. в 1197 г.). Комментарии составил Шамс ад-дин Махмуд ал-Бухари в начале XVII в., автор сочинения под названием «Мухтасар ал-Викайа»

Убайдаллах ибн Масуд (первая половина XIV в.). Известны разные издания, а также рукописи этого сочинения. Но приобретенный литографический экземпляр интересен своим двуязычием: в нем оригинальный арабский текст «Мухтасара» сопровождается тюркским подстрочным переводом и обширным комментарием в стихах («назм») тоже по-тюркски. Принадлежало сочинение, судя по пометкам, ташкентскому ишану Рахимходже, сыну ишана Али-ходжи. Книга издана в Ташкенте, отпечатана в типолитографии В. М. Ильина в 1900 г., как и когда попала в Ош — не выяснено.

Несмотря на то, что сочинений по фикху, подобных «Мухтасару», известно множество, и встречаются они в больших количествах повсеместно в Средней Азии и Казахстане, данный экземпляр особенно интересен языковедам — иранистам и тюркологам как образец практического книжного перевода XIX в., небезынтересен он и для занимающихся вопросами истории культуры Киргизстана как прямое свидетельство хождения среди жителей Оша до революции подобной книжной продукции.

В Оше были приобретены «Собрание трактатов ибн Абидина» — сборник правоведческих сочинений известного сирийского факиха ханифийского толка Сайида Мухаммада Амина афанди (1784—1836 гг.). Книга издана попечением Мухаммада Хашима ал-Кутуби Каирским издательством «Дар-и саадат» и отпечатана в типографии османской газетной компании в 1325 г. х., т. е. в 1907/8 г.

В сборнике представлено 25 различных трактатов Ибн Абидина по вопросам теоретической и практической мусульманской юриспруденции, шариатской судебно-правовой системы, являющейся по сути всеобъемлющим кодексом и регулятором всех без исключения сторон жизни и деятельности мусульман. На основании подобных трактатов создавались многотомные практические руководства для казиев и муфтиев.

Ош и непосредственно Сулейман-гора были известными центрами поклонения мусульман и здесь, естественно, распространялась в первую очередь исламская религиозная литература. Всевозможные «святые», дервиши, муфтии, казии были хранителями и распространителями мусульманских канонов веры и быта, которые заменяли просвещение и науку, медицину и здравоохранение.

Первые медицинские пункты в Оше, как и светские школы, появились лишь после организации Ферганской области в 1876 г. В Ошском, как и других уездах, не было врачебных участков для сельского коренного населения, а должность уездного врача (он же и городской) замещалась военным медиком.

В конце XIX в. в Оше уже имелась помимо фельдшерского пункта 1 больница на 15 коек. Амбулаторный прием вели врач и фельдшер (за 1899 г. они обслужили 3070 больных), а прививки против оспы делали обученные ими оспопрививатели. По некоторым данным, в начале XX в. была открыта еще лечебница для женщин коренной национальности.

В 1907—1913 гг. весь медперсонал города, насчитывавшего несколько десятков тысяч жителей, состоял из 6—8 человек, включая фармацевта, акушерку и нескольких оспопрививателей (2—4 оспопрививателя делали за год примерно 2000 прививок).

В целом медико-санитарное обслуживание трудящихся горожан, особенно жителей «старого» города, и накануне Великого Октября оставалось крайне неудовлетворительным. Врачебно-медицинское обслуживание распространялось в первую очередь на представителей уездно-городской верхушки, лиц привилегированных сословий, а также немногих крупных местных торговцев.

Блестящее начало разностороннему изучению юга Киргизии еще в «ханское» время положил Алексей Павлович Федченко (1844—1873) — талантливый натуралист и ученый-путешественник. Его исследования вновь присоединных к России среднеазиатских земель в 1868 г. — весной 1871 г. велись по поручению Московского общества любителей естествознания. А летом 1871 г. А. П. Федченко с женой Ольгой Александровной, препаратором, переводчиком и сопровождавшими их ханскими джигитами совершил с немалыми трудностями путешествие на Алай, куда еще не ступала нога ученого-европейца. С перевала Тенгиз-бай (Исфайрам) они увидели Заалайский хребет, через который лежал путь к «заоблачной Памирской выси». Но из-за противодействия кокандских чиновников проникнуть далее на юг — к неведомому Памиру — не удалось. Пришлось возвращаться назад в Ташкент, с посещением при этом Оша, Гульчи и Узгена. О. А. Федченко сделала в пути ряд зарисовок, в том числе видов Алая и Заалайского хреб-

та, а также узгенских древностей, краткое описание которых составил А. П. Федченко. Только в этом заключительном своем путешествии А. П. Федченко открыл Заалайский хребет и его наивысшую точку (ныне пик В. И. Ленина), собрал обширные ботанические и зоологические коллекции, выяснил орографическое строение посещаемых областей. Широкий диапазон его научных интересов — от вопросов физической географии до этнографии среднеазиатского населения — отражает его описание путешествия в Кокандское ханство [56]. Его научные труды, столь интересные для современников, не утратили познавательно-исторического значения и в наши дни.

С ликвидацией Кокандского ханства и вхождением южнокиргизских земель в состав России создались благоприятные условия для продолжения исследований Восточного Прифергапья и Памиро-Алайской горной системы. В числе тех, кто приумножил начинания А. П. Федченко в этом регионе, были участники военно-научной экспедиции М. Д. Скобелева на Алай (натуралист В. Ф. Ошанин, статистик Л. Ф. Костенко и др.), зоолог Н. А. Северцов, академик А. Ф. Миддендорф, геолог Д. Л. Иванов, ботаник В. И. Липский, климатолог А. И. Воейков, географ Г. Е. Грум-Гржимайло, путешественники Б. Л. Тагеев (Рустам-бек), Б. Л. Громбчевский и многие-многие другие ученые, исследователи и путешественники, пути которых пролегали также в соседние страны зарубежного Востока. При этом базой, начальным, транзитным и конечным пунктом их маршрутов большей частью служил г. Ош. В 1891 г. при содействии РГО совершил путешествие из Оша в Северную Индию Н. С. Голицин, а в 1898 г. — в обратном направлении — В. Ф. Новицкий, награжденный РГО Малой золотой медалью за сообщение о своем путешествии. Вполне понятно, что все путешественники посвятили Ошу и его жителям, оказывавшим исследователям посильное дружественное содействие, ряд описаний в своих отчетах, записках, публикациях и сочинениях.

При отсутствии общедоступных клубов, библиотек и других культпросветучреждений некоторую роль в бедной событиями общественно-культурной жизни города играло так называемое «военное собрание» (дворянские собрания в среднеазиатских городах отсутствовали, имелись же либо общественные, либо военные собрания при

наличии в привилегированной части горожан значительной офицерской прослойки). Так, изредка в Ошском военном собрании, а то и в солдатских казармах или городском саду давались концерты приезжих артистов и ставились (с 1877 г.) спектакли местными любителями драматического искусства, в том числе пьесы Н. А. Островского «Бедность не порок», «Доходное место», «Лес» и др. Пользовались популярностью у передовой части горожан также встречи с видными путешественниками — исследователями Памиро-Алая, а лекции Н. А. Северцова, Г. Е. Грум-Гржимайло, И. В. Мушкетова, Г. Д. Романовского, Н. Л. Корженевского, В. В. Бартольда и других участников отечественных и зарубежных экспедиций привлекали внимание интеллигентной общественности города.

Ош был отправной точкой для научных экспедиций на Алай и Памир не только русских ученых, но и иностранных путешественников. Здесь снаряжались в поход на Памир в 80-х годах XIX в. французские экспедиции супругов Уйфальви и под руководством Г. Бонвало, памиро-алайская экспедиция немецко-австрийского клуба Р. Рикмерса и многие другие. Отсюда отправлялась в опасное путешествие на Памир датская научная экспедиция поручика О. Олуфсена. Ош являлся отправным пунктом путешествия Фельстона и других зарубежных ученых и путешественников. О. Олуфсен, например, в своем описании путешествия на Памир в 1898—1899 гг. отмечал, что Ош был местом, откуда начинали свой путь на Памир и Алай многие экспедиции. Особо указывал, что именно в Оше закупалось необходимое снаряжение для экспедиции — лошади, продовольствие, различные грузы, а также именно здесь нанимали проводников [57]. Правда, в своей предвзятости относительно «русской угрозы Индии» отдельные, особенно английские, авторы усматривали именно в Оше и опорный пункт мнимой угрозы против Британской Индии [58].

Но большинство экспедиций, не преследуя политических целей, ставили перед собою научные задачи. Некоторые путешественники были восторженными романтиками, непомерно идеализировавшими простоту кочевого быта и жизни, даже призывавшими «испорченный» цивилизацией мир назад, к природе, к естеству. «Мне понятна жизнь цыган, туркменов, арабов и киргизов — всех этих кочевников подобно божьим тварям вольно

живущим на свободе под открытым небом, этих детей больших просторов, где ни взгляд, ни движение, ни мысль не встречают преграды, — писал француз Гийом Капю — ... Таковы и киргизы, едущие рысью по степи под аккомпанимент мелодичных напевов своих певцов; некогда их неукротимые отряды сражались здесь с солдатами Ак-Паши. Таковыми же были и гунны, и воины Чингиз-хана, которые подобно урагану обрушивались на народы Запада» [59].

Надо ли говорить, что такой взгляд на историю едва ли можно назвать научным. Но естественно-исторические исследования зарубежных ученых раскрывали перед наукой Запада новые горизонты, открывали новый, почти неведомый мир, малоизвестные и неизвестные восточные племена и народы.

А ностальгию по первобытному прошлому, пожалуй, можно рассматривать как один из литературных приемов: «Чтобы впоследствии, когда я вновь испытаю влияние другой среды, — писал, будучи в центре Алая, Г. Капю, — лучше вспомнить о том благостном довольстве, которое я испытываю теперь посреди дикой жизни, я записал себе в дневник крик своей души: «Люди, путешествующие по Европе, и вы, рабы цивилизации, вы не знаете очарованья юрты и симфонии до-мажор в исполнении кипящего чайника, котла с пловом, булькающего кальяна и завываний бури, всей поэзии кочевой жизни, острые воспоминания о которой и неизбывная тяга к ней навсегда оставят у меня сожаление о прошлом, которое уже никогда не повторится!» [60]. Вскоре автор благополучно вернулся в Париж, выпустил в издательстве «Ашет» в 1890 г. небезынтересную книгу под названием «Крыша мира (Памир)».

Наиболее ценные практические результаты в исследовании ранее неизведанного края, воссоздании забытых страниц истории киргизского народа были получены русскими учеными и путешественниками, внесшими свой вклад и в создание первых научно-практических ячеек в Оше и на юге Киргизии.

Первой весьма скромной из них явилась учрежденная с 1 июля 1878 г. в Оше известным ученым-путешественником Н. А. Северцовым метеостанция. Впоследствии академик Чернышев, посетивший Среднюю Азию после разрушительного Андижанского землетрясения

1902 г., рекомендовал открыть в Оше сейсмическую станцию 2-го разряда [61].

Неотложные нужды сельского хозяйства и торговли в крае подтолкнули власти к созданию в 1900 г. в Оше пункта ветеринарного надзора для осмотра проходящих из Семиречья в Фергану гуртов скота. Затем уже в предвоенное время и годы первой мировой войны город стал местом пребывания инструкторов по хлопководству и пчеловодству; были открыты также пункт проката сельскохозяйственных машин и ошское опытное поле по богарному («сухому») земледелию в уезде [62].

Уже этот краткий обзор состояния культуры в Оше свидетельствует о значении города как общественно-культурного центра обширного Ошского уезда, наличии острых социальных и национальных контрастов в сфере культуры и быта горожан, между новой и старой частями города и повсеместном проявлении реакционной «просветительной» политики царизма, который вместе с господствующими классами стремился держать трудящиеся массы в темноте и невежестве.

Народные выступления в конце XIX в.

Выступления горожан Оша и сельских жителей уезда в 80—90-х годах XIX в. являлись частью народных волнений в Ферганской области. Повсеместно они вызывались одинаковыми социально-экономическими причинами, будучи направлены против усиления колониального гнета и притеснений местной эксплуататорской верхушки. Религиозная окраска или участие в руководстве некоторыми из них феодальных элементов не меняли в целом их общей антиколониальной и антифеодальной направленности.

Вслед за подавлением в начале 1882 г. войсками выступлений жителей г. Намангана против усиления налогового гнета в сентябре того же года две сотни бедняков Оша пытались напасть на дом уездного начальника, но были разогнаны подоспевшей из Маргелана казачьей сотней [63]. Эти выступления выражали активный протест трудящихся горожан и дехканства против введения нового поземельно-податного обложения в Фергане.

Власти Ошского уезда были чрезвычайно обеспокоены и брожением среди киргизского населения в верховьях р. Ак-Бура в 1884 г., а также последующими народными волнениями, нападениями на «туземную» администрацию в других горных местностях уезда в 1885 г.

То был прямой отклик сельской бедноты на крупное восстание в восточной части Ферганы, известное в литературе как восстание Дервиш-хана [64]. Народная молва, дошедшая и до уездных властей, говорила о присылке ошским киргизам писем с призывами «к возмущению». Ходили слухи и об организации летом 1885 г. в Ошском и соседнем Андижанском уездах вооруженных отрядов, возглавленных состоятельным местным землевладельцем Дервиш-ханом. При неблагоприятном исходе в столкновениях с царскими карательными отрядами временные попутчики повстанцев — феодально-клерикальные элементы, стремившиеся к «ниспровержению русской власти и восстановлению мусульманского владычества в Фергане», предавали рядовых участников народных восстаний, боровшихся против двойного гнета.

Неспокойно было в Ошском и соседних с ним уездах Ферганской области также в 1887 и 1891 гг., когда среди населения Оша и уезда распространялись тревожившие администрацию слухи об организации на местах повстанческих отрядов для борьбы против ненавистных народу царских властей и местных богачей. В 1887 г. уездные власти напали на след бухарца Сеид Мир Ходжина, который выдавал себя за Нусрат-хана, якобы потомка Тамерлана и помощника самого пророка. Он пытался поднять население, чтобы «освободить» край от «неверных», а самому стать ханом. Этот один из новоявленных лжеханов бывал в Оше и был знаком с Нурматом-пансатом — участником восстания Джетим-хана.

Но самым крупным выступлением в Средней Азии в конце XIX в. по числу активных участников, размаху охваченных недовольством районов было так называемое Андижанское восстание 1898 г. Хотя оно возглавлялось реакционно-клерикальными элементами, в восстании участвовали и трудовые массы. Властями по делу о восстании было привлечено 257 киргизов.

По данным русского военного историка М. А. Терентьева, знакомого с материалами следствия, по замыслу руководителя восстания ишана из кишлака Мин-Тюбе Магомед-Али Халифа Мухамед-Сабир Оглы (сокращенно Мадали, по прозвищу Дукчи-ишан, или «веретенщик», что говорит о его профессии) повстанцы должны были одновременно и внезапно напасть на русские военные лагеря под Маргеланом, у Оша и Андижана. После овладения этими городами, а затем и Наманганом

ишан и его окружение намерены были восстановить прежнее Кокандское ханство, сделав ханом племянника Мадали, а если удастся поднять весь народ, то взять еще Ташкент и Самарканд и «выгнать русских из края» [65]. Конечно, эти далеко идущие цели ишана были чужды рядовым участникам движения, которые, возможно, в них и не посвящались. Восстание началось нападением восставших на русский лагерь под Андижаном ночью. Овладение городом, являвшимся форпостом русского царизма в крае, составляло одну из первоочередных задач повстанцев, но она не была осуществлена из-за предательства примкнувших поначалу к восстанию представителей феодально-родовой знати. Сборным пунктом повстанцев для нападения на ошский гарнизон был назначен Тамчи-Булак в 20 верстах от города, вблизи границы между Ошским и Маргеланским уездами. Вечером 17 мая 1898 г. сюда собралось около 300 человек восставших из Наукатской волости, вооруженных палками, ножами и т. п. Предводителем нападающих ишан назначил Оморбека Алимова, которому должны были подчиняться мюриды Мадали. Собравшиеся еще поджидали своих сообщников, но прискакавший пятидесятник сообщил о выезде из Оша уездного начальника с охраной, и все поспешно скрылись, поняв, что намерения их стали известны властям.

Действительно, о волнении среди наукатцев, готовивших нападение на Ош, уездный начальник подполковник Зайцев узнал через волостного Карабека Хасанова — одного из сыновей Курбанджан-датхи. Тотчас же была послана тревожная телеграмма военному губернатору в Маргелан, а стоявшему в Оше 4-му туркестанскому батальону было приказано принять все меры к защите «русской» части города. Для охраны города была выставлена дежурная рота, а две другие стояли в полной боевой готовности, была поднята на ноги городская полиция и караульщики, вооружена даже офицерская прислуга. Примечательно, что для наблюдения за жителями старого города и их намерениями на Сулейман-гору была послана охотничья команда [66].

Вскоре были опознаны и захвачены предводители повстанцев Оморбек Алимов и его сподвижник Сатыбай Раимбеков, а также последовала широкая волна арестов участников готовившегося восстания в городе и уезде. В этих условиях общее выступление городской

бедноты в поддержку восставших «андижанцев» не имело смысла, да и цели восстания были ей не совсем понятны, а его руководители не всем внушали доверие. Все же за время с 30 мая по 1 июля повстанцы совершили три безуспешные попытки напасть на усиленно охранявшийся пороховой склад гарнизона за городом.

Подавляя восстание, царские власти расправлялись не только с непосредственными активными участниками его, но и вообще со всеми выражавшими недовольство двойным гнетом. Решением военного суда в Оше 106 человек были осуждены к смертной казни через повешение. Боясь возбудить новое недовольство народа, царь «милостиво» заменил ее осужденным многолетней ссылкой на каторжные работы в Сибирь.

Среди репрессированных участников Андижанского восстания, после подавления его, оказался ряд горожан Оша из городских низов и полуоседлых жителей Ошского уезда.

Большинство повстанцев, как из числа киргизов, так и узбеков, были простыми дехканами подобно шорнику Мулле Абду Джалил Ганиеву из Оша [67]. Он был сослан на 10 лет в Иркутсткую губернию, где, как известно, отбывал каторгу и привлеченный по делу о восстании выдающийся киргизский акын-демократ Токтогул Сатылганов. После ссылки Ганиев вернулся в родные края и дожил до победы Великого Октября, как и прославивший Советскую власть Токтогул Сатылганов. Но к движению, возглавленному Мадали, примкнуло немало и феодально-клерикальных элементов, ущемленных в своих правах царизмом.

Революционные события 1905—1907 гг.

Революционные выступления рабочих, горожан и дехкан на юге Киргизии в 1905—1907 гг. были составной частью первой народной революции в России периода империализма. После событий Кровавого воскресенья — 9 января 1905 г. в Петербурге под влиянием охватывавшего всю страну революционного подъема в общий поток демократических сил вливалось растущее национально-освободительное движение. Вместе со своими русскими братьями на борьбу против царизма поднялись рабочие и крестьяне Средней Азии и других национальных районов.

Уже начало забастовочного движения туркестанских рабочих, в том числе весенние забастовки шахтеров в

Кызыл-Кия и Сулюкте, сопровождалось волнениями киргизского и узбекского дехканства в Восточном Приферганье зимою (в связи с голодом) и весною 1905 г. Они вспыхивали во время перевыборов аильно-волостной администрации, при попытках кулаков-колонизаторов и переселенческих чиновников отбирать общинные киргизские земли. Так, протестующие против гнета и насилия бай-манапов и царских властей дехкане сорвали выборы низовой киргизской администрации в Булак-Башинской волости Ошского уезда, в Багышской и ряде других волостей Наманганского уезда. А в Базар-Курганской волости Андижанского уезда дехкане открыто заявили царским властям, что они хотят видеть в управлении волостями своих людей, а не лиц, «вылезших на глаза благодаря случайности и зажиточности». Когда под давлением рядовых общинников 21 марта выборщики-пятидесятники избрали в Турукской волости Ошского уезда не ставленника киргизской феодально-родовой верхушки и уездных властей, а своего представителя, то ферганский военный губернатор не утвердил результаты выборов. В других случаях, как, например, в с. Кырчин Кугартской волости Андижанского уезда, волнения дехкан подавлялись силой. То была своеобразная форма борьбы киргизских трудящихся за демократизацию низового управления на местах.

Революционный вихрь первой народной революции в России находил живой отклик как среди переселенческого, так и среди коренного населения Туркестанского края: оседлых жителей, кочевников и полукочевников, сочувственно относившихся к освободительному движению народов России и поддерживавших его своими выступлениями. Это подтверждается сведениями из документальных материалов, даже исходящих от уездно-городских властей, стремившихся зачастую представить в донесениях вышестоящему начальству положение на местах как благополучное и спокойное. Правда, однако, и то, что вследствие постоянно предпринимаемых царской администрацией «охранительных» мер в 1905 г. в Оше, в отличие от Пишпека и других более развитых в промышленном отношении уездных городов Ферганской области и областного центра — Нового Маргелана не происходило открытых политических митингов, равно как и демонстраций или шествий по улицам города «с противоправительственными речами». Причина вполь-

не ясна: отсутствие в Оше компактной массы промышленных рабочих и социал-демократической организации в этот период. Последнее, однако, не означает, что Ош оставался без внимания революционной социал-демократии Ферганы и Ташкента: 10 июня 1905 г. унтер-офицером 10-го туркестанского стрелкового батальона, стоявшего в Оше, была получена по почте изданная в Ташкенте прокламация, составленная от имени ташкентской группы Российской социал-демократической рабочей партии. Ташкентские большевики призывали солдат Оша «присоединить свой голос к товарищам саперам».

Если в 1905 г. в Оше не происходило массовых выступлений трудящихся, то от «недремлющего ока» властей, зорко следивших за общественным мнением, не укрылись случаи свободных разговоров по известиям «крайних» (левых) газет среди жителей города, чего не наблюдалось прежде. Следовательно, антиправительственные революционные издания, в том числе и социал-демократическая печать, доходили до демократически настроенной части горожан, которая обсуждала злободневные события политической жизни страны, выражая свое сочувствие революционной борьбе российского пролетариата.

В противоположность прогрессивной общественности города торгово-промышленная и чиновничья верхушка Оша поддерживала программу кадетского «Союза 17 октября». Среди жителей «старого города», по мнению властей, ранее якобы пассивно относившихся к политической жизни, теперь велись разговоры о предстоящих выборах депутата в Государственную думу. В кругах национальной буржуазии и мусульманского духовенства находила отклик «петиционная кампания» — попытка выторговать у царизма мелкие уступки.

Весною и летом 1905 г. в ряде мест Ошского уезда, как и в других районах Ферганской области, участились волнения среди киргизского населения в связи с выборами низовой администрации [68]. В «беспорядках» при выборах в с. Кашгар-Кишлак Андижанского уезда, устраненных с помощью военной силы, принимали участие киргизы-кочевники из предгорного аила Массы (ныне центр Ленинского района Ошской области). Беднота отвергла байского ставленника и выдвинула популярного в народе кандидата Х. Авазова, судимого ранее за сопротивление властям. Однако уездная администрация

не утвердила его избрание, назначив волостным угодного им Х. Халимбаева, что вызвало резкое возмущение рядовых общинников.

По указанию военного губернатора уездные начальники предприняли ряд охранительных мер, опасаясь массовых выступлений киргизского, узбекского и таджикского трудового населения в области. В ответ на замеченное среди киргизов брожение, вызванное, по мнению низовых властей, доходящими до них слухами «противоправительственного характера», 27 апреля 1905 г. ошскому и другим уездным начальникам был направлен секретный циркуляр об усилении надзора за коренным населением, а в случае появления агитаторов — о немедленном принятии мер к их аресту и высылке.

Помимо борьбы за демократизацию низовой администрации, киргизские дехкане проявляли недовольство налоговым гнетом. Не удивительно, что в мае 1905 г. среди ошских киргизов даже распространился слух о якобы имевшем место «бунте» против налогов среди их соотечественников в Семиречье.

Дехкане Ошского и других уездов Ферганской области также выступали против изъятия общинных земель в колонизационный фонд. Настойчивые слухи о том, что земли киргизов-кочевников будут отобраны под переселенческие села, уездные власти сочли необходимым пресечь специальным разъяснением «прав» киргизов в вопросах землепользования. Эти факты свидетельствуют о том, что администрация вынуждена была прислушиваться к общественному мнению трудового дехканства и реагировать на это репрессивными мерами.

Борьба трудового дехканства за землю была одним из проявлений обостряющихся социальных противоречий в аиле. Киргизское население Андижанского уезда прогоняло чиновников-землемеров, не позволяя вести работы по изъятию его земель под видом «излишков» в колонизационный фонд. Так было, например, 20 июня 1905 г. вблизи с. Массы Избаскентской волости этого уезда (ныне с. Ленин-Джол Ленинского района Ошской области). Негодующая дехканская беднота Ошского и других уездов Ферганской области неоднократно подавала жалобы царским властям, протестуя против изъятия общинных земель и требуя их возвращения.

Летом и осенью 1905 г. революционное движение в южных районах Киргизии, как и в целом по Туркестан-

скому краю, продолжало нарастать. Оно проявлялось в различных формах борьбы трудящихся против двойного гнета и серьезно тревожило царскую администрацию. Ноябрьская (1905 г.) забастовка туркестанских связистов заставила власти Ошского и других уездов нанимать специальных джигитов для перевозки служебной и военной почты.

Под влиянием агитации туркестанских социал-демократов в ноябре — декабре 1905 г. происходили забастовки горнорабочих и волнения среди солдат в ферганских городах, в том числе и среди солдат 9-й роты в Оше. Предпринимались попытки создания военно-революционных организаций в туркестанских гарнизонах. Как вынуждено признавали царские власти в крае, будоражили киргизских кочевников слухи о революционных событиях «пятого года» в России, и дух свободы долетел до самых глухих, отдаленных аилов. Об этом, в частности, рапортовал начальству 14 декабря 1905 г. начальник Гульчинского гарнизона.

С подавлением Декабрьского вооруженного восстания московских рабочих — вершины буржуазно-демократической революции — царизм повсеместно ужесточил свою карательную политику. Но и в условиях спада революционного движения в 1906—1907 гг. в Туркестане, включая южнокиргизские районы, продолжались разрозненные аграрные выступления трудового дехканства. Встревоженная этим бай-манапская верхушка из Наманганского и других уездов Киргизии собралась на свой съезд летом 1906 г. в Кетмень-Тюбе, чтобы выработать меры против волновавшейся безземельной бедноты. И царские власти Ферганской и Самаркандской областей неоднократно и с тревогой отмечали даже рост нападений дехканской бедноты на своих угнетателей. В их числе — покушение на бия (судью) в Майли-Сайской волости Андижанского уезда в ноябре 1906 г., совершенное, по мнению администрации, «по политическим мотивам». Население по-прежнему отказывалось платить царские налоги, в связи с чем возрастала сумма так называемых недоимок (особенно по Ходжентскому уезду Самаркандской области), саботировало исполнение многочисленных казенных повинностей.

В 1906 г. нарастала активная агитационно-пропагандистская деятельность социал-демократов среди ошской городской бедноты, демократически настроенной

интеллигенции. Это связано, в частности, с высылкой сюда поднадзорных революционеров — Д. Е. Чуракова, В. В. Особо и других участников раскрытого подпольного кружка среди солдат Маргеланского гарнизона, а также с поездкой по ферганским городам видного большевистского агитатора и пропагандиста В. В. Быховского. В начале 1906 г. буровой мастер Дмитрий Егорович Чураков, член РСДРП с 1902 г., был выслан из Баку в Ош на поселение под надзор за участие в революционном движении бакинского пролетариата. Но и на новом месте он не прекращал революционную деятельность, выезжал из Оша на нефтепромыслы в Чимион и другие пункты Ферганы для налаживания связей с передовыми рабочими и местными социал-демократами. В конце года, когда начались репрессии против членов социал-демократической группы и среди солдат Ошской ссыльной роты, он попадает за решетку как активный член этой группы, деятельность которого не могла не быть замеченной властями.

Революционное брожение среди горожан и сельских жителей из среды коренного населения в Ошском и других уездах Ферганы не давало покоя царским властям. Это обстоятельство вызвало появление 11 января 1906 г. нового секретного циркуляра ферганского военного губернатора ошскому и другим уездным начальникам, а также полицмейстерам городов, подтверждающего вновь «необходимость зорко следить за настроением в нынешнее тревожное время» и в случае появления среди него агитаторов с целью возбуждения населения против правительства, доносить немедленно о том губернатору, принимая все возможные меры к устранению их влияния на население. Напуганный крупными выступлениями рабочих и волнениями среди распропагандированных социал-демократами солдат местных гарнизонов, Ош в том числе, военный губернатор области, не довольствуясь длительно действующим положением об усиленной охране, добился введения с 17 сентября положения о чрезвычайной охране в области с предоставлением ему прав главнокомандующего [69]. Ферганская администрация использовала войска, в том числе и ошского гарнизона, для предупреждения и подавления народных волнений. Так, когда в Туркестан прибыл по специальному поручению царя генерал Максимович, для демонстрации сил царских властей на смотр в Фергану

были вызваны и войска из Оша. А когда в Оше были получены панические известия о нападении киргизов на почтовую станцию Ак-Босого (по дороге в Кашгар), туда, не дожидаясь подтверждения, из города была направлена военно-охотничья команда.

Несмотря на поражение первой российской революции, ее политические уроки и опыт не прошли даром для трудящихся масс страны, повсеместно сохранивших верность революционным традициям «пятого года». По известному определению В. И. Ленина, революция 1905—1907 гг. послужила «генеральной репетицией» Февраля 1917 г. и победы Великого Октября.

*
* *

Хотя народные выступления в 1905—1907 гг. в Туркестане и на юге Киргизии властям и удалось подавить, но причины, вызвавшие их, не были устранены. Выступления трудящихся против угнетателей не прекратились в годы реакции и нового революционного подъема. Жестокие репрессии против социал-демократов Оша в начале 1907 г. нанесли заметный урон развитию революционного движения в городе, хотя они и не могли заглушить острого недовольства трудящихся социальным и национальным гнетом и пресечь появления новых революционеров. Немногие сохранившиеся документы свидетельствуют о проявлениях протеста со стороны представителей коренного населения против царских властей и местной эксплуататорской верхушки. Так, уже в 1908 г. распоряжением туркестанского генерал-губернатора были высланы за пределы края сроком на 5 лет трое жителей г. Ош «как люди вредные и неблагонадежные в политическом отношении».

Осенью 1909 г. большое возбуждение царило в городе в связи с бунтом 9 сентября арестантов Ошской городской тюрьмы, протестовавших против нечеловеческих условий заключения (в камерах-душегубках, рассчитанных на 60 человек, власти держали 115 осужденных), жестокого обращения начальника тюрьмы и надзирателей. В результате схватки с тюремной охраной пострадало 10 человек из числа надзирателей и охранников и было убито 10 арестантов и 9 ранено. Это стихийное выступление без поддержки извне было жейсточайше

подавлено властями, а состоявшийся затем в Оше военно-полевой суд приговорил 11 человек заключенных к смертной казни и 19 — к каторжным работам в Сибири на срок от 6 до 20 лет. В числе осужденных были и жители окрестных киргизских и узбекских селений [70].

В 1910 г. среди горожан Оша произошли волнения в связи с выборами мударисса — преподавателя в одном из духовных училищ; а в конце года — за «дерзкое» оскорбительное выражение в адрес царя был осужден житель Оша Рахматулла Абдул Вагапов. Свою ненависть к царю-палачу трудящиеся Киргизии проявили и в 1913 г., отказываясь вывешивать портреты Николая II «кровавого» в честь 300-летия династии Романовых.

Таковы факты о проявлениях революционного движения среди трудящихся г. Оша и уезда в годы реакции и нового революционного подъема, ко времени первой мировой войны 1914 г.

Восстание 1916 г.

Глубокое недовольство царским правительством, его антинародной внешней и внутренней политикой проявилось, в частности, в стихийных антивоенных выступлениях в Центральной России и на среднеазиатских окраинах страны сразу же после первых мобилизаций запасных солдат. В их длинном ряду — и выступление 21—22 июля 1914 г. на Андижанском сборном пункте призванных в армию крестьян и горожан, у которых дома оставались необеспеченные семьи и несжатый урожай. Среди активных участников антивоенных выступлений в Андижане власти особо отмечали мобилизованных из поселков южной части Киргизии, призванных в Джалал-Абадском и Кугартском участках.

В августе 1914 и осенью 1915 г. бастовали сулюктинские горняки, хотя это грозило им отправкой на фронт, недовольство зрело и среди рабочих Ошского хлопкоочистительного завода, где работали преимущественно узбеки и киргизы.

Положение трудящихся сельчан и горожан значительно ухудшалось с каждым месяцем войны в связи с нараставшей хозяйственной разрухой, денежной инфляцией, острой нехваткой и дороговизной продуктов и товаров первой необходимости. На их спекуляции баснословно наживались торговцы, кулаки и баи, грели руки и чиновники из уездно-городских органов власти, ведавшие продовольственным делом. Трудовое коренное

население Оша и уезда, как и всего Туркестанского края, особенно страдало от непомерно тяжелого налогового гнета. Царизм, всегда опасавшийся введения воинской повинности для «инородцев» (так презрительно именовали чиновники коренное население Средней Азии и Казахстана), ввел взамен нее дополнительный военный налог. Это резко ухудшило состояние хозяйства дехкан и городских ремесленников из трудовой части местного киргизского, узбекского и таджикского населения в Ошском и соседних уездах на юге Киргизии. Военный налог, введенный с 1 января 1915 г. на последующее трехлетие, взимался в размере 21% дополнительно с государственных налогов, с городских недвижимых имуществ и промыслового, поземельной государственной подати, государственной оброчной подати и кибиточного сбора. Опутанные долгами у ростовщиков и комиссионеров текстильных фирм, хлопкоробы из Джалал-Абадской волости Андижанского уезда и соседних волостей Ошского и других уездов, выражали недовольство установленными властями низкими ценами на хлопок, которые, как писали джалалабадцы в жалобе туркестанскому генерал-губернатору, не оправдывают даже расходы на обработку хлопковых полей [71]. И это в то время, когда на железные и медные изделия, мануфактуру, чай и другие фабрично-заводские товары и продукты цены баснословно возрастали. Общинники-скотоводы Гульчинско-Алайского района также возмущались низкими ценами на скот и лошадей, которые закупались у них представителями военного ведомства.

Чашу народного терпения переполнил царский указ от 25 июня 1916 г. о наборе «туземцев» на военно-тыловые работы и последовавшие затем инструкции о предоставлении льгот от него представителям низовой администрации, почетным гражданам, духовенству, учащимся медресе и другим эксплуататорским элементам, которые либо освобождались от мобилизации, либо могли выставить себе замену.

Как вспоминал старожил Оша Розахун Ахмедалы, местных трудящихся — жителей его старогородской части, киргизских кишлаков и аилов особенно возмущало, что «богачи и баи, муллы своих сыновей в списки (мобилизуемых. — *авт.*) не включали, а если попадали в список сыновья богатых, то они или откупались, или покупали бедняка, или заставляли батрака посылать сво-

его сына вместо хозяина» [72]. Широкое недовольство народов Средней Азии и Казахстана усилением национально-колониального и социального гнета вылилось в широкомасштабное восстание 1916 г. Началось оно 4 июля в г. Ходженте Самаркандской области, а 8 июля уже перекинулось в Ферганскую область, все уезды которой к 12 июля были охвачены пламенем народного восстания. Причем в Ошском уезде властями отмечались два крупных очага волнений.

В начале июля народные волнения всколыхнули и уездный центр — г. Ош. Здесь у подножья Сулейман-горы собралась десятитысячная масса жителей старого («туземного») города, соседних кишлаков и аилов. Городская и сельская беднота — ремесленники, мардикеры, чайрикеры гневно протестовали против царского указа о принудительной мобилизации коренного мужского населения с 19 до 43 лет на военно-тыловые работы. В ответ на «отеческое» обращение уездного начальника, прибывшего сюда в окружении полицейских приставов и других чиновников, раздавались протестующие выкрики: «Сыновей не дадим!», «Воевать не будем!». А когда аксакалы, муллы и баи заодно с уездно-городскими чиновниками стали увещевать собравшихся и призывать добровольно подчиниться указу ак-падыша («белому царю»), в сторону уездного начальника со свитой и прислужниками полетели камни, кирпичи и палки, что и заставило их поспешно скрыться под защиту солдатских штыков. Зато правдивые слова выступавших затем безымянных народных агитаторов находили, как вспоминали участники этого стихийного собрания Т. Раимходжаев и К. Мирзаев, живой отклик среди узбекской и киргизской бедноты. А говорили они, что царские чиновники и поддерживавшие их волостные, сельские и аильные старшины, городские аксакалы, баи и муллы сообща угнетают местный трудовой люд, друзьями которого являются русские трудовые переселенцы. Только срочно вызванная властями карательная часть силой разогнала «бунтовщиков», арестовав наиболее активных из них [73].

Вскоре массовые волнения вспыхнули в ряде кишлаков и аилов в уезде. Особенно острый характер носили волнения, начавшиеся 10—14 июля в Булак-Башинской волости. Восставшие дехкане сел Ходжеват и Чокар на бывшем почтовом тракте из Оша в Андижан группами в 50—200 человек нападали на волостного управителя,

сельских старшин и пятидесятников, требуя выдачи списков. Повстанцы громили канцелярии, дома и имущество сельской администрации. Найденные списки мобилизуемых, а также поземельные и долговые документы уничтожали. Расправляясь с ненавистными народу царскими прислужниками из феодально-байской среды, они, однако, как признавали даже царские власти, не причиняли вреда их семьям. В равной мере нигде не пострадали трудовые русские горожане или крестьяне-переселенцы. Все это свидетельствует о том, что национально-освободительное по характеру восстание 1916 г. на юге Киргизии принимало в ряде районов классовую антифеодальную направленность.

Убоясь справедливого возмездия трудящихся, представители низового звена местной («туземной») администрации в страхе бежали в Ош под защиту своих покровителей — царских властей [74].

Вслед за первыми волнениями в Оше и Булак-Башинской волости, жестоко подавленными властями, последовали выступления дехкан в Яссинской, Гульчинской, Алайской, Наукатской и Куршабской волостях Ошского уезда, острие их также было направлено не только против царских колонизаторов, но и эксплуататорской феодально-байской верхушки. Баи и манапы, опасаясь народного гнева, посылали доверенных к уездному начальнику в Ош с просьбами прислать солдат и казаков. Так поступили, в частности, и имущие верхи населения Узгена и Узгенской волости [75]. Часть повстанцев, обычно вооруженных холодным оружием, не выдержав схватки с превосходящими силами карателей, вынуждена была скрываться в труднодоступных горных местностях Алая. По слухам, сильно беспокоившим уездные власти, где-то в окрестностях Гульчинского укрепления у повстанцев был склад огнестрельного оружия [76].

К осени разрозненные очаги восстания были повсеместно подавлены на юге Киргизии, многие из восставших подверглись жестоким репрессиям, были арестованы и судимы или, ожидая неправедного суда, томились в Ошской тюрьме. Тяжелая участь ожидала и повстанцев, взятых на военно-тыловые работы или вынужденных бежать за рубеж.

Как уже отмечалось, в целом восстание 1916 г. на юге Киргизии носило характер национально-освободительного, антиколониального и антивоенного движения,

в ряде моментов — антифеодального. Попытки некоторой реакционной части феодально-байских кругов и мусульманского духовенства придать ему антирусский характер явно не имели успеха.

События на юге Киргизии в феврале 1917 г.

Свержение 27 февраля (12 марта) 1917 г. власти царского самодержавия в Петрограде, а вскоре и в Москве восставшими рабочими и солдатами — в большинстве своем одетыми в солдатские шинели крестьянами привело уже в марте к повсеместной в стране победе второй российской буржуазно-демократической революции. Наиболее характерной ее особенностью, как в центре страны, так и на национальных окраинах, включая Туркестанский край с Киргизией, было установление двоевластия. Наряду с самочинными представительными органами власти — Советами рабочих и солдатских, а позднее и возникшими крестьянскими Советами шла организация Временного буржуазного правительства в Петрограде и его многочисленных городских и сельских органов на местах (буржуазных исполкомов и т. п. комитетов). Столь замечательно своеобразное, сложное и противоречивое политическое положение создалось повсеместно в результате победоносной Февральской революции 1917 г., которая, по выражению В. И. Ленина, «пошла дальше», чем обычная буржуазно-демократическая революция [77].

Попытки туркестанского генерал-губернатора Куропаткина и всей подчиненной ему администрации скрыть от народа победу революционного восстания над царизмом, не допустить дальнейшего революционизирования масс и коренных перемен в управлении краем, оказались тщетными. Наиболее яркими проявлениями революционной борьбы трудящихся масс были их безудержный гнев против прогнивших старорежимных порядков и ставленников царизма, организация в горном крае, как и по всей стране, Советов, идея которых возникла еще в огне первой народной революции 1905—1907 гг. Когда будоражащие вести о революции в Центральной России достигали среднеазиатских городов и селений, железнодорожных станций и шахтерских поселков, трудовое население их захватывала широкая волна политических митингов и собраний, массовых манифестаций и демонстраций, начиная от Ташкента, где уже в первых числах марта возникли Советы рабочих и солдатских депута-

тов, и кончая горными аилами на юге Киргизии. Их участники требовали немедленного смещения царских ставленников, разгона ненавистной полиции и жандармерии, освобождения политзаключенных, выступали в поддержку первых Советов, требуя справедливого демократического решения рабочего, аграрного и национального вопросов.

Когда 4 марта 1917 г. шахтеры Кызыл-Кийского рудника узнали о революционных событиях в стране и краевом центре, они послали своих представителей в областной город Скобелев (ныне г. Фергана), чтобы удостовериться в подлинности этих известий, а по возвращении своих посланцев 6 марта на общем собрании избрали первый в Киргизии рабочий Совет. В его состав вошла возглавляемая И. Е. Едренкиным группа революционно настроенных рабочих. Накануне этого кызылкийцы сорвали попытку администрации создать псевдо-Совет («Комитет») хозяйских ставленников, во главе с инженером, где был всего лишь один рабочий. Все же в Совет прошло несколько соглашателей-эсеров, тормозивших его работу в дальнейшем.

Позднее, чем кызылкийцы, о революционном перевороте в столице и создании Советов в Петрограде, Ташкенте и Ходженте (ныне г. Ленинабад Таджикской ССР) узнали от солдат Ходжентского гарнизона горняки Сулюкты. Когда горнопромышленники, прибегнув к помощи полиции, воспрепятствовали рабочим собрать митинг для избрания своего Совета, сулюктинские шахтеры, возглавляемые революционером-большевиком Д. Т. Декановым, обратились за помощью в Ходжентский Совет солдатских депутатов и при содействии его представителей 16 марта избрали рабочий Совет рудника.

Не остались в стороне от бурных политических февральско-мартовских событий 1917 г. трудящиеся Оша и его уезда. Как ни пытались напуганные победой Февральской буржуазно-демократической революции в центре страны краевые и областные власти Туркестана, как и уездные власти в Оше и других городах Ферганской области, скрыть от населения ошеломляющие известия о свержении самодержавия, вести доходили до трудящихся городов, селений, глухих кишлаков и горных аилов, вызывая ликование и торжество трудящихся. Как только известия о революционных переменах в Центральной России и Ташкенте достигли Оша, здесь, как

и в других городах Киргизстана, состоялись многолюдные митинги и демонстрации. Как вспоминает очевидец революционных событий февраля — марта 1917 г. в Оше и участник гражданской войны на юге Киргизии Д. В. Кордуб, об отречении Николая II от престола солдатам гарнизона сообщил демократически настроенный полковник, бывший фронтовик Бабицкий, который объявил, что офицеров следует теперь называть без дворянских титулов, а просто господин капитан, полковник. Умеющим читать солдатам были розданы листовки с текстом «Марсельезы», а вместо молитвы на пасху у гарнизонной церкви они пели «Отречемся от старого мира». Солдаты были предупреждены о необходимости быть начеку, и о том, что, если полиция и жандармы не сдадут добровольно оружия, разоружить их надо будет силой [78].

По сообщению газеты «Туркестанское слово», 10 марта трудящиеся «русской» и «туземной» частей города — русские, узбеки и киргизы совместно с солдатами Ошского гарнизона в едином порыве двинулись к городской тюрьме освобождать томившихся там узников — повстанцев 1916 г. и других политзаключенных. Из рук революционного народа получили свободу свыше 300 противников царизма. Это было одно из волнующих проявлений массовой интернациональной солидарности трудящихся в ходе Февральской революции на юге Киргизии. Наряду с рабочими как активная революционная сила в крае проявили себя отпускные солдаты-фронтовики, ратники из тыловых ополченческих дружин, местных воинских команд и гарнизонов в Оше, Гульче и других крупных населенных пунктах края. «Полиция, стражники и жандармы обезоружены, — рассказывалось в корреспонденции из Оша в большевистской «Правде» 23 марта 1917 г. о бурных событиях тех дней на местах. Происходили демонстрации войск с красными знаменами и лозунгами «Да здравствует свободная Россия!».

Энергия пробудившихся повсеместно к политической деятельности масс проявилась в их стремлении установить свои, народные органы власти и скорее ликвидировать царские порядки и их блюстителей.

В первое время после Февральской революции при отсутствии в Оше оформленной социал-демократической организации, немногочисленности и разобщенности по мелким производствам и мастерским рабочих и ремесленников, неорганизованности окрестного трудового

крестьянского населения — переселенческого и коренного, особенно нуждавшегося в политическом просвещении, как наиболее действенная революционная сила проявили себя демократически настроенные солдаты. Уже 14 марта 1917 г. на общем собрании в городе был создан Союз солдат Ошского гарнизона, впоследствии (с 24 марта) называемый Советом, были избраны также свои ротные комитеты. Союз состоял из 17 депутатов, избранных путем прямых выборов и тайным голосованием: 1 делегат от 50 солдат. Однако в него попали и два офицера — половина командного состава гарнизона, а первым председателем Союза стал прапорщик эсер Ветовецкий. Это уже само по себе может служить показателем все же слабой политической сознательности солдат и их доверчивости к новоявленным «защитникам» свободы в лице эсеров и меньшевиков.

По решению Ошского Совета солдатских депутатов от 27 апреля 1917 г. в городе впервые в знак солидарности с Советами Петрограда и Москвы отмечался праздник всех трудящихся — I Мая. Он проходил под лозунгом «Братство всех народов и требование декрета о восьмичасовом рабочем дне!». В этот день по центру города к церковной площади, где в 10 часов утра состоялся общегородской митинг, прошли во главе со знаменосцами колонны солдат местного гарнизона, городская и кишлачная (из окрестных селений) беднота. Собравшиеся граждане услышали о борьбе трудящихся за свое освобождение и об истории возникновения первомайского праздника. От коренного населения на митинге выступали революционеры-большевики Б. Султанов и К. Кабулджанов [79].

Наиболее стойко линию на защиту интересов трудящихся в крае проводили в своей практической деятельности рабочие Советы Сулюкты и Кызык-Кия. Весной и в начале лета 1917 г. Ошский, Ходжентский и другие уездно-городские Советы, охватывавшие своим влиянием и население южнокиргизских районов, также первоначально действовали как революционно-демократические органы власти: смещали наиболее ненавистных народу царских чиновников, заменяли полицию народной милицией из революционно настроенных солдат, поддерживали введение явочным порядком 8-часового рабочего дня на предприятиях, пытались контролировать управление городским хозяйством и снабжение

продовольствием населения и т. п. Однако эсеро-меньшевистское руководство местных Советов, пользуясь еще бессознательно-доверчивым отношением трудящихся к соглашателям-оборонцам, тормозило развертывание революционно-демократических преобразований и добровольно уступало свою реальную власть возникавшим и укреплявшимся при помощи всех антинародных элементов органам власти Временного буржуазного правительства.

Радостные, хотя на первых порах и смутные, слухи о падении ненавистного киргизскому и всем другим угнетенным народам Средней Азии самодержавного строя, «белого царя» неудержимо распространялись и в узбекских, таджикских кишлаках Восточного Приферганья, достигая и киргизских аилов Памиро-Алая. Трудовое дехканство восторженно приняло приход долгожданных «дней свободы» и организовывало по этому поводу торжества и праздники (саиль), куда приглашались русские горожане и рабочие.

А тем временем городская буржуазия и чиновная интеллигенция, старорежимное офицерство, кулаки-колонизаторы в уездах при поддержке организующихся (в противовес возникавшим Советам и союзам демократических слоев населения) буржуазно-националистических элементов спешно формировали свои уездно-городские, а затем и сельские органы власти. В северной части Киргизии последние назывались исполкомами общественных организаций, в южной — комитетами общественной безопасности. Они безоговорочно поддерживали антинародную по своей сути, но прикрывавшуюся поначалу якобы левой, лжереволюционной фразеологией, политику Временного буржуазного правительства и послушных его воле краевых и областных органов власти и назначемых ими в уезды и на места комиссаров. В марте 1917 г. и в Оше был создан первый на юге Киргизи Комитет общественной безопасности, а в мае такие Комитеты функционировали в Ак-Буринской, Алайской, Гульчинской, Узгенской, Джалал-Абадской и других волостях Южной Киргизии, руководство в них захватили представители бай-манапской верхушки. Действуя заодно с Временным правительством, которое не хотело дать народам многонациональной России ни мира, ни хлеба, ни настоящей свободы, они противодействовали нарастанию революционного движения в крае, в частности,

демократическому решению национального вопроса. Причем Временное правительство совсем не намеревалось удовлетворять первоочередные требования киргизского народа, которые содержались в телеграммах из киргизских волостей в Петроград: разрешить возвратиться в родные края киргизским беженцам — повстанцам 1916 г., «поставить крест» на намеченном еще царским правительством выселении кригизов с их исконных плодородных земель в бесплодные «Занарынские горы», распустить по домам рабочих-тыловиков, мобилизованных в 1916—1917 гг. по царскому указу на прифронтовые работы. Начинавшегося уже самовольного бегства последних с тыловых работ, а также дорожных, ирригационных и других работ в крае, где киргизы-тыловики общались с революционно настроенными русскими рабочими, а некоторые даже принимали участие в Февральской революции в ряде городов России, Украины и Белоруссии, вполне обоснованно опасалась феодально-байская и мусульманская верхушка в аиле. Возвращавшиеся в Ош, Узген, Джалал-Абад, Сузак и другие селения и кишлаки тыловые рабочие принимали сторону туркестанских большевиков в их борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Таким образом, в Оше и уезде, соседних районах, как и повсюду в крае и в стране в целом, в результате победы Февральской революции, хотя и позднее, чем в центре, установилось двоевластие, переплетение двух диктатур — революционно-демократических и буржуазных органов власти. Причем и здесь последующее возрождение Советов, эсеро-меньшевистское руководство которых пошло на предательство интересов рабочих и крестьян, уступая позиции рвавшейся к установлению единоличной власти контрреволюции, происходило по мере большевизации Советов, на путях борьбы за победу идей Великого Октября в горном крае.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ош — древнейший город Советского Киргизстана. Находки подъемной керамики и каменных изделий эпохи бронзы на территории города, последовавшие за ними раскопочные работы на террасах Сулейман-горы, показали их принадлежность к чустской археологической культуре, определяемой в 3000 лет. Археологически точно документируемый возраст древнейшего поселения в Оше — свидетельство первого прочного хозяйственного освоения первобытным человеком территории современного города. Тем самым намного удревняются и бытовавшие прежде представления о времени появления оседло-земледельческой культуры на землях Южного Киргизстана — современной Ошской области с ее центром.

Все же названное древнейшее поселение (террасное) на Сулейман-горе — «лишь прародитель города», его колыбель, но отнюдь не город, подобно древнему Ташкенту (Чач), Самарканду (Афрасиаб) или Ленинабаду (Ходжент) с присущими им городской планировкой, административно-политическими функциями и развитой для своего времени (2500 лет тому назад) торговлей и ремеслами. Не обнаружено и свидетельства прямой преемственности жизни на этой территории от эпохи бронзы до раннесредневекового Оша.

Как помнит читатель, впервые об Оше, именно о городе, повествуют арабские и персидские рукописные источники: в частности, сочинение Ибн-Хардадбеха (232 г. х. (846/47 г.); «Книга путей государств» ал-Истахри, написанная в 930—933 гг., в основе которой лежит труд Балхи, составленный в 920 г.; анонимное сочинении X в. «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах ми-

ра»), в которой использованы сведения авторов IX — начала X в. Все это позволяет вести точку отсчета существования города Ош с IX в. н. э., то есть, собственно, город насчитывает уже свыше тысячи лет. Следовательно, если первое оседлое поселение на месте Ош можно считать возникло 3000 лет тому назад, то как город Ош может гордиться 11-вековым историческим прошлым. Знал он периоды подъема и упадка, разрухи и возрождения, был свидетелем угнетения его трудового люда и национально-освободительного и революционного движения горожан и окрестного населения.

За годы Советской власти неузнаваемо изменился социально-экономический и культурный облик Ош. Сегодня это — второй по величине и значимости город республики после ее столицы — Фрунзе. Он своеобразен и привлекателен. Ош — крупный индустриальный центр. Ему присуща и специфическая красота среднеазиатского города: яркая зелень, своеобразная архитектура. Как и века назад, стремительны, всегда мутно-белые воды горной Ак-Буры, некогда делившей Ош на две части — так называемый старый и новый город. Теперь об этом мало кто помнит из ошан.

С февраля 1918 г. — времени проведения I съезда Советов Ошского уезда, руководство которым возглавили большевики, для Ош — этого старинного города и его жителей начался отсчет нового времени. Грозные годы борьбы с басмачеством и контрреволюцией, трудный период индустриализации, приобщения трудящихся к грамоте и новой культуре, раскрепощения женщин — были временем возмужания нового поколения горожан — строителей социалистического общества, патриотов-интернационалистов.

Стремительно росла численность жителей города, превысившая ныне 200-тысячный рубеж. В Оше в дружной семье живут и работают представители свыше 80 национальностей, а по рождаемости город занимает одно из первых мест в республике.

Сейчас Ош производит треть всей промышленной продукции республики. Уникальные глубинные электрические насосы с маркой Ошского завода знают во многих странах мира. Здесь находится один из крупнейших в Средней Азии шелкокомбинат им. ВЛКСМ, хлопчатобумажное объединение им. 50-летия Октября, швейно-обувная фабрика, завод крупнопанельного домостроения, развита пищевая промышленность — есть мясокомбинат, молочный завод. В период первой пятилетки была построена железнодорожная линия, связавшая Ош с другими городами Средней Азии, в том числе со столицей республики. Ош — крупный узел автомобильных дорог. Гордостью ошан и всех южных жителей республики является построенная в годы второй пятилетки автодорога Ош — Хорог. В 30-х годах здесь был один из первых зарубежных гостей Киргизии — Юлиус Фучик, оставивший яркие воспоминания о тружениках города, о строителях этой автострады, влюбленных в свой обновленный край, безгранично преданных своей народной власти. Их достойными наследниками стали строители дороги Фрунзе — Ош.

Развитие промышленности, транспорта, строительства, энергетики привело к формированию здесь многонационального отряда рабочего класса, ставшего ведущей силой в социально-экономическом развитии города. Неуклонно расширяется сеть торговых, коммунальных предприятий, совершенствуется сфера социально-культурного и бытового обслуживания.

В Оше находятся педагогический институт, отделение Фрунзенского политехнического института, техникумы, училища.

Решается актуальная проблема охраны окружающей среды — из центральной части города на окраины перемещаются автобазы, промышленные предприятия, большое внимание уделяется озеленению, созданию парковых зон в городе. Продолжаются работы по благоустройству и озеленению Сулейман-горы, здесь создается историко-краеведческий музей под открытым небом, будет осуществлен большой объем строительных и других работ по благоустройству набережной Ак-Буры. Перед трудовыми коллективами Оша и Ошской области в двенадцатой пятилетке стоят большие задачи.

Растет и расцветает город Ош. Древний и молодой: древний — своими памятниками, многовековым историко-культурным прошлым, молодой — современной жизнью, обновленным обликом. Город по-южному тепло и радушно встречает гостей. Его труженики вписывают новые славные страницы в историю Советского Киргизстана, в историю страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

[1] См.: *Касымов Г. К.* Город Ош: Краткий исторический очерк.— Ош, 1960. — С. 4—20; *Айдашев А.* Город Ош: Краткий краеведческий очерк. — Фрунзе, 1968. — С. 25—38; *Исаев А., Картавов М. М.* Город Ош: Краткий краеведческий очерк. Путеводитель. — Фрунзе, 1974. — С. 8—14; *Кравцов М. М., Сулина М. Г.* Ош: Путеводитель. — Ош. 1982.

Глава 1

[1] *Ахилулла Хайрилулла Оглы.* Город Ош и Тахт Сулайман /Приложение к газете «Вакт»/ На тюркском яз. — Оренбург, 1913.— № 1264.

[2] *Ювачев И.* Курбанджан-датха, кара-киргизская царица Алая// Исторический вестник. — Т. CX, 1907. № 12. — С. 956.

[3] Рукоп. фонды ЛОИВ АН СССР, инв. № С—2038, л. 43—44.

[4] См.: *Заднепровский Ю. А.* Ошский оазис в древности// Изв. АН КиргССР. — 1948. — № 2; *Шустов В.* Гора загадок // Вечерний Фрунзе. — 1983. — 17 декабря.

[5] Следы каменного века зафиксированы А. Н. Бернштамом, А. И. Пошко, А. В. Рановым, В. И. Исаевым и др. См. также: *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области. — Фрунзе, 1960. С. 153; *Юнусалиев М. Б.* В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. — Фрунзе, 1970. — С. 18,24.

[6] См.: *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы// МИА, 1962, № 118.

[7] *Заднепровский Ю. А.* Ошское поселение бронзового века// Изв. АН КиргССР, — 1981. — № 2. — С. 92.

[8] История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. — Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. — Фрунзе, 1984. — С. 121—122.

[9] *Заднепровский Ю. А.* Ошский оазис в древности. С. 56.

[10] История Киргизской ССР. — Т. 1. — Фрунзе, 1984. С. 123.

[11] О путешествиях Ю. Фучика по Советской Средней Азии см.: Фучик Юлиус о Средней Азии. — Ташкент, 1960; и др.

[12] *Заднепровский Ю. А.* Ошский оазис в древности, с. 58—59.

Глава 2

[1] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая// МИА, 1952, № 26 .— С. 249.

[2] *Заднепровский Ю. А.* Ошский оазис в древности, с. 59.

[3] *Массон В. М.* От редактора// *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии.— Л., 1973. — С. 4.

[4] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия// Соч. — Т. 1. — М., 1963. — С. 212—213.

[5] См.: *Караев О.* Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968. — С. 81.

[6] *Зимин Л.* Мусульманское сказание о городе Оше: Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии (11 декабря 1912—4 марта 1913 г.). — Ташкент, 1913. — С. 12.

[7] *Истахри.* Китаб Масалик ал-Мамалик/ Перевод извлечений с персидского З. Н. Ворожейкиной// Материалы по истории киргизов в Киргизии. — Вып. 1. — М., 1973. — С. 31. (Далее — МИКК).

[8] *Истахри.* Китаб Масалик ал-Мамалик/ Перевод извлечений с арабского Л. З. Писаревского. — МИКК, с. 20.

[9] Цит. по кн.: *Гулямова Э.* Хульбук — столица Хутталя. — Душанбе, 1969. — С. 56.

[10] См.: *Мокрынин В. П.* Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.)// Арабо-персидские источники о тюркских народах. — Фрунзе, 1973. — С. 105—106, 122.

[11] *Баласагунский Юсуф.* Благодатное знание/ Издание подготовил С. Н. Иванов. — М., 1983. — С. 337—338.

[12] *Хас-Хаджиб Юсуф.* Наука быть счастливым. — М., 1971. — С. 339.

[13] См.: История Самарканда. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ташкент, 1969. — С. 145—146.

[14] Цит. по кн.: *Караев О.* История караханидского каганата (X — нач. XIII вв.). — Фрунзе, 1983. — С. 123.

[15] *Федоров М. Н.* Второй дирхем Хизр-хана// Из истории дореволюционного Киргизстана. — Фрунзе, 1985. — С. 147—152.

[16] *Крачковский И. Ю.* Избранные соч. — Т. IV. — М.; Л., 1957.— С. 342.

[17] См.:*Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI—XV вв.)// Страны и народы Востока. — Вып. 22. — М., 1980. — С. 84—88.

[18] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время// Соч. — Т. II, ч. 2. — С. 100.

[19] *Заднепровский Ю. А.* Типология и динамика развития поселений древней Ферганы// Древний город Средней Азии: Краткие тезисы докладов. — Л., 1973. — С. 20.

[20] См.: *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформы Масудбека (XIII в.). — М., 1972. — С. 98, и др.

[21] *Массон М. Е.* Клад медных монет XV в из Оша // Эпиграфика Востока. — Вып. XIII. — М., 1960. — С. 111 и др.

[22] *Мирза Хайдар.* Тарих-и Рашиди// Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата, 1969. — С. 203.

[23] *Бабур.* Бабур-наме (Записки Бабура). — Ташкент, 1982. — С. 18—19.

[24] *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. — М., 1968. — С. 49—50.

[25] *Дрижинина Е.* Бывал Бабур в Оше// Ленинский путь. — 1983. — 12 августа.

[26] *Бабур.* 2 книга. Бабур-наме, с. 56—57.

[27] *Азимджанова С. А.* К истории Ферганы второй половины XV в. — Ташкент, 1957. — С. 42—43.

[28] *Бабур.* 2 книга. Бабур-наме, с. 77.

[29] *Махмуд ибн Вали.* Море тайн, относительно доблестей благородных. — Ташкент, 1977. — С. 19.

[30] *Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас.* Хроника. Критический текст, перевод, комментарии и указания О. Ф. Акимушкина. — М., 1976. — С. 214.

[31] *Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас.* Хроника..., с. 219.

[32] *Тумен-туман* — десять тысяч, воинское соединение в 10 тыс. человек. Также район, который мог выставить и содержать столько же воинов.

[33] *Набиев Р. Н.* Новые документальные материалы к изучению феодального института «Суюргал» в Фергане XVI—XVII вв.// Изв. АН УзССР. — Серия обществ. наук, 1959, № 3. — С. 31.

[34] *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия// ПЗСТКЛА, год 20-й. — Ташкент, 1916. — С. 78.

[35] Там же, с. 81.

[36] *Валидов А. З.* Повествование о походе Великого эмира на Ура-Тюбе// ПЗСТКЛА, год 20-й. — Ташкент, 1916. — С. 110.

[37] *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия, с. 85.

Глава 3

[1] *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований// Живая старина. — Вып. III—IV. — СПб. 1894. — С. 435; Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. — Вып. I. — М., 1956. — С. 157.

[2] *Валидов З.* Повествование о походе Великого эмира на Ура-Тюбе, с. 116.

[3] Там же, с. 106—109.

[4] *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977. — С. 89.

[5] *Бернштам А. Н.* Источники по истории киргизов XVIII в.// Вопросы истории. — 1946. — № 11—12. — С. 129.

[6] Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию/ В соавторстве, под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. — Казань, 1811.—С. 73, 103.

[7] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии// Зап. РГО, кн. III. — СПб, 1849. — С. 192.

[8] Перевод извлечений из «Шах-наме» /Тарих-и Омар-хани/ Мирзы Каландара Мушрифа Исфараги// МИКК, с. 227.

[9] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С. 121.

[10] *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. — СПб., 1879. — С. 116.

[11] *Наливкин В.* Краткая история, с. 146.

[12] *Петровский Н.* Очерки Кокандского ханства // Туркестанский сборник, Т. 76, с. 5.

[13] Перевод извлечений из «Тарих-и Шахрухи» Муллы Нияз Мухаммеда Хоканди. // МИКК, с. 233.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] *Наливкин В.* Краткая история, с. 188—189.

[17] *Алибеков М.* Домашняя жизнь последнего кокандского хана// Ежегодник Ферганской области. — т. II. — Н.-Маргелан, 1903. — С. 83—84.

[18] *Зимин Л.* Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства// ПЗСТКЛА, год 17-й. — Ташкент, 1913. — С. 34.

[19] *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Gourney in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kulgja. — vol. 1 — London, 1876. — P. 353.

[20] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6886, л. 2.

[21] The Russians in Central Asia. Their occupation of the Kirghis steppe and the line of Syr-Daria... — London, 1865. — P. 227.

[22] *Сыдыков О.* Тарих-и Шадмания. — Уфа, 1914. — С. 31.

[23] Report of a Journey to Kokan//Selections from the Records of the Government of India, Foreign Department, № XXXIX. — Calcutta, 1863.—P. 8.

[24] *Марков Е.* Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства// Русский вестник. — Т. IX. — СПб., 1893. — С. 35.

[25] *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. — М., 1958. — С. 371.

[26] *Ювачев И.* Курбанджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. — 1907. — № 12. — С. 962.

[27] Там же, с. 964.

[28] Там же, с. 964—695.

[29] ЦГА КазССР, ф. и. 383, оп. 1, д. 81, л. 67.

[30] Перевод извлечений из «Тарих-и Шахрухи» Муллы Нияз-Мухаммед Хоканди// МИКК, с. 236.

[31] *Мулла Нияз Мухаммед Бен Ашур Мухаммед.* Тарих-и Шахрухи. История владетелей Ферганы/ Изд. Н. Н. Пантусова. — Казань, 1885. С. 108 (Рукописный перевод источника любезно предоставлен В. А. Ромодиным).

[32] ЦГА КазССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 14.

[33] *Ювачев И.* Курбанджан-датха..., с. 965.

[34] *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан, с. 371.

[35] *Тоголок Молдо.* Родоплеменное деление // Рукоп. фонды Отд. общ. наук АН КиргССР, инв. № 1016, с. 95.

[36] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 11061, л. 2.

[37] *Ювачев И.* Курбанджан-датха..., с. 969.

[38] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 1629, л. 1.

[39] Именно такая оценка была дана Курбанджан в статье Х. Садыкова и Х. Бабабекова «Курбанджан — дочь народа» в газ. «Кыргызстан маданияты», № 50 от 11 декабря 1975 г.

[40] *Си юй чжи* [Описание западных земель]: Рукоп. 1763—1770, кн. 1, с. 40 /Пер. Г. П. Супруненко// Рукоп. фонды Института истории АН КиргССР.

[41] *Ефремов Ф.* Странствие..., с. 73, 103.

[42] *Потанин Г. Н.* Показание сибирского казака Максимова о Кокандском владении// Вестник РГО. — Ч. XXVIII, отд. II. — СПб., 1860. — С. 73.

[43] См.: *Bacque — Grammon G. L.* Turan. Une description du khanat de Khokand vers 1832 d'apris un document ottoman. — «Cahiers du Monde russe et sovietigue». — XIII (2), 1972. — P. 204—205.

[44] *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. — Ч. 1—2. — СПб, 1824. — С. 91.

[45] *Хорошхин А. П.* Очерки Коканда: Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. — СПб, 1876. — С. 51.

[46] Военные действия против кокандцев в 1875—1876 гг. / По официальным донесениям/. — СПб, 1876. — С. 49.

[47] ЦГА УзССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 2899.

[48] *Генс Г. Ф.* Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент// Зап. РГО. — Кн. X. — СПб, 1855. — С. 349.

[49] См.: *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 222—223.

[50] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23344, л. 48.

[51] *Троицкая А. Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. — М., 1968. — С. 106.

[52] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23534, л. 78—79.

[53] *Йак-хана* — этим термином могла обозначаться любая постройка жилого, хозяйственого или общественного назначения, но преимущественно жилой дом (если назначение постройки не указывалось специальным словом). Слово *йак* — числительное «один».

[54] Т. е. границы которого ясны, существуют физически в виде тех или иных «опознавательных знаков» на самой местности и в отношении которых никаких сомнений правового порядка возникнуть не может.

[55] *Махалла* — городской квартал; названия кварталов давались, как правило, по имени их старейшин, наиболее уважаемых или самых богатых жителей.

[56] *Рах-и амм* — здесь, скорее всего, главная улица, отделяющая данный квартал от соседних (в отличие от *рах-и хасс* — переулков внутри квартала).

[57] *Аке* (или *ака*) — почтительная приставка к мужскому имени, означающая «старший брат»; не исключено, что у упомянутого Йакуба был младший брат с таким же именем, тогда эта приставка может служить различительным формантом и в этом значении быть неотделимой от имени собственного.

[58] Судьи.

[59] *Матрука* — любая движимая и недвижимая собственность, оставшаяся после смерти владельца, на которую либо не осталось законных наследников, либо таковые еще не оформлены нотариально.

[60] *Замин-и мазраа* — земли, пригодные для возделывания под любую сельскохозяйственную культуру, включая сады и бахчи, но преимущественно такие, которые обрабатываются ежегодно.

[61] В строке 6 это название отпечаталось неясно; восстановлено по следующим упоминаниям (строки 7 и 9—11).

[62] *Джуйбарха* — любые водные протоки, преимущественно искусственного происхождения; здесь просто в собирательном значении, в отличие от названия отдельных каналов в других местах текста либо в значении магистральных каналов или оросительной системы в целом (ср. *джуй* при упоминании конкретных каналов).

[63] *Харим* — здесь участки канала общего пользования (см. ниже), водоразбор с которых запрещен или так или иначе регулируется городскими властями.

[64] *Джуй-и амм* — «муниципальный» канал, не являющийся чьей-то частной собственностью, а в пределах города, очевидно, не проходящий (полностью или частично) через те или иные кварталы; в последнем случае должен называться *джуй-и хасс*.

[65] Воспроизведено нечетко, но по сохранившимся остаткам букв и диакритических знаков ничего другого здесь быть не может (прочитано как *вараса* — мн. ч. от *варис*).

[66] В тексте оставлен пробел. Это делалось в тех случаях, когда составлявший документ по тем или иным причинам не мог назвать имя отца упоминавшегося лица, с тем рассчетом, что со временем он либо кто-то из владельцев документа вписал бы его, когда таковое становилось известно.

[67] *Милк* (или *мулк*) — особый вид собственности на землю и другую недвижимость, а также собственность («владение») вообще. Различались разные виды *милка*, о чем существует обширная литература (см. работы Бартольда, Семенова, Петрушевского, Чехович и др.).

[68] *Йала* (также *йал*) — почетная приставка к имени, означает «свободный» или «герой».

[69] Графика этого названия сомнительна из-за неясного росчерка в конце слова и возможного его соединения со следующим, что было бы орфографически неверно, но в принципе не исключено.

[70] Это имя начертано также нестандартно, поэтому его точное чтение не установлено.

[71] Месяц *мухаррам* в письменных источниках часто упоминается с эпитетом *ал-харам* — «священный» или «запретный»; по преданиям, в этом месяце древними арабами не допускались военные действия из-за общих для всех религиозных праздников и богослужения.

[72] Соответствует 6 июня — 5 июля 1864 г. по новому (григорианскому) стилю.

[73] Традиционное описание примет и внешнего вида заявителя, в котором обычно отражались наиболее характерные детали либо телесные недостатки. Некоторые из них (в частности, возраст), как видно из нашего документа, записывались со слов самого заявителя.

[74] Буквально: «в основной части [документа]».

[75] Несколько слов в ксерокопии воспроизведены бледно и смазаны: здесь должно содержаться окончание формулы условий сделки, и на общий смысл и содержание документа оно не влияет.

[76] Выписано монограммой.

[77] *Зимин Л.* Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства // ПЗСТКЛА, год 17-й, с. 34.

[78] ЦГА УзССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 1093.

[79] Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 34937, л. 129—130.

[80] Там же, д. 34801, л. 1—2 (3—4).

[81] ГЛОО, ф. 598, оп. 1, д. 35, л. 7.

[82] *Потанин Г. И.* Показание..., с. 72.

[83] Путешествие Мир Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г.: Сводный текст по английскому и французскому переводам/ Перев. и примеч. Ю. А. Соколова// Труды САГУ. — Вып. 7—8. Историч. науки. — Ташкент, 1956. — С. 45—46.

[84] *Назаров Ф.* Записки..., с. 49.

[85] *Генс Г. Ф.* Дорога из Семипалатинской крепости..., с. 349.

[86] *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргизы. — Ч. 1—2// Архив ГО СССР, инв. № 13—39, разр. 65.

[87] *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара... // Собр. соч. В 5 т. — Т. 3. — Алма-Ата, 1985. — С. 209.

[88] См.:*Троицкая А. Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. — М., 1968.

[89] *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Фрунзе, 1959. — С. 22.

[90] *Вебер В.* Полезные ископаемые Туркестана. — СПб, 1913. — С. 93—94; *Литвинский Б. А.* Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. — Сталинабад, 1954.

[91] *Потанин Г. Н.* Показание..., с. 66.

[92] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 3; д. 33514, л. 14.

[93] *Плоских В. М.* Вакф медресе Алымбека// Страницы истории и материальной культуры Киргизстана /Досоветский период/. — Фрунзе, 1975. — С. 42—43.

[94] ЦГА УзССР, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

[95] Там же, ф. и. 1043, оп. 1, д. 1093, д. 1710.

[96] Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 2—7.

[97] Там же, д. 39947, л. 2—3.

[98] Там же, л. 4.

[99] Там же, д. 34944, л. 3—4.

[100] *Ильясов С. И.* К вопросу о вакфах на территории Южной Киргизии// Изв. АН КиргССР. — Вып. 1. — Фрунзе, 1955. — С. 148.

[101] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54.

[102] Там же, д. 23586, л. 9; д. 33610, л.6—7.

[103] *Айтмамбетов Д. А.* Дореволюционные школы в Киргизии. — Фрунзе, 1961. — С. 27.

[104] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оя. 1, д. 33514, л. 14.

[105] Там же, л. 12—13.

[106] Там же, д. 33730, л. 2.

[107] *Ахилулла Хайрилулла Оглы.* Город Ош и Тахт Сулайман// Прилож. к газ. «Вакт» («Время»). — Оренбург, 1913. — № 1264.

[108] *Зимин Л. А.* Мусульманское сказание о г. Оше// ПЗСТКЛА, год 17-й. — Ташкент, 1913; *Денике Б. П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. — М.; Л., 1939; *Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии. — М.; Л., 1950; *Нусов В. Е.* Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе, 1971.

[109] Рукоп. фонд ЛОИВ АН СССР, инв. № С—2038. Фотокопия и перевод хранятся в фондах Института истории АН Киргизской ССР. Легенды сочинения частично сходны с преданиями об Оше, опубликованными на узбекском языке в «Туркестанской туземной газете» в 1885 г. и переведенными на русский язык Л. А. Зиминым (Мусульманское сказание о городе Оше// ПЗСТКЛА, год 17-й, с. 3—16; Описание «Трактата об Оше» есть в каталоге: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей. — Вып. 3. Исторические сочинения. — М., 1975. — С. 321—322.

[110] Подробнее см.: *Плоских В., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Киргизстана// Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (Досоветский период). — Фрунзе, 1975. — С. 64—72.

[111] Санаты Молдо Нияза// Рукоп. фонды ООН АН КиргССР, инв. № 1732; вторая рукопись — Героические песни Молдо Нияза// Там же, инв № 5072.

[112] *Юнусалиев Б. М.* Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза// Тюркологические исследования: Сб. статей, посвященных 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. — Фрунзе, 1970, с. 50.

[113] См. подробнее: *Плоских В. М.* В поисках книг и рукописей// По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1982. — С. 138—139.

[114] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 3 — С. 46.

[115] *Кун А.* Некоторые сведения о Ферганской долине// Военный сборник. — 1876. — № 4. — С. 439; *Он же.* Очерк Кокандского ханства// Изв. РГО. — Т. 12, отд. 2. — СПб., 1876 (Отд. оттиск), с. 6—7.

[116] *Венюков М. И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. — СПб, 1873. — С. 370, 374; Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, с. 20—46.

[117] См.: ЦГА УзССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 656.

[118] Там же, д. 1993.

[119] *Троицкая А. Л.* Каталог, с. 5.

[120] ЦГА УзССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 1, л. 9.

[121] Из донесения управляющего туземным населением центра Туркестанской области 1 ноября 1865 г. // ЦГА УзССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 113.

[122] ЦГА УзССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 141—144 и др.

[123] *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор// Труды Публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Т. 2. — Л., 1957. — С. 195—196.

[124] ЦГА УзССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 1448; ф. и. 1043, оп. 1, д. 1710.

[125] *Троицкая А. Л.* Каталог, с 173, 186, 191.

[126] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, л. 38, 46.

[127] *Пантусов Н.* Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве// Туркестанские ведомости. — 1876. — № 17.

[128] См.:*Кун А.* Некоторые сведения о Ферганской долине. // Военный сборник — 1876. — № 4. — С. 441; *Он же.* Очерки Кокандского ханства// Изв. РГО. — Т. X. — С. 8 (отд. оттиск).

[129] *Кун А.* Очерки Кокандского ханства, с. 8—9.

[130] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 111.

[131] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 21, д. 335, л. 2.

[132] ЦГА УзССР, ф. и. 1, оп. 34, д. 197, л. 7 (цит. по: *Усенбаев К. У.* Присоединение Киргизии к России. — Фрунзе, 1960).

[133] ЦГА УзССР, ф. и. 1, оп. 34, д. 343—а, л. 23—24. (Цит. по указ. работе К. У. Усенбаева).

[134] ЦГА УзССР, ф. и. 1, оп. 34, д. 243—а, л. 27 (цит. по указ. работе К. У. Усенбаева).

[135] *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. — М., 1977. — С. 54.

[136] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6886, л. 1.

[137] Там же, ф. 1396, оп. 2, д. 132, л. 386.

[138] Там же, ф. ВУА, д. 6884, л. 23.

[139] Там же, л. 52—72.

[140] Там же, л. 135—196.

Глава 4

[1] *Зайцев В. Н.* История 4-го Туркестанского линейного батальона. — Ташкент, 1882. — С. 201.

[2] Capus G. Le toit du monde (Pamir). Paris, 1890. — P. 117.

[3] Dunmore. The Pamirs, vol. 2. — London, 1893. — P. 277.
[4] *Ювачев И.* Курбанджан-датха..., с. 960.
[5] *Ахилулла Хайрилулла Оглы.* Город Ош и Тахт Сулайман // Прилож. к газ. «Вакт» («Время»). — 1913. — № 1264.
[6] Налогами не облагалась вся неудобная земля и 9 дес. 1200 кв. саж. удобной, не подлежащей обложению земли, а всего 451 дес. 1930 кв. саж. (ГАОО, ф. 598, оп. 1, д. 35, л. 7.).
[7] ГАОО, ф. 598, оп. 1, д. 35, л. 6.
[8] *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края... Городское управление. — СПб, 1910. — С. 380.
[9] Там же, с. 34.
[10] ГАФО, ф. и. 121, оп. 1, д. 4, л. 96.
[11] *Новицкий В. Ф.* Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершенного в 1898 г. из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан. — СПб., 1903. — С. 283—284.
[12] По краю // Туркестанские ведомости. — 1906. — № 20.
[13] Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. — Скобелев, 1909. — С. 157.
[14] Статистический обзор Ферганской области за 1911 г. — Скобелев, 1914. — С. 104—105; Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. — Скобелев, 1917. — С. 120.
[15] ЦГИА СССР, ф. 933, оп. 1, д. 38, л. 101; *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Городское управление, с. 229.
[16] *Ахилулла Хайрилулла Оглы.* Город Ош и Тахт Сулайман // Прилож. к газ. «Вакт» («Время»). — 1913. — № 1264.
[17] О применении Городового положения 1892 г. к Туркестанскому краю и Закаспийской области, 1892—1905 гг// ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., 1892, д. 75, л. 13.
[18] *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края... Полиция безопасности. — СПб, 1910. — С. 195—196.
[19] *Сухарева О. А.* К истории городов Бухарского ханства: Историко-этнографические очерки. — Ташкент, 1958. — С. 143.
[20] По данным обзоров Ферганской области за соответствующие годы.
[21] См.: Сведения о территории и плотности населения на 1 января 1914 г. в районе обследования фабрично-заводских и промышленных предприятий Туркестанского края за 1914 г// ЦГИА СССР, ф. 432, оп. 1, д. 247, л. 1.
[22] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. т. XXXIX. Ферганская область. — СПб, 1904. — С. 2.
[23] Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. — Скобелев, 1909. — Приложение № 5; Статистический обзор Ферганской области за 1911 г. — Скобелев, 1914. — С. 7.
[24] Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. — Ведомость 6.
[25] ГАОО, ф. 598, оп, 1, д. 65, л. 28.
[26] Приложение к отчетам по ревизии Туркестанского края, произведенной К. К. Паленом: Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. — Ч. 1, отд. II. — СПб., 1911. — С. 99.
[27] Дело об утверждении Департаментом геральдии Сената проекта гербов Ферганской области// ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 323.
[28] Там же.
[29] Там же, л. 27.

[30] *Соболева Н. А.* Старинные гербы российских городов. — М., 1983. — С. 116.
[31] *Ахилулла Хайрилулла Оглы.* Город Ош и Тахт Сулайман // Прилож. к газ. «Вакт» («Время»). — 1913. — № 1264.
[32] *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. — М., 1970. — с. 135—136.
[33] *Демидов А. П.* Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. — М., 1922. — С. 75.
[34] Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX в. — Фрунзе, 1970. — С. 57.
[35] Сведения о числе кожевенных заводов...// ЦГИА СССР, ф. 432, оп. 1, д. 245, л. 6.
[36] Рапорт ошского уездного начальника в Ферганское областное правление 16 апреля 1916 г. //ЦГА УзССР, ф. и. 276, оп. 1, д. 903а, л. 194.
[37] См.: Обзор Ферганской области за 1890 г., а также за 1894 и 1895 гг. (Н-Маргелан, 1893; 1896).
[38] Анкетные сведения о пивоваренных заводах г. Ош// ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 483, л. 36; Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. — Скобелев, 1916. — Прилож. 10.
[39] Возникновение капиталистических отношений..., с. 159; *Вяткин М. П.* Социально-экономическое развитие Киргизии. — Фрунзе, 1974. — С. 240—241.
[40] Статистический обзор Ферганской области за 1913 г., Прилож. 10.
[41] Сведения о числе кожевенных заводов...// ЦГИА СССР, ф. 432, оп. 1, д. 245, л. 6.
[42] Статистический обзор Ферганской области за 1913 г., Приложение 10.
[43] Туркестанские ведомости. — 1915. — № 263.
[44] *Чормонов Б., Сидоров А.* Промышленный прогресс в Киргизской ССР. — Фрунзе, 1963. — С. 26. Таблицы.
[45] *Заорская В. В., Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края. — Пг, 1915.
[46] ЦГА УзССР, ф. и. 1009, оп. 1, д. 145, л. 63.
[47] Обзор Ферганской области за 1887 г. — Н.-Маргелан, 1888.— Приложение к ведомости № 4.
[48] *Лунин Б. В., Кравец Л. Н., Сулейменов Б. С. и др.* Революция 1905—1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1985. — С. 36.
[49] ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 1265, л. 15.
[50] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 260/916-а, д. 325, л. 8.
[51] ЦГА УзССР, ф. и. 1, оп. 11, д. 1725, л. 144—149.
[52] Обзор Ферганской области за 1900 г. — Н-Маргелан, 1901.— С. 122.
[53] Путеводитель по Туркестанской ж. д. — СПб., 1904. — С. 395.
[54] *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края... Учебное дело. — СПб., 1910. — С. 139.
[55] *Holdsworth M.* Turkestan in the Nineteenth Century. — London, 1959 — P. 37; A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. — Oxford, 1959.
[56] *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. — СПб., 1875.

[57] *Olufsen O.* Through the unknown Pamir: The second Danish expedition 1898—1899 — London, 1904. — P. XIII.

[58] *Curzon G. N.* Russian Central Asia in 1889 and Ango-Russian question. — London, 1899. — P. 129; *Fruser-Tyfeer* K. Afghanistan: A study of political development in Central Asia. — London; N.-Y.; Toronto, 1953; Skrine F. H. and Ross E. D. The heart of Asia: A history of Russian Turkestan and Central Asia Khanates from the earliest times. — London, 1899.

[59] *Capus G.* Le toit du monde (Pamir). — Paris, 1890. — P. 129.

[60] Там же.

[61] ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 8, д. 30178; д. 30332, л. 15.

[62] Там же, ф. 1149, оп. 13, д. 178, л. 7—8; ф. 398, оп. 74, д.27938, л. 17, 57; оп. 75, д. 174, л. 104—105, 123, 130—131.

[63] Таж же, ф. 396, оп. 2, д. 240, л. 50.

[64] Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 434, л. 14—15.

[65] История Узбекской ССР. — Т. 1, кн. 2. — Ташкент, 1956. — С. 99.

[66] *Федоров Е.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. — Ташкент, 1925. — С. 12—13.

[67] См.: *Кунин А.* Интересный документ // Ленинский путь. — 1973. — 18 сентября.

[68] *Чукубаев А.* Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии /1900—1917 гг./ — Фрунзе, 1967. — С. 45—46.

[69] ЦГА УзССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 311, л. 1.

[70] *Усенбаев К.* Приобщение трудящихся Киргизии к революционной борьбе в России. — Фрунзе, 1971. — С. 39—40.

[71] *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1963. — С. 184.

[72] Цит. по: *Чукубаев А.* Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии, с. 153.

[73] *Усенбаев К. У.* Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — С. 169.

[74] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. — М., 1960. — С. 206, 214, 237.

[75] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии, с. 161—171.

[76] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 215.

[77] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 32. — С. 384—385.

[78] Рукоп. фонды Ошского областного краеведческого музея, инв. № 860/101, с. 3—4.

[79] *Зима А. Г.* Победа Окртябрьской революции в Киргизии. — Фрунзе, 1966. — С. 101.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
198 г.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	— Архив внешней политики России МИД СССР
ГАОО	— Государственный архив Ошской области
ГАФО	— Государственный архив Ферганской области
ЛОИА	— Ленинградское отеделение Института археологии АН СССР
ЛОИВ	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии
МИКК	— Материалы по истории киргизов и Киргизии
ООН	— Отделение общественных наук АН КиргССР
РГО	— Русское географическое общество
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
ЦГА	— Центральный государственный архив
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

1. **Древнейшие поселения** 6
Легенды 6
Открытие археологов 8
Античная Давань 12

2. **Средневековый Ош** 15
Во тьме веков 15
По страницам сочинений средневековых географов 17
На периферии Караханидского каганата . . . 20
Под копытами орд кочевников 28
В составе Моголистана 29
«Бабур-наме» 31
Против джунгарских завоевателей 39

3. **Под гнетом Кокандского ханства** 41
В борьбе с кокандскими владетелями . . . 41
Алымбек 48
Курбанджан 53
Город и его жители 57
Хозяйственные занятия горожан 62
Медресе и его вакф 73
Памятники и рукописи 79
Налоговый гнет 91
Грозные годы восстания 96

4. **Ош — уездный центр** 104
Общее описание 104
Управление городом 111
Население 112
Хозяйственные занятия 116
Налоги и подачи 129
Памятники Ош и культура горожан . . . 132
Народные выступления в конце XIX в. . . . 141
Революционные события 144
Восстание 1916 г. 151
События на юге Киргизии в феврале 1917 г. . . 155

ПОСЛЕСЛОВИЕ 161
ПРИМЕЧАНИЯ 164
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ . . 175

Владимир Яковлевич Галицкий,
Владимир Михайлович Плоских

СТАРИННЫЙ ОШ

Очерк истории

Редактор издательства *Песковая Т. К.* Обложка художника *Роека В. Ф.* Технический редактор *Хусаинова Р. Р.* Корректор *Талесник Е. Я.* ИБ № 1135. Подписано к печати 6.04.87. Д. — 00562. Формат 84 × 108 1/32. Бумага тип. № 1. Объем 10,66 усл. п. л., 10,94 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Цена 1 руб. 84 коп. Заказ 239. Издательство «Илим», 720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265а. Типография АН Киргизской ССР, 720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144.